

АМАДЕО
НИЧЕГО ЛУЧШЕГО

Annotation

Все мальчишки, выросшие в бедных кварталах, мечтают о том, чтобы однажды разбогатеть. Маленькому Амадео такая возможность представилась — он неожиданно стал приемным сыном весьма влиятельной семьи. Но что принесет такое родство — силу или разочарование? Любовь или ненависть? Друзей или конкурентов? Выдержит ли он вес внезапно свалившейся на него власти?

Амадео

Ничего личного...

Мальчик под дождем

— Эй!

Амадео повернулся и получил струю воды прямо в лицо. Микки захохотал и отбросил пустую пластиковую бутылку.

— Ну ты и раззява! Я снова на высоте! — и он изобразил танец победителя.

— Ты просто застал меня врасплох, — проворчал Амадео, стряхивая воду с лица и длинных волос. — В следующий раз я тебя обязательно сделаю!

— А это ты не мне объясняй, а Терезе, — мальчик стукнул его в плечо. — Да ладно, чего ты сразу раскис, подумаешь, в пятый раз водой облили...

— Ничего я не раскис! — Амадео вернул тычок. — Зато спорим, я быстрее тебя добегу до пожарного гидранта!

— И снова промокнешь! — залиvisto засмеялся Микки. — Он сломан уже неделю как! Ты вообще вечно витаешь в облаках, Амадео.

— Ну ладно, ладно! — Амадео снова хотел обидеться, но приятель выглядел таким счастливым, что он тоже улыбнулся.

Мальчишки шли по улице, то и дело выпинывая из-под ног друг друга камушки, которые со звоном влетали в пустые консервные банки. При каждом попадании Микки издавал торжествующий вопль и воображал себя именитым футболистом.

— Трибуны ликуют! — орал он, размахивая руками и раскланиваясь. — Спасибо, спасибо!

Амадео искренне радовался за друга. Когда-нибудь Микки станет знаменитым игроком и сможет уехать отсюда, из этого квартала, в котором каждый день — борьба за выживание. Амадео было всего восемь, но он уже отлично знал, что такое смерть, и не раз видел ее на грязных, пропахших грязью и тленом улицах.

Но сейчас ярко светило солнце, Микки вопил, загоня очередной мяч в ворота, и мрачные мысли быстро оставили Амадео. Здорово, когда рядом есть друг, с которым можно подурачиться, погонять наперегонки, побрызгаться водой. И Амадео твердо решил: если ему когда-нибудь удастся выбраться из этого места, он возьмет Микки с собой. И Тереситу тоже.

Терезу оба считали своей маленькой сестричкой. Ей недавно исполнилось пять, короткие черные волосы кудрявились, как у барашка, а огромные черные глаза наивно хлопали, когда она слушала рассказы братьев о прошедшем дне. Иногда они с Микки приносили кукол, найденных в бесконечных скитаниях по кварталу, и тогда радости ее не было предела.

— Эй, мы обещали Терезе прийти сегодня пораньше, не забыл? — окликнул он Микки.

— А, да, точно, — отозвался тот, примериваясь камнем в очередную банку. — И вывести ее погулять к фонтану, она давно хотела. Тогда давай наперегонки! Ты же сам собирался! — и он первым рванул вперед, оставив Амадео далеко позади.

— Микки! — в отчаянии выкрикнул тот. — Ну что за подлый гад... Я все равно тебя догоню!

— Попробуй! — донесся издали насмешливый голос.

— А вот и не буду! — заорал вслед Амадео. — Пойду пешком, зато не устану! — и нарочито медленно зашагал следом.

Да, сегодня выдался хороший день. Вокруг кипела привычная для квартала жизнь: торговцы зазывали к прилавкам в надежде продать что-то из потрепанного товара или залежалой еды, громогласные дородные матери орали на детей из окон, постоянные клиенты толклись у дверей бара, ожидая, когда двери распахнутся, и можно будет промочить глотку. Отовсюду доносились привычные разговоры и даже смех. Хорошая погода никого не оставляет равнодушным, и Амадео тоже широко улыбался, радуясь новому дню.

Повернув за угол, где скрылся Микки, он столкнулся с чьей-то ногой.

— Ой... Извините... — привычно пробормотал он, сдавая назад.

— Извините? Ты че, принц какой? — насмешливо глянул на него сверху вниз мужчина в кожаной безрукавке. Заметив испуг в глазах Амадео, прибавил. — Ладно, не каждый день тут вежливого встретишь. Современная молодежь только и знает, как хамить. Проходи давай.

Амадео мышкой прошмыгнул мимо мужчины, не забыв поблагодарить. Обернувшись через плечо, увидел, как тот передает кому-то, скрытому в тени, небольшой сверток, а в ответ получает деньги. Наверняка наркотики. Но Амадео это не касалось, поэтому он тут же забыл обо всем.

Тереза уже ждала их. Черный насупленный взгляд перебежал с Микки на Амадео.

— Вы обещали прийти пораньше, — капризно протянула она.

— Знаем, знаем, Тересита, — успокаивающе сказал Амадео. — А все из-за Микки, он снова облил меня водой!

— А тебе лишь бы жаловаться. — Микки показал ему язык, чем несказанно рассмешил Терезу.

— Пойдем уже! — Амадео схватил девочку за руку. — Этому придурку лишь бы ржать.

— Ой-ой, наш принц снова обиделся? Какой ты однако ранимый, — продолжал измываться Микки, когда они шагали по залитому солнцем кварталу к небольшой площади. — Тебя, случаем, в роддоме не подменили? Чего ты забыл в таком захолустье-то?

— Живу я тут, дурак! — огрызнулся в ответ Амадео.

— Да ладно тебе, ты что, правда обиделся? — Микки недоуменно почесал нос. — Расслабься, я же просто шучу.

— А вдруг Амадео настоящий принц, почему тебе знать! — вдруг выдала Тереза. — Может, у него есть самый настоящий замок, а там полно слуг, и все они ищут своего принца, который неожиданно пропал.

Амадео поперхнулся.

— Ну ты... придумашь, Тересита...

— А почему нет? Ты и правда похож на принца. У тебя красивые волосы и ты очень милый, — просто сказала она. — Ой, фонтан! — вырвав руку у Амадео, она бросилась вперед.

— Он же не работает, глупая! — крикнул ей вслед Микки.

— Он никогда не работал, — отозвался Амадео. — Но все равно он красивый.

— Ага, прямо как ты, принц, — хихикнул друг.

— Ух, кто же знал, что пойдет дождь! — Микки, отфыркиваясь, влетел в подвал, служивший им домом. — Такая погода была... Откуда он взялся, черт побери?

— Не ругайся, Микки, — не терпящим возражений тоном сказала Тереза, поправляя мокрое платице. — Это нехорошо. Амадео же не выражается.

— Потому что он принц, ему по статусу положено, — фыркнул тот.

Амадео стянул мокрую футболку. Они только-только начали играть в догонялки вокруг фонтана, как неожиданно набежали тучи и полил ливень. Добежать до дома быстро не получилось, они все насквозь вымокли.

— Переоденься, Тересита, — он протянул ей большую, сложенную в несколько раз сухую тряпку. — А то простудишься.

Та шмыгнула носом.

— Не простужусь, подумаешь, дождик. Я хочу есть.

Микки прошел в дальний угол и закопался в куче тряпья. Вскоре торжествующе вытащил небольшую облупившуюся коробку, в которой оказался хлеб, уже начавший плесневеть сыр и бутылка с водой.

— Цела! Я же говорил, никому и в голову не придет искать тут.

Разделив еду между товарищами, он сел на деревянный ящик, скрестив ноги.

— Завтра нужно будет добыть еще. Запасы кончаются. Амадео, ты со мной?

— Конечно, — пробормотал тот с набитым ртом. — Спрашиваешь.

— Хорошо, тогда завтра с утра и займемся. Я выяснил, что старый алкаш Эдуардо не запирает дверь своей лавчонки — замок сломался. А встает не раньше одиннадцати. У нас полно времени, чтобы его обчистить, — Микки вгрызся в кусок зачерствевшего хлеба.

— А я? — возмущенно воскликнула Тереза. — Почему вы всегда ходите без меня?

— Потому что ты еще слишком маленькая, — отрезал Микки.

— Вовсе нет, — мягко сказал Амадео. — Просто девочки не должны добывать еду, это работа для мальчиков.

Он не стал прибавлять, что не хочет, чтобы Тереза начала воровать. Это плохо, это неправильно, но им приходилось это делать, чтобы выжить. Никто не возьмет на работу восьмилетнего мальчишку. Или десятилетнего, как в случае с Микки. Он пытался, но везде перед ним закрывали дверь с напутствием подрасти для начала.

Поэтому оставалось только воровство. Они никогда не брали деньги или ценные вещи — только еду, чтобы насытиться и забыть о пропитании на какое-то время. И так изо дня в день, неделя за неделей им удавалось жить в этом мире.

Ночью Амадео что-то разбудило. Он сел на куче тряпья, пытаясь понять, в чем дело. Кто-то залез к ним? Но вокруг все было тихо, даже крысы, в изобилии водившиеся в округе, не тревожили.

Рядом беспокойно зашевелилась Тересита. Микки спал, как убитый, но она ерзала, сбрасывая с себя старое, в дырах одеяло.

Амадео протянул к ней руку и тут же отдернул — девочка вся горела.

— Микки, — прошептал он, пихнув друга в бок. Тот никак не отреагировал, и Амадео потряс его за плечо. — Микки, проснись, с Терезой что-то не так!

— А? Что? — сонно пробормотал тот. — С Терезой? Что с ней может быть не так, она же поела...

— У нее сильный жар, да проснись ты наконец!

Тереза металась, скидывая одеяло, которым Амадео и Микки пытались накрыть ее, и тихонько хныкала, иногда срываясь на сухой кашель.

— Я хочу мишку... Купи мне мишку, хочу искупать его в фонтане...

Микки с беспокойством смотрел на нее.

— Она бредит или что? Не понимаю.

Амадео прижал одеяло собой, чтобы девочка не могла его скинуть. Даже сквозь ткань

чувствовался ужасный жар, исходящий от ее тела. Как будто вот-вот сгорит.

— Не знаю, но ей очень плохо. Надо что-то делать, Микки. У нас даже воды не осталось.

Тот кусал губы, сжимая горячую мокрую ладонку Терезы.

— Ладно. Я пойду поищу лекарства, а ты присмотри за ней.

— Что? Ночью? Но где ты найдешь их ночью?

— Залезу в аптеку, да какая разница где! — вспыхнул тот. — Присмотри за ней, я постараюсь быстро вернуться.

— Но откуда ты знаешь, что нужно?

— Разберусь как-нибудь, читать я все-таки пока умею!

— Ладно, — Амадео сильнее обнял Терезу, которая снова начала метаться.

Микки, не сказав больше ни слова, выскользнул из подвала. С его уходом словно стало темнее, и Тереза снова тихо захныкала, требуя своего мишку.

— Потерпи, Тересита, — прошептал Амадео. — Потерпи, скоро Микки вернется, мы тебя вылечим... И мишку тебе принесет. Только потерпи.

Прижимая к себе девочку, Амадео вскоре уснул.

Он проснулся от собственного чиха. В носу жутко свербило, Амадео шмыгнул и с трудом разлепил глаза.

Похоже, Микки так и не вернулся — его место пустовало. Тереза лежала рядом. Она не металась, не ерзала. Она вообще не шевелилась.

— Эй, — позвал Амадео, и в горло вцепились стальные крючья. Он откашлялся, но стало только хуже. — Эй, Тересита. Проснись, уже утро.

Она не шевелилась, и Амадео потряс ее за плечо. Голова девочки свесилась со свертка одежды, служившего подушкой.

Ледяной ужас пронзил все нутро Амадео. Он снова и снова тряс Терезу, нарочно не замечая похолодевшую кожу, так резко контрастировавшую со вчерашним жаром. Наконец в полнейшем бессилии отпустил ее и подтянул колени к груди.

Маленькая Тересита умерла. Микки не вернулся. Амадео остался один.

Слезы потекли по щекам, оставляя светлые дорожки на грязных щеках. Что за несправедливость? Почему маленькая девочка должна была так глупо погибнуть? Почему не удалось ее спасти? Почему не получилось? Что он сделал не так?

Он и не пытался ничего сделать. От этой мысли его словно окатило ледяной водой. И правда. Микки хотя бы ушел за лекарствами, Амадео же не сделал вообще ничего!

Он сжал кулаки и стиснул зубы. Слезы закапали на грязное одеяло.

На очередной чих голова отозвалась тупой болью. Он лег, сжавшись в комочек, и не сводил глаз с Тереситы. Он до сих пор не верил в то, что ее больше нет, а перед ним лежит лишь тело.

Головная боль нарастала. Вскоре Амадео затрясло, будто от холода, и он плотнее закутался в старые тряпки. Микки вернется. Он должен вернуться рано или поздно, даже если не достанет лекарства. Тем более что Терезе они уже ни к чему.

Зубы стучали, голову будто охватил огонь, но тело колотило в жутком ознобе. Он просто умрет здесь. Умрет, как Тереза. И все. Пусть это станет облегчением той боли, что разрывала изнутри, пусть она прекратится!

Вскоре Амадео провалился в беспокойный, бредовый сон, иногда выныривая из него, затем снова погружаясь в липкое горячее болото. Дрожь то унималась, и тогда он скидывал с

себя неприятно пахнущее одеяло, то снова возобновлялась, и он укутывался с головой. Кашель рвался из груди, как чудовище с острыми зубами, царапаясь, кусаясь. Нос не дышал, и Амадео приходилось хватать воздух ртом, как выброшенной на берег рыбе. Его тошнило, выворачивало наизнанку, руки и ноги ломило, и он все сильнее съеживался, будто надеялся уменьшиться и исчезнуть.

Сколько времени он так пролежал, неизвестно. Но когда вынырнул из небытия, из двери лились лучи закатного солнца. Тересита лежала на своем месте, свесив голову со свертка одежды.

Сам не зная зачем, Амадео поднялся. Ноги едва держали, мир вокруг ходил ходуном, но он не мог больше лежать и умирать здесь, в этом тесном, душном помещении, которое, казалось, стало еще меньше. По крайней мере, он попытается найти Микки, и потом они вместе похоронят Тереситу. Это тяжело, но кто-то должен.

Опираясь на стену, Амадео двинулся к выходу, через каждые несколько шагов сгибаясь в приступе неодолимого кашля. Наконец дрожащей рукой толкнул приоткрытую дверь и вышел наружу.

Солнце и правда садилось, он не ошибся. Сколько же он пролежал в таком состоянии? День? Два? А может, и все три? Тересита сгорела за вечер, почему он продержался так долго?

Слезы снова подступили, готовясь вырваться на свободу, но Амадео стиснул зубы. Нет. У него будет еще время поплакать, сейчас он должен найти Микки.

Шаг. Другой. Стена закончилась, держаться больше не за что. Но, кажется, он приходит в себя, держится уверенней. У него получится. Оторвавшись от стены, Амадео медленно двинулся дальше по улице. Ничего, что быстро не удастся, он еще слишком слаб. Не следует требовать от себя невозможного.

— А ну пошла прочь с дороги, девчонка! — услышал он за спиной. И тут же сильная рука толкнула мальчика на мостовую.

Амадео не смог даже вскрикнуть — голос совершенно пропал. Вор с кошельком в тонких пальцах промчался мимо и скрылся из виду. А позади раздался визг тормозов.

Обернуться он не успел. Его подбросило в воздух и Амадео, пролетев несколько метров, ударился об асфальт, перекатившись несколько раз. Руку пронзила ужасная боль, но кричать он не мог. Поэтому корчился на дороге, кусая губы, волосы упали на лицо, закрывая свет.

Хлопнула дверца, раздался стук каблуков.

— Ты что наделал, болван?! — услышал он мальчишечий голос. — Глаза разуй, куда ты прешь перед машиной!

Носок ботинка врезался в ребра Амадео, и тот прикусил губу сильнее. По подбородку потекла струйка крови.

— Я тебя научу, как надо себя вести, ты, мусорная кры...

— Лукас! — вдруг прозвучал над переулком властный голос. — Что ты себе позволяешь? Живо вернись в машину!

— Но, папа, он...

— Я сказал, вернись в машину, Лукас.

Шаги. Идут к нему. Амадео весь съежился, ожидая удара, но вместо этого ощутил на голове чью-то тяжелую и теплую ладонь. Волосы соскользнули на глаза, и он зажмурился.

— Мальщ, — произнес тот же властный, но вместе с тем мягкий голос. — Ты сильно ушибся?

Амадео хотел ответить, но из горла не вырвалось ни звука. Сознание уплывало, и он не стал удерживать его, провалившись в непроглядную тьму.

Писк. Писк. Писк.

Навязчивый звук зудел в голове, вырывая из блаженного сна, где они снова были вместе. Микки. Тересита. И он, Амадео. Играли втроем у неработающего фонтана в старом квартале. Шел дождь, но он больше не пугал, наоборот, ласкал холодными струями разгоряченную кожу, даруя ощущение облегчения, смывая боль.

Но писк не прекращался. И Амадео нехотя разлепил веки.

Боль ударила по нему, подобно волне, так, что дыхание на мгновение перехватило, и на глаза навернулись слезы. Правая рука горела огнем, под ребра будто напихали кипящего масла. Каждый вдох давался с трудом, на грудь словно положили мешок с песком.

— Пришел в себя? Хорошо, — произнес женский голос.

Перед Амадео появилась женщина, одетая в белый халат и плотно сидящую на голове шапочку.

— Не бойся, ты в больнице. Как тебя зовут?

Амадео открыл рот, но не смог издать ни звука. Медсестра кивнула, будто ожидала подобного.

— Ничего, голос вернется. Ты сильно простудился, но тебя вылечат. А еще у тебя сломана рука. Так что не вздумай вставать самостоятельно. Если сильно болит, кивни, и я дам тебе обезболивающего.

Амадео не замедлил затрясти головой. Боль просто сводила с ума, и как долго сможет вытерпеть, он не знал.

Вскоре боль начала отступать, и в голове немного прояснилось. Что случилось? Как он тут оказался? Кто его привез? Эти вопросы так и рвались наружу. Прочитав недоумение на лице Амадео, медсестра улыбнулась и выглянула за дверь.

— Господин Солитарио, мальчик пришел в себя.

— Очень хорошо, — прозвучал в ответ знакомый голос. Амадео силился вспомнить, где же слышал его, и не смог.

В палату вошел мужчина в строгом темно-сером костюме. Узел бордового галстука был слегка ослаблен, шляпу он держал в руке. Черные волосы аккуратно уложены.

— Здравствуй, — мужчина подошел к кровати Амадео и опустился на стул рядом. Добрые карие глаза внимательно изучали мальчика. — Меня зовут Кристоф. Мне сказали, говорить ты пока не можешь, так что я просто расскажу, как ты тут очутился. Моя машина сбила тебя, и я приношу свои извинения за это недоразумение. К сожалению, ты сломал руку и получил трещину в ребре, поэтому тебе придется какое-то время побыть здесь.

Амадео слушал и не понимал. Его сбила машина? Да, он это вспомнил, но кто такой этот Кристоф?

И тут все встало на свои места. Грозный окрик «Лукас!», вопрос, сильно ли он пострадал... Тот самый голос, властный и в то же время мягкий, вызывающий доверие — вот кто этот человек!

Внезапно Амадео стало страшно. Он слышал немало историй от местных мальчишек, пытающихся заработать на жизнь таким нехитрым способом, как бросание под колеса и выманивание денег у богачей. Вдруг Кристоф сочтет, что он такой же? Что он специально упал под его машину?

Кристоф повернулся к медсестре.

— Что с ним? Почему он вдруг так испугался?

Амадео же лихорадочно соображал, как убедить Кристофа, что он вовсе не такой, что ничего ему не нужно, ни лечения, ни денег. Но голос и не думал возвращаться, а Кристоф вот-вот подумает, что он просто-напросто жалкий мошенник.

— Понятия не имею, господин Солитарио. Но я могу дать ему ручку и бумагу...

— Давайте, — нетерпеливо сказал Кристоф.

Амадео закивал. Вот оно, решение! Писать Амадео научил один из обитателей Старого квартала. Он напишет, что сожалеет об этой неприятности, скажет, что сам во всем виноват, и убедит Кристофа, что ничего плохого не хотел.

Кристоф читал его едва разборчивые каракули с кучей ошибок, и на губах проступала улыбка.

— Что ты, малыш, я вовсе не думал о тебе ничего плохого. В конце концов, это ведь мой автомобиль тебя сбил, и меньшее, что я могу для тебя сделать — вылечить. Не беспокойся о деньгах, все за мой счет.

Амадео растерялся. Он снова потянулся за ручкой, однако Кристоф мягко накрыл его руку своей.

— Ты необычный мальчик. Мало кто способен прийти к такому странному выводу, большинство наоборот постарались бы вытянуть из меня как можно больше в качестве компенсации. За честность я говорю тебе спасибо. А сейчас извини, у меня дела. Я постараюсь проведать тебя чуть позже. Не возражаешь?

Ошарашенный Амадео мог лишь кивнуть.

Следующую неделю он провел в больнице. Трижды к нему приходил Кристоф и приносил огромный пакет с разными вкусностями. Столько всего Амадео в жизни не видел и в первый раз попытался отказаться от такой милости. Однако Кристоф строго посмотрел на него, и Амадео больше не возражал.

Голос вскоре вернулся, и Амадео смог сказать Кристофу свое имя, но тот упорно продолжал называть его малышом. Амадео рассказывал обо всем: о своей жизни в старом квартале, о пожарном гидранте, который сломался, о футболе с консервными банками, о здоровенной крысе, которая сильно напугала его как-то в заброшенном доме. Кристоф внимательно слушал, и Амадео льстило такое внимание. Раньше он не мог так запросто общаться с человеком гораздо старше себя.

Но одна мысль не давала покоя. И однажды он решился заговорить о ней с Кристофом.

— Извините, — робко спросил он, пряча глаза. — Могу я... попросить вас об одной услуге? Она совсем небольшая, но очень важная.

— Разумеется, малыш. Проси о чем хочешь.

Запинаясь, Амадео рассказал ему о Тересите и пропавшем Микки. Терезу надо было похоронить, это нехорошо, что она осталась там, а Микки... Амадео хотел знать, что с ним случилось, почему он не вернулся. И не мог бы Кристоф помочь, отпустить из больницы ненадолго...

На этот раз Кристоф слушал внимательней обычного. Когда голос Амадео неуверенно затих, он положил ладонь на голову мальчику.

— Я сделаю то, что ты просишь, малыш. Но с одним условием — из больницы ты не выйдешь. Ты еще слишком слаб. За Тереситу не беспокойся, она найдет покой. Что же касается твоего друга, я узнаю, что смогу. Идет?

Амадео вскинул голову, в черных глазах застыла надежда.

— Вы правда это сделаете?

— Кристоф Солитарио всегда держит слово. Хорошенько запомни это, малыш, — в обычно смешливых глазах на этот раз не мелькнуло и тени улыбки.

Два дня от Кристофа не было никаких новостей. В больницу он не приезжал. Амадес скучающе глядел на дождь, барабанивший по карнизу, и пытался отогнать от себя самые мрачные мысли.

Завтра его должны выписать. А Кристоф наверняка не придет. Свой долг он уже выполнил, хотя это было необязательно. Рассчитался с мальчишкой за причиненные увечья — и adios. Он и так слишком много отдал, больше, чем следовало.

Амадео затряс головой, и волосы упали на лицо. Нет, он не должен так думать о Кристофе. Единственный человек, который когда-либо был добр к нему, дал, пусть и на время, ощущение теплоты. За все это нужно сказать спасибо, только вот он больше... не придет.

Амадео тяжело вздохнул и протянул руку за книгой, которую ему принес Кристоф. «Тим Талер, или Проданный смех». Поучительная история о мальчике, который ради денег потерял способность смеяться. Амадео запоем прочел ее и с восторгом обсуждал с Кристофом планы, как можно было обхитрить барона Треча, не прибегая к губительной сделке. Тот лишь улыбался и задавал колкие вопросы, на которые Амадео, хмуря брови, искал достойный ответ.

Читать расхотелось. Амадео положил книгу обратно на тумбочку и улегся на левый бок. В палате было тихо, только дождь без конца ударял по стеклам.

Амадео почти уснул, когда дверь в палату приоткрылась. Радостно вскочив, он открыл рот, чтобы поприветствовать Кристофа, но вместо него внутрь сунулся вздернутый нос.

— А, так это тебя отец обхаживает уже несколько дней, — прозвучал надменный голос, от которого улыбка сползла с лица Амадео, как ненадежная краска.

Мальчик, старше Амадео года на три-четыре, важно вошел в палату, оглядывая все вокруг с таким презрением, будто оказался в самой мерзкой выгребной яме. Темные волосы были гладко прилизаны, лишь на затылке торчал непослушный вихор. Одежда с иголочки — темно-зеленый жилет, белая рубашка, черные брюки. И выражение презрения на лице, которое сопровождало его всюду, на что бы он ни посмотрел.

— Неплохо устроилась, помойная крыса, — выплюнул он, и Амадео накрыла волна возмущения.

— Сам ты помойная крыса! А это моя палата. Не нравится — уходи.

Отпора мальчик явно не ждал. Лицо перекосилось, и он рявкнул:

— Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь! Немедленно извинись, или я заставлю тебя вылизать мои ботинки!

— Тебе надо — ты и вылизывай, — Амадео отвернулся от него и укрылся одеялом.

— Надо же, какие крысята невоспитанные пошли! — заверещал мальчишка, топнув ногой. — Ничего, скоро все передохнете! Как тот хорек! Как его звали? Микки, кажется?

Амадео вздрогнул.

— Что ты сказал? — он сел на кровати и повернулся к мальчику. — При чем тут Микки?

На лице гаденыша отразилось торжество.

— Сдох он, твой Микки! Хозяин аптеки сделал в нем огромную дыру, футбольный мяч пройдет! Я слышал, как он говорил об этом отцу, да, так что это точная информа...

Амадео слетел с кровати и сбил мальчишку с ног.

— Думай, что говоришь!! Микки не могли убить, не мог...

— ПАПА!!! — завопил тот. — Он меня убьет, папа, помоги!!

Амадео соскочил с него и ошеломленно отступил, наткнувшись на кровать. Рука тупо ныла, в голове царил полный хаос. Микки? Умер? Как такое может быть?

Нет, он врет. Наверняка врет, тем более Амадео вспомнил, почему ему знаком этот мальчишка. Это он ударил его, когда Амадео валялся на асфальте, оглушенный после удара машиной. Подошел и пнул, как какую-нибудь собаку. Значит, его отец...

— Что тут происходит? — на пороге палаты возник Кристоф, удивленно глядя на распростертого на полу сына.

— Папа, он хотел меня убить! — захныкал тот, поднимаясь. — Кинулся на меня, как дикий пес!

— Ты сказал, что Микки убили, как ты мог вообще такое придумать?! — крикнул в ответ Амадео.

— Амадео, — серьезно сказал Кристоф, впервые назвав его по имени. И это подействовало на Амадео сильнее, чем если бы он накричал на него.

Он заполз на кровать, чувствуя, что внутри все сжалось в тугую комок. Слышал, как Кристоф выпроваживает сына из палаты (Лукас, иди в холл и посмотри по телевизору мультики, я сказал, иди), но не воспринимал ничего. И только когда дверь палаты с мягким стуком закрылась, рискнул спросить:

— Это правда?

Кристоф подошел и присел на край кровати.

— К сожалению, да. Я не стану скрывать от тебя ничего, малыш. Твой друг пытался ограбить аптеку, и владелец застрелил его, не разобравшись, что перед ним ребенок.

Амадео зажмурился. Горячие слезы растворились в подушке.

— Это я... — он всхлипнул. — Я виноват, я ведь мог тогда пойти с ним... Или вместо него, это все моя вина...

Кристоф положил руку ему на плечо.

— Я так понимаю, когда Тересита заболела, вы решили ее вылечить?

Амадео закивал, не поднимая головы.

— Вы приняли правильное решение. Никто не осудил бы вас за это. Но Микки поступил глупо. Он хотел как лучше, но если бы люди умели читать мысли, скольких конфликтов удалось бы избежать. Это не твоя вина. С таким же успехом ты можешь винить Терезу в том, что она заболела.

Амадео приподнялся и удивленно посмотрел на Кристофа.

— Нет... Ни в коем случае! Тересита тут ни при чем!

— Вот видишь, — уголки губ Кристофа слегка приподнялись в улыбке. — Ни ты, ни она не виноваты в том, что произошло. Тебя, кажется, завтра должны выписать?

— Да...

— Думаю, можно это устроить и раньше. Ты ведь не будешь возражать? Небось, надоело уже терпеть уколы.

— Ну... Наверное, — Амадео несмело кивнул, хотя все внутри кричало о том, чтобы остаться здесь. Там его больше никто не ждет, а тут он хотя бы может видеть Кристофа. Пусть не так часто, но все же.

— Тогда как насчет того, чтобы выписаться прямо сейчас? — Кристоф указал на

тумбочку. — Оденься и собери вещи, а я пока поговорю с врачом.

Оставшись один, Амадео нехотя оделся. Хоть одежда, которую принес ему Кристоф, была впору, хотелось снять ее, выкинуть на улицу и снова натянуть больничную пижаму.

Только бы не возвращаться в Старый квартал. Только бы не быть одному.

Только бы остаться рядом с Кристофом.

Амадео понуро брел за Кристофом по больничному коридору. С выпиской не возникло никаких проблем, врач дал кое-какие наставления, но зачем? Все равно Амадео вернется в свой квартал, где всем наплевать на него и лекарства достать негде, если понадобится. Он тяжело вздохнул, загнав слезы поглубже, чтобы не вздумали вырваться на волю. Чего еще он ожидал? Рано или поздно сказка должна закончиться. Только он, в отличие от Тима Талера, свой смех потеряет.

У крыльца стоял черный автомобиль, сверкающий отполированными боками. Амадео невольно залюбовался, представив, каково это — нестись на полной скорости по длинному ровному шоссе, обгоняя ветер и даже само время! Но тут из окна выглянул тот самый противный вздернутый нос, и мечта распалась на кусочки. У Кристофа есть сын. Непонятно, зачем он провозился с Амадео столько времени.

— Кристоф, — позвал он, поправив на плече рюкзак. Внутри лежала книжка и сладости, привезенные этим удивительным мужчиной. Их нельзя было оставлять, пусть хотя бы что-то напоминает о нем.

Тот обернулся.

— В чем дело, малыш?

— Я... — слова с трудом проталкивались наружу, но Амадео заставил себя вымолвить. — Спасибо за все, что вы сделали. Я правда очень вам благодарен. Спасибо, что позаботились о Тересите и узнали про Микки. И спасибо, что провели со мной эту неделю. Мне очень приятно было с вами познакомиться, До свидания, — он склонил голову в вежливом поклоне и быстро сбежал по ступенькам, стараясь не расплакаться.

— Эй, малыш! — окликнул его Кристоф, но он даже не подумал остановиться. Слезы все-таки прорвались и градом лились по щекам.

Он не думал, что будет так больно. Сердце бешено стучало, горло перехватывало от разочарования, во рту стоял противный горький привкус. Амадео сглотнул, но стало только хуже.

Лоб взорвался белыми звездочками, и Амадео отлетел назад. Упасть ему не дали — высокий мужчина в темных очках и черном костюме бережно подхватил его у самой земли. Амадео изумленно захлопал глазами — похоже, он врезался в такую же здоровую скалу, что сейчас держала его.

— Осторожней, твоя рука еще не зажила, — Кристоф подошел и присел перед ним. Затем кивнул громиле. — Отпусти его, он никуда не убежит.

Тот подчинился, поставив Амадео на ноги. Место удара горело, но Амадео даже не замечал — он в немом изумлении смотрел на Кристофа, который протянул руку и осторожно коснулся его лба.

— Сильно ушибся, малыш?

И эти слова, самые первые, которые Кристоф сказал ему, корчащемуся на асфальте после удара бампером, пробили брешь в стене безразличия, которую Амадео старательно создавал вокруг, чтобы оградить себя от той боли, которую причиняло расставание с Кристофом. Он просто упал на колени и расплакался. По-детски, с надрывом, никого не

стесняясь, он плакал о Тересите, плакал о Микки, о своем одиночестве, о том, что сказка кончилась, и теперь впереди не будет ничего. Лишь пустота.

Неожиданно тепло обволокло его, и Амадео распахнул глаза. Две крупные слезы скатились по щекам.

— Малыш, прекрати плакать, ты меня пугаешь, — ласково произнес Кристоф, прижимая к себе мальчика. — Успокойся и объясни мне, куда ты побежал?

— Я... — Амадео всхлипнул. — Простите, я не хотел вас напугать, я просто...

— Решил, что раз лечение закончилось, то я отправлю тебя на все четыре стороны? — Кристоф улыбнулся. — Ты такой необычный мальчик, Амадео. Бесхитростный, честный, открытый. Моему сыну есть чему поучиться у тебя. А теперь выброси все плохие мысли из головы и честно ответь на вопрос: ты хочешь вернуться в Старый квартал?

— Никогда в жизни! — с жаром выкрикнул Амадео и, испугавшись своей наглости, уткнулся лицом в грудь Кристофу.

— Это хорошо, — Кристоф провел рукой по волосам мальчика. — Очень хорошо.

Амадео, раскрыв рот, взирал на огромный дом, где ему предстояло теперь жить. Потолок уходил высоко-высоко, из огромных окон лился серый свет дождливого вечера. Мебель, казавшаяся жутко громадной, выглядела так, будто проступила со страниц старой книги, которую Амадео отыскал в куче мусора когда-то давно, в другой жизни.

К Кристофу подошла женщина, вытирая руки о белый передник. Волосы забраны сзади в тугой пучок, из которого торчало бесчисленное число шпилек, синее платье спускалось ниже колен. Строгое, слегка надменное выражение лица не изменилось, когда она кивнула мужчине.

— Добрый вечер, господин Кристоф, как прошла ваша поездка? А где гость, о котором вы говорили?

— Здесь, где же еще? — Кристоф удивленно посмотрел за спину. — Амадео, в чем дело? Не стоит бояться, это госпожа Роза. Она ведает всеми домашними делами. Роза, комната для малыша уже готова?

— Разумеется, господин Кристоф, разумеется! — засуетилась та. — Я сделала это сразу же, как получила ваш приказ.

— В таком случае доверяю его вам, — Кристоф легонько подтолкнул Амадео в спину. — Иди, госпожа Роза покажет тебе, где ты будешь жить.

— За мной, молодой человек, — тоном, не терпящим возражений, произнесла Роза и застучала невысокими каблуками черных туфель по паркету.

Следуя за женщиной по длинному, ярко освещенному коридору, Амадео пытался уложить в голове явившуюся перед ним картину. Кристоф задумал забрать его уже давно, но почему? Чем привлек маленький бродяжка такого богатого человека? Вопросы, вопросы — и ни одного ответа. Решив, что позже спросит об этом самого Кристофа, Амадео тряхнул головой и принялся с интересом рассматривать интерьер.

— Прошу вас, — госпожа Роза распахнула перед ним дверь. — С сегодняшнего дня вы будете тут жить.

Комната не поражала размерами, однако мальчику она показалась едва ли не дворцом. Большая и удобная с виду кровать стояла у окна, из которого открывался вид на сад. Пол устилал светлый мягкий ковер, в котором утонули пальцы ног, стоило шагнуть внутрь. Вдоль левой стены, над письменным столом протянулась полка с книгами, и глаза Амадео восторженно загорелись.

— За той дверью ванная, — Роза указала длинным тонким пальцем вправо. — Дверь рядом — стенной шкаф, там вы найдете одежду. Надеюсь, она придется вам по размеру.

— Спасибо, — Амадео вежливо поклонился. Она удивленно подняла брови, впервые явив хоть какие-то эмоции.

— Что ж, — голос звучал гораздо мягче. — Располагайтесь. Ужин в семь. Попрошу не опаздывать.

Когда госпожа Роза ушла, Амадео несмело подошел к кровати. Восторженно замер, положив ладонь на мягкое светло-зеленое одеяло. Но уже в следующее мгновение радостно прыгал на ней, хохоча во все горло.

— Зачем ты привез его сюда, папа?! — бушевал Лукас, меряя мелкими шажками кабинет Кристофа. — На кой черт тебе сдался этот оборванец?

— Последи за своим языком, — строго сказал Кристоф. — И сядь. Немедленно.

Лукас хотел возразить, но под пристальным взглядом молча отошел к креслу и забрался в него с ногами. Отец несказанно удивил его, когда усадил в машину щуплого мальчишку, которого с таким усердием навещал в больнице, и объявил, что теперь он будет жить с ними. На громкое возражение Кристоф никак не отреагировал.

Всю дорогу Лукас буравил незваного гостя взглядом. Тот же с восторгом пялился в окно, будто в первый раз ехал на машине. Хотя кто знает, может, так оно и было — откуда у оборванцев родители с такими шикарными автомобилями, как у его отца?

— Что, надавил на жалость? — прошипел он достаточно громко, чтобы мальчишка его услышал.

Тот удивленно повернул голову, длинные волосы скользнули по плечу.

— Прости?

— Надавил на жалость, говорю. Поплакался перед папой, вот он тебя и приютил. Побитая дворняга.

В черных глазах мелькнул огонек.

— Пожалуйста, не говори так. Я тебя не обзывал.

— Как хочу, так и буду говорить, понял? И ты мне не запретишь.

Тот лишь пожал плечами, не ответив на агрессивный выпад, и Лукас возликовал. Этот червяк и слова не скажет, а попробует пожаловаться — и Лукас сделает все, чтобы выдворить его из дома.

Он надеялся, что отец отправит пацана в комнату прислуги, где ему было самое место, однако — и это больше всего возмутило Лукаса — крысеньшу досталось вполне приличное жилье. Будто нищий в одночасье стал принцем.

— И все же я не понимаю, — буркнул он, рисуя пальцем на ручке кресла невидимые узоры. — Зачем тебе этот мелкий выро... — он прикусил язык, — ...этот мальчишка?

Кристоф поднял глаза от бумаг.

— Ты вряд ли поймешь, Лукас, ты еще слишком юн.

— Мне уже двенадцать! — сердито отозвался тот. — Я много чего понимаю!

— Нет, сынок, не понимаешь, — покачал головой Кристоф. — Но когда-нибудь поймешь, что судьба далеко не всегда справедлива. Она может наказать того, кто совершенно этого не заслуживает. Амадео хороший мальчик, и я надеюсь, что вы с ним подружитесь.

— Я?! — возмущению Лукаса не было предела. — Дружить с этим уличным отбро...

— Я, кажется, попросил тебя не выражаться, — в голосе Кристофа звякнул металл.

Затем он вздохнул. — Лукас, я не требую от тебя безбрежной любви к нему. Я всего лишь прошу — прояви к малышу немного уважения. Он этого заслуживает. Может быть, вы подружитесь, когда лучше узнаете друг друга — я не исключаю такого. Пожалуйста, не суди о людях по их происхождению. Этот путь никуда тебя не приведет.

Мальчик возмущенно фыркнул, скрестив руки на груди.

— Разве высокое происхождение не дает автоматическое уважение? Если у тебя есть власть и деньги, то ты можешь все!

— Ты ошибаешься, сынок, — Кристоф снисходительно улыбнулся. — Если ты считаешь именно так, то я что-то упустил в твоём воспитании, — он глянул на старомодные часы на стене. — Без пяти семь. Пора идти ужинать, иначе Роза разозлится, что ты снова опоздал.

Лукас соскочил с кресла и, нарочито громко топая, направился к двери. На пороге он остановился.

— И все же я не считаю это хорошей идеей, папа. Он еще доставит нам немало неприятностей, вот увидишь.

— Не думаю, Лукас. Иди на ужин, — Кристоф снова занялся документами. Он не видел как губы сына искривились в усмешке.

— А я думаю, папа, — прошептал он, отвернувшись. — Еще как думаю.

Амадео проснулся, но не торопился вставать, нежась под теплым одеялом. Сквозь закрытые веки светило красным солнце. Птицы уже завели утренние трели, льющиеся в открытое окно, мягко шелестела на легком ветерке листва.

Блаженство прервал стук в дверь и надтреснутый, но от этого не менее громкий и властный голос Розы:

— Господин Амадео! Живо встали с кровати и привели себя в порядок! У вас есть пять минут!

Стук каблучков удалился по коридору дальше — она отправилась будить Лукаса. Амадео картинно вздохнул и откинул одеяло.

Прошло два месяца после того, как Кристоф забрал его к себе. С руки сняли гипс, но двигалась она еще плоховато. Ежедневно Амадео посещал Стефан, семейный врач семьи Солитарио, и помогал делать упражнения для ее разработки.

На свое счастье Амадео оказался левшой, и травмированная рука не помешала посещать занятия. Каждый день, в девять часов в дом приходил учитель. До двенадцати он занимался с Амадео, затем, дав ему самостоятельное задание, переключался на Лукаса, который обычно сидел позади, выполняя свою работу. Часто в спину Амадео летели слюнявые бумажки, линейки и однажды даже тетрадка. Длинные волосы Амадео постоянно страдали от нападок мальчишки, он, не стесняясь, дергал их, путал, лепил жвачки и репей. Учитель не раз делал Лукасу замечания, и тот злобно шипел, что все припомнит «этому оборванцу».

Амадео оказался благодарным учеником. Он с жадностью впитывал новые знания, задавал кучу вопросов, а если что-то не понимал, не стеснялся спрашивать. Учитель нахвалиться не мог, а Лукаса рвение Амадео еще больше раздражало.

— Надеешься стать благородным принцем? — издевался он в перерывах между занятиями. — Не выйдет, крысе место на помойке!

Амадео не раз ловил себя на мысли, что хочет врезать Лукасу, и по сильнее, чтобы тот прикусил язык. Но не мог. Кристоф не заслужил такой неблагодарности за спасение. И Амадео, скрипя зубами, молча выдерживал все издевательства и нападки.

Вот и сейчас он получил тычок в спину острой ручкой, а через секунду почувствовал,

как прядь волос дернули назад.

— Лукас, отпусти, — прошипел он, стараясь, чтобы учитель, отвернувшийся к прикрепленному к стене плакату, ничего не заметил.

— Не отпущу, — последовал ответ. — Знай свое место и не слишком умничай, я в твоём возрасте эти задачки как орешки щёлкал. А ты тупица.

Амадео раздражённо дернул головой, пытаясь освободиться. Лукас с садистским удовольствием сверлил между лопаток ручкой и мерзко хихикал.

— Кажется, у вас появилось свободное время, господин Солитарио? — раздался резкий голос учителя. — Тогда почему бы вам не начать изучать самостоятельно следующий параграф?

Лукас отпустил Амадео и разочарованно фыркнул, но перечить учителю не посмел.

Как только Амадео более-менее поправился, Кристоф позвал одного из многочисленных громил в черных костюмах, которые постоянно присутствовали в доме и снаружи. Он распорядился, чтобы тот занимался с мальчиком спортом — от бега до плавания и борьбы.

— Ты должен уметь постоять за себя, — объяснил он это решение и Амадео, и охраннику, который с удивлением отметил, что пацан слишком мал для серьёзных нагрузок. — Даже если, на первый взгляд, тебе ничего не угрожает. Сейчас ты живёшь в моём доме, а у меня есть недоброжелатели, как ни печально это признавать. Лукас уже давно занимается борьбой, и тебе это тоже не повредит.

Именно последняя фраза и убедила Амадео. Он не хотел быть в чём-то хуже Лукаса. Даже больше — он собирался превзойти его, как бы эгоистично это ни звучало. Он докажет, что обидное прозвище «помойная крыса» — не для него. Докажет, что и он кое-чего стоит.

Поэтому после учебы он отправлялся обедать, а через час — в спортзал, располагавшийся в цокольном этаже поистине гигантского дома Кристофа. Там же находился и небольшой бассейн, и сауна, где Кристоф любил, как он выражался, «погреть кости». Амадео осторожно заглядывал туда, но там было слишком жарко, и он старался держаться подальше, не понимая, что такого Кристоф находит в этой душной маленькой комнате.

Охранник по имени Дэвид уже ждал его. Сегодня он должен был научить Амадео плавать. В Старом квартале не то что заваливающей речушки — достаточно глубокой лужи не найдешь, поэтому Амадео спускался по ступенькам в воду с некоторой опаской.

— Не бойся, пацан, — подбадривал его Дэвид в своей обычной манере. — Если что, я тебя поймаю, даже нахлебаться не успеешь. А теперь ложись на воду... Вот так, не бойся, я держу.

— Чего ты с ним цацкаешься, — Лукас непринужденно болтал ногами, сидя на бортике. — Швырнул в воду, и все дела. Выплывет — значит, научился, нет — туда ему и дорога.

Дэвид метнул в него строгий взгляд.

— А тебе не пристало разглагольствовать, Лукас. Последни за своим языком — это раз. И два — быстро намотал десять дополнительных кругов по бассейну.

На лице Лукаса вспыхнуло возмущение.

— Что?! Но я...

— Я сказал — быстро, — безапелляционно отрезал Дэвид. — Это тебе наказание за плохое поведение.

Тот с недовольной миной сполз в воду.

— Я пожалею отцу, — буркнул он, проплывая мимо.

— Жалуйся, сколько влезет. Амадео, а теперь попробуй поработать ногами.

К концу занятия Амадео научился более-менее прилично держаться на воде. Плавать было страшновато, но вместе с тем и увлекательно. Дэвид все время был рядом и страховал его, и Амадео с восторгом пытался плавать от одного бортика к другому, молотя ногами и руками по воде.

— На сегодня хватит, — Дэвид вытащил его из воды и усадил на бортик. — Ты молодец, упорный. Этого лоботряса мне три дня учить пришлось, — он кивнул на отфыркивающегося Лукаса.

Амадео едва не рассмеялся, но вовремя прикусил язык. Незачем злить и без того разъяренного тигра. Откусит все, до чего сможет дотянуться.

Дэвид выбрался из бассейна и взял полотенце.

— Пойду переоденусь. Амадео, хотя тут и тепло, не сиди долго — простыть раз плюнуть.

— Я понял, Дэвид, — улыбнулся тот.

— Что, понравилось? — ехидно спросил Лукас, когда Дэвид скрылся в раздевалке. — Чувствуешь себя героем, да?

— О чем ты? — Амадео стянул резинку с мокрых волос.

— Как тебе удалось так быстро научиться? — Лукас заискивающе заглянул ему в лицо. — У меня ушло три дня, чтобы научиться держаться на воде, а тебе понадобился всего час.

— Не знаю, — бесхитростно пожал плечами Амадео. — Я плавал первый раз в жи...

— Тогда попробуй во второй!

Сильный тычок в спину — и Амадео оказался в воде. Паника захлестнула вместе с брызгами, мешая дышать и заставляя забыть все, чему научил его Дэвид. Амадео попытался вскрикнуть, однако Лукас ударил ногой по воде, посылая небольшую волну, которая не замедлила залиться в рот и нос.

— Что, щенок, так эффективней, да? — орал он, наблюдая за барахтающимся Амадео. — Давай же, выплывай! Ты же умеешь!

Амадео не видел перед собой ничего, кроме водного тумана, застилающего глаза. Грудь стиснуло, выдавливая остатки воздуха из легких, в горле встал огромный ком. Миг — и вода сомкнулась над ним.

Крики Лукаса слились в далекий гул. Тихий шум воды вокруг, жуткое стеснение, будто его завернули в тесное, удушающее одеяло... И надвигающаяся темнота. Благословенная темнота, которая избавит от всего этого.

Громкий всплеск и свет. Снова свет. Твердая плитка и сильные руки Дэвида, давящие ему на грудь. Амадео надсадно закашлялся, и горло жутко засадило. Зато противный ком наконец исчез.

— Лежи, — приказал Дэвид. — Куда вскочил?

— Я... я в порядке, — выдавил Амадео и снова зашелся в кашле.

— Вижу я, — Дэвид раздраженно оглянулся на Лукаса. — Ну? Расскажешь, что произошло?

Тот выглядел не на шутку перепуганным.

— Я... я не знаю, я...

— Я поскользнулся, — прохрипел Амадео. — Поскользнулся и упал... в воду.

Дэвид нахмурился, не отводя взгляда от Лукаса.

— Поскользнулся?

— Да, — Амадео дернул охранника за руку, заставляя повернуться к нему. — Я поскользнулся, Дэвид, только и всего.

Когда мужчина взял его на руки, чтобы унести в комнату, Амадео мельком увидел Лукаса. Словно громом пораженного.

Амадео со вздохом отложил книжку. Роза принесла горячий шоколад, но тот медленно остывал на тумбочке возле кровати.

Разумеется, Лукас не желал ему зла, когда столкнул в бассейн. Он просто не осознавал, что шутка может как-то повредить, всего лишь хотел немного поиздеваться. Но, как Амадео ни убеждал себя в этом, злость все равно брала верх. Этот мелкий гад специально скинул его в воду, зная, что Амадео не умеет плавать! Еще и пришлось его выгораживать... И как это он до сих пор не примчался с вопросом, зачем Амадео так поступил?

Дверь открылась, и в комнату зашел Кристоф. На лбу залегла глубокая складка, губы сжаты в плотную линию. Амадео потянулся за книжкой и задел кружку с шоколадом.

— Ой... — только и успел вымолвить он, наблюдая, как темно-коричневая жидкость заливает страницы с муми-троллями. — Ой, Кристоф, простите, пожалуйста, я не хотел...

— Все в порядке, Амадео, — тот поднял опрокинутую кружку и отставил ее в сторону, затем взял полотенце и промокнул лужу. — Это пустяк.

— Но... — Амадео в отчаянии смотрел на испорченную книжку. — Она же...

— Я же сказал, все в порядке. Если хочешь, завтра куплю тебе новую.

Мальчик прикусил губу. Он знал, что эта книга — из библиотеки Кристофа, которую он показал, когда проводил экскурсию по дому. Такой огромной комнаты с книгами Амадео видеть еще не приходилось. Он с восторгом взирал на высокие стеллажи, забитые под завязку. Иногда он брал оттуда что-нибудь почитать, естественно, спросив перед этим разрешения. Некоторые книги были очень старыми, и мальчик даже опасался прикасаться к ним.

Но муми-тролли... Он взял их только сегодня и едва успел прочитать начало.

— Простите, — снова прошептал он.

Кристоф присел на край кровати, отложив грязное полотенце.

— Так что произошло сегодня в бассейне, малыш? — он протянул руку и убрал еще влажную прядь с лица Амадео, заправив ее за ухо.

Амадео упрямо сжал кулаки и опустил голову.

— Я же говорил — просто поскользнулся. Плитка скользкая от воды. Вот и упал.

Больно было врать Кристофу, но иного выхода он не видел. Не хотелось огорчать его, пусть виноват был не Амадео. Хотя как знать? Не появись он в этом доме, Лукас вел бы себя хорошо.

— Малыш, — Кристоф сложил руки на коленях. — Если произошло что-то другое, о чем ты не хочешь или боишься рассказать, то наказывать тебя я все равно не буду.

— Нет же, Кристоф! — Амадео отчаянно тряхнул головой. — Я просто поскользнулся. Правда!

Кристоф вглядывался в черные глаза и не мог понять, лжет тот или нет. Мальчик упрямо стоял на своем, несмотря на убеждение в том, что ему за правду ничего не будет.

— Хорошо, — он наклонился вперед и погладил Амадео по волосам. — Я тебе верю,

мальш. Попросить Розу принести еще шоколада?

Тот замотал головой.

Не успела за Кристофом закрыться дверь, как в нее тут же сунулся вздернутый нос. Амадео тяжело вздохнул — он даже книгой прикрыться не мог, ее забрал Кристоф.

— Эй, ты, — начал Лукас в своей привычной манере. Он зашел в комнату и прислонился спиной к двери. — Это что вообще было?

— Не понимаю, о чем ты, — Амадео отвернулся к стене.

— Почему ты не сказал им, что это я тебя толкнул? Побоялся, что не поверят? — Лукас подошел ближе и склонился над ним, противно зудя в ухо. — Или что? А может, моего наказания испугался?

— Я тебя не боюсь, можешь не стараться, — Амадео раздраженно сел на кровати. — Зачем пришел?

— Ну конечно же, убедиться, что с тобой, маленькой принцессой, все в порядке! — фыркнул Лукас. — Скажешь кому-нибудь, что произошло на самом деле — ты покойник.

— Можешь не беспокоиться, — Амадео снова улегся. — Я и не собирался никому говорить.

— Так и знал, что ты трусливая девчонка, — Лукас выскользнул из комнаты.

Амадео зло сжал руками одеяло. Этот дурак думает, что Амадео его боится. Ну и пусть. На самом деле Амадео скрывал правду из-за Кристофа — не хотелось огорчать добросердечного хозяина дома тем, что его сын попросту моральный урод.

Амадео со вздохом провел рукой по волосам. Пальцы наткнулись на что-то липкое.

— Да чтоб тебе пусто было, Лукас! — воскликнул он, пытаясь отодрать намертво прилипшую жвачку.

Три года пролетели незаметно. Амадео прилежно занимался, научился плавать и нырять. Еще Дэвид обучал его различным боевым приемам, но неизменно повторял, что для хвастовства их использовать нельзя, а только тогда, когда тебе угрожает опасность. Но Лукас этого явно не понимал. Чего стоили нападки и призывы к спаррингам, во время которых он неизменно использовал какой-нибудь запрещенный прием, за что получал от Дэвида дополнительную нагрузку. Отношений с ним это, понятное дело, не улучшало.

Каждый вечер Амадео залезал в кровать и, прихлебывая горячий шоколад, бесподобно приготовленный Розой, погружался в мир книг — волнующий, захватывающий и всегда неожиданный. Лукас смеялся над ним, называя книжным червем, но Амадео научился не обращать внимания на его выходки, и тот постепенно успокоился. Лишь изредка Амадео получал тычки в спину да оскорбления. Но и к этому можно было привыкнуть. В остальном новая жизнь ему очень нравилась. И Кристоф, и Роза, и все в доме относились к нему по-доброму.

Сегодня занятия отменили. Амадео сидел в своей комнате, укутавшись в одеяло, и читал книгу, которую дал ему Кристоф — она называлась «Лев, колдунья и платяной шкаф». Волшебный мир Нарнии настолько захватил Амадео, что он не сразу услышал, что снаружи кто-то кричит.

— Эй! — вопил Лукас, указывая куда-то вверх. — Посмотри-ка, какой беспредел творится!

Амадео выпутался из одеяла и открыл окно. В комнату ворвалась духота — с самого утра на горизонте стояли тяжелые темные тучи, готовые, как войско, двинуться в наступление.

— Что случилось? — прокричал он в ответ.

— И как ты обращаешься с вверенной тебе собственностью? — Лукас заливисто засмеялся. Ему шел шестнадцатый год, и он изрядно вытянулся за лето. — Посмотри, какой ужас!

Амадео проследил за его пальцем и застыл. На ветке дерева болталась книга в темно-красной обложке. Отсюда название было не разглядеть, но золотые буквы то и дело вспыхивали на начавшем скрываться за облаками солнце.

Книга из библиотеки Кристофа. Больше ей неоткуда было взяться.

Амадео выбежал на улицу со скоростью ветра и, задрвав голову, уставился на книгу. Высоко. Очень высоко. Как она туда попала?

Ухмыляющееся лицо Лукаса не оставляло других вариантов. Этот паршивец не забыл о своих выходках, а просто готовил очередную пакость. Вот тебе и затишье перед бурей.

— Лукас, ну зачем? — воскликнул Амадео. — Она же твоего отца! Тебе не стыдно?

— Мне? Нисколько. А что тебя смущает? Она очень хорошо украшает сад, — и он снова рассмеялся.

Амадео сжал кулаки. Он мог бы как следует треснуть Лукаса, только от этого книга на землю не вернется.

Тучи практически полностью заволочли небо. Последний луч солнца мигнул и погас, поднялся ветер. Книгу раскачивало, но с ветки она не соскальзывала — сидела крепко.

— Только не говори, что боишься высоты! — Лукас ехидно подмигнул. — Иначе чего тебе стоит залезть туда и снять ее, а?

Амадео сглотнул. Ладони слегка похолодели, стоило лишь представить, как он сидит на этой ветке, а внизу, под ногами — пустота. И не за что ухватиться, не на что опереться...

— Ну давай, докажи, что ты не трус! — подначивал Лукас. — Или оставишь книжонку болтаться на дереве, а? Как расстроится отец... — и он заговорил басом, подражая выговору Кристофа. — Ах, Амадео, ах, малыш, я тебе доверил такое сокровище, а ты его не сберег...

— Хватит! — крикнул Амадео, сжимая кулаки. — Я достану ее оттуда, а ты... С твоей стороны это было подло!

— Подло? Подло было являться в мой дом и вести себя тут, как хозяин! Видишь, тучки собираются? Давай, лезь, ты же не позволишь, чтобы книга промокла? Одну ты уже испортил, да? Горячим шоколадом! Отец тогда сильно расстроился...

— Замолчи! — рявкнул Амадео, глядя вверх. Так высоко... Еще и ветка тонкая, как Лукасу удалось зашвырнуть туда книгу?

Стараясь не обращать внимания на дразнилки, Амадео подошел к изогнутому стволу. Забраться на него не составляло никакого труда, но чем выше, тем холоднее становились руки и ноги. Сердце то испуганно замирало, то бешено колотилось в горле.

Очередная ветка громко хрустнула под рукой и сломалась. Амадео с трудом сдержал крик, прижавшись всем телом к стволу и вцепившись другой рукой в обрубленный сучок. Дыхание перехватило, и он с трудом смог вдохнуть.

Когда бешеное сердцебиение немного унялось, он рискнул приоткрыть глаза. Книга болталась на ветке слева, но до нее было не дотянуться. Не хватало совсем чуть-чуть.

На улице становилось темнее — туча накрыла небо свинцовым телом, вдалеке начало погромыхивать. Вот-вот хлынет дождь, надо торопиться, как бы страшно ни было.

Амадео собрался с духом и поставил ногу на следующую ветку. Она прогнулась под его весом, но не сломалась. С трудом оторвав руку от спасительного сучка, схватился за ветку

повыше. Теперь он мог дотянуться до книги, надо только осмелиться отпустить одну руку...

Пальцы почти коснулись обложки, когда он услышал снизу окрик:

— Малыш!

Нога соскользнула с ветки, и Амадео полетел вниз.

На мгновение его накрыла темнота, но в следующее мгновение он увидел над собой обеспокоенное лицо Кристофа.

— Сынок, ты в порядке? Скажи что-нибудь, ну же...

Губы сами собой разошлись в улыбке. Кристоф назвал его сыном! Но ликование почти сразу погасло. Наверняка он просто оговорился.

Амадео судорожно вдохнул, только сейчас заметив, что от страха задержал дыхание, когда падал, будто нырял в воду. Но сделал это слишком резко и закашлялся, а голова немедленно закружилась.

Странно, но боли от удара о землю он не чувствовал. Похоже, Кристоф его поймал, и только благодаря этому он избежал серьезной травмы.

Тяжелые капли застучали по земле, подъездной дорожке, листьям кустарников, с каждой секундой их становилось все больше. Кристоф поднял Амадео на руки.

— Давай вернемся в дом, не то вымокнем.

— Но... Но книжка...

Кристоф удивленно оглянулся.

— Какая книжка? Ах, эта, — он наклонился и, держа мальчика одной рукой, поднял с земли книгу. Теперь Амадео смог увидеть название: «Портрет Дориана Грея». Брови Кристофа сдвинулись к переносице. — Откуда она тут?

Амадео прикусил губу. Книга, похоже, была ценная и очень-очень старая, судя по потертой обложке и пожелтевшим страницам. Но Кристоф не стал дожидаться ответа. Он сунул книгу под мышку и зашел в дом, прижимая к себе Амадео.

Амадео съжился в кресле в кабинете Кристофа, стараясь казаться незаметным и мечтая исчезнуть совсем. Лукас же стоял перед самым столом, опустив голову. Руки сжимались в кулаки, и если бы Кристофа тут не было, наверняка сейчас один из них прилетел бы Амадео в лицо.

— Ты понимаешь, что едва не произошло, Лукас? — отчитывал того Кристоф. — Мальчик мог погибнуть, свалившись с дерева, или сломать себе что-нибудь!

— Угу, ветки кустарника, — пробормотал Лукас.

— Я не слышу, говори громче! — Кристоф ударил ладонью по столешнице. — По-твоему, это детские шалости? Тебе уже не десять лет, чтобы по глупости прощалось подобное! Тебе скоро шестнадцать, а ты все еще ведешь себя, как маленький ревнивый ребенок!

— Я не понимаю, почему столько внимания уделяется этому выродку! — выкрикнул Лукас, поднимая голову. — Чего в нем такого необычного, что ты решил цацкаться с ним, как...

— Прекрати говорить так, будто Амадео тут нет, — отрезал Кристоф. — И я запрещаю тебе оскорблять его, — он раскрыл дипломат и достал оттуда тонкую папку. — Я забрал все необходимые документы. С сегодняшнего дня Амадео официально мой сын и твой брат.

Сначала Амадео не понял, о чем говорит Кристоф, но когда Лукас едва не задохнулся от возмущения, до него дошло. От радости сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Он стал сыном Кристофа?! Настоящим сыном?! Об этом он и мечтать не смел! Значит, Кристоф не

оговорился тогда, он и правда назвал его так!

— Отец!! — заорал Лукас, и Амадео снова испуганно сжался. — Какого черта?!

— Не кричи! — оборвал его Кристоф. — Я это решение принял уже давно. И сейчас нет смысла устраивать истерики. Амадео — твой брат. И ты должен относиться к нему как к брату. Все ясно?

Лукас задрожал от плохо сдерживаемой ярости, лицо пошло пятнами. Амадео с испугом увидел, как по ладони новоявленного брата потекла струйка крови — он настолько сильно сжал кулак, что ногти глубоко впились в кожу.

— Я спросил — тебе все ясно, Лукас? — спокойным голосом поинтересовался Кристоф.

Тот тряхнул головой, пытаясь прогнать ослепляюще красную ярость, накрывшую его. Немного отвлекла боль в правой ладони, и он слегка разжал пальцы. Теплая жидкость защекотала кожу.

— Да отец, — хрипло ответил он. — Мне все ясно.

Девять лет спустя

Негромко играла музыка, люстра переливалась огнями, бросая сверкающие блики на мужчин в смокингах и наряженных в вечерние платья женщин. Звуки скрипок взлетали к потолку, мелодичными каплями падали и разбивались о паркет ноты фортепиано. Голоса присутствующих гармонично вливались в музыку, дополняя ее, звон бокалов, изредка доносившийся откуда-то из глубины зала, заставлял кривить губы в улыбке и произносить ненужный тост.

Амадео с трудом подавил зевок. Слава богу, ему не пришлось надевать смокинг, отец разрешил ограничиться строгим костюмом. Волосы, блестящим агатовым потоком спускающиеся почти до талии, были перехвачены сзади черной резинкой.

— Отец, разве это обязательно? Все эти приемы жутко скучные.

— Да, малыш, обязательно. Я согласен с тобой, здесь порой невыносимо, но плюс в том, что можешь познакомиться с нужными людьми. Ты ведь знаешь, как много значат связи.

Разумеется, Амадео знал. И понимал, почему отец всюду берет его с собой и часто устраивает приемы в ресторане принадлежащей ему гостиницы «Азарино» — чтобы показать его другим. Будто выставочный экспонат, ей-богу. Но когда-нибудь придется вести дела с этими людьми. И лучше до этого момента изучить их тщательней, чем они изучат его.

— Лукас так и не пришел, — в голосе Амадео прозвучала легкая нотка разочарования, которую отец моментально уловил.

— Твой брат всегда таким был, — Кристоф успокаивающе похлопал его по плечу. — Ты же знаешь. Но не суди строго, это я не воспитал из него благородного человека. Ты тут ни при чем.

Амадео пожал плечами, не собираясь спорить с отцом. Все равно бесполезно. И немного обидно, что в такой день Лукас откровенно наплевал на него.

Когда Кристоф много лет назад спросил, когда у Амадео день рождения, тот не смог ответить — попросту не знал, мог назвать только свой возраст. Поэтому Кристоф сам назначил его — девятнадцатое июня, день, когда Амадео впервые переступил порог особняка. И сегодня ему исполнялось двадцать лет. Отец организовал прием, на который пригласил своих партнеров и влиятельных личностей в деловом мире. Амадео не слишком любил подобные сборища, но ради Кристофа готов был вытерпеть и это.

Множество людей, большинство из которых Амадео видел впервые в жизни, прохаживались по ярко освещенному залу, здороваясь друг с другом, мило улыбаясь, спрашивая, как дела, хотя это их совершенно не интересовало. Лгали друг другу в глаза и нимало не смущались. Поздравляли его с днем рождения, обнажая в широких улыбках ровные белые зубы, но глаза и не думали улыбаться. В них светился лишь холодный расчет, поиск выгоды, намерение о чем-то договориться. И ничего больше. Карнавал лицемерия.

Амадео прогнал мрачные мысли. Главное, что отец рядом, а о куклах с фальшивыми улыбками можно и забыть. Равно как и о Лукасе. Все равно они никогда не были близки.

Вскоре после официального усыновления издевательства практически прекратились, но Лукас никогда не говорил с ним по душам. Ни разу не доверился, и Амадео мог его понять. Лукас привык быть единственным, а Амадео, сам того не желая, спихнул его с пьедестала.

— Как у тебя дела с красавицей, с которой ты познакомился на приеме у Леонарда? — отец взял с подноса два бокала с вином и протянул один Амадео. — Почему ты не пригласил ее на праздник?

— С кем? А... С Марисой? Да ничего особенного, — Амадео отпил вина. — Мы расстались на прошлой неделе. Прости, отец, она же дочь твоего партнера, и...

— Печально, но не критично. Это ведь уже не первый случай, так? С Марисой не вышло, но была же еще дочь Майкла Наварро...

— Жизель? — Амадео рассмеялся. — Три недели.

— А как же Алиса?

— О, она продержалась дольше всех. Почти три месяца. Но хотя бы делала вид, что ей со мной интересно.

Кристоф покачал головой, но в глазах сверкнула смешинка.

— Слишком сильно оказалось притяжение?

— К красивой внешности и деньгам, — на полном серьезе ответил Амадео, однако не удержался и улыбнулся. — Лукас в этом плане куда успешней меня.

— Амадео, Амадео. Нельзя же так непочтительно обходиться с юными леди.

— Отец, они видят во мне лишь красивую декорацию и сами ведут себя соответственно. А я терпеть не могу, когда меня принимают за пустоголового красавчика.

— Тоже верно, — Кристоф сделал глоток из бокала. — Но пора же начинать думать о будущем, малыш. Лукас не сдастся, несмотря на то, что почтенные отцы семейств предпочли бы видеть зятем тебя, а не его.

— Их надежды разбиваются о глупость их дочерей. Простите, отец.

Кристоф расхохотался, похлопывая сына по плечу.

— А на язык ты остер, малыш, очень остер. По крайней мере, не ведешь себя, как Лукас. Где он сегодня?

— Понятия не имею, — Амадео пожал плечами. — Наверное, снова пошел к Сезару Лаэрте. Он серьезно мечтает заполучить его дочь?

— О, это ему по силам. Лишь бы не натворил дел. По правде сказать, его выбор мне не по душе, но кто я такой, чтобы препятствовать решению сына?

Амадео поморщился. Этот неприятный разговор он случайно услышал несколько дней назад. Сезар Лаэрте являлся главным конкурентом Солитарио, их вечное соперничество породило немало острых ситуаций. Естественно, Лукасу это было прекрасно известно. Кристоф обмолвился, что сын мог бы поискать более подходящую партию, а тот сильно разозлился и наговорил отвратительных вещей. И, насколько Амадео знал, даже не извинился. Вполне в духе Лукаса.

— Все эти богатые дочери видят во мне лишь внешность, отец. И еще наследника крупной компании. Больше им ничего не надо, разве что со временем они заведут нескольких любовников, потому что у меня будет слишком много дел, — он провел рукой по волосам. — Иногда я думаю о том, чтобы избавиться от этой прически, может, тогда меня начнут хотя бы немного воспринимать всерьез.

— Малыш, — Кристоф отставил бокал и коснулся его волос. — Я никогда не считал твою внешность недостатком. Она может быть преимуществом, если научишься правильно

ей пользоваться. Как ни крути, первое впечатление производит именно внешность. У тебя же она просто ослепительна.

Амадео слегка покраснел. Compliment от отца был особенно приятен, и раз уж он считает красивое лицо и длинные, густые волосы достоинством, то так оно и есть. Но для остальных он все равно останется красивой пустышкой.

И снова Кристоф прочел его мысли.

— Если тебя так беспокоит вопрос внешности, то у меня есть для тебя подарок. Идем со мной.

Лавируя между гостями, иногда приветствуя вновь прибывших, они наконец оказались в вестибюле. Амадео облегченно выдохнул. Приятно было оказаться в просторном и, самое главное, тихом помещении. Звуки светских разговоров едва доносились сюда. Разумеется, и тут были люди, к примеру, администратор, неусыпно дежуривший за стойкой, двое носильщиков и еще кое-кто из обслуживающего персонала, однако их общество показалось Амадео куда симпатичнее, нежели гостей, оставшихся в ресторане. Он тепло улыбнулся в ответ на поздравления и последовал за отцом.

Они пересекли вестибюль и поднялись на лифте на второй этаж. Амадео догадывался, куда они идут, но молчал, не желая нарушать тишину. Мгновением позже очутились у кабинета управляющего, и Кристоф отпер дверь.

— Я давно думал отдать ее тебе, малыш. Мне кажется, она подходит как нельзя лучше, — он прошел к сейфу и, набрав нужную комбинацию, открыл.

С огромным удивлением Амадео увидел у него в руках книгу в красной бархатной обложке.

— Это же...

— Да, — Кристоф протянул ему «Портрет Дориана Грея». — Прошу тебя, береги ее. Она ценна не столько тем, что ей больше восьмидесяти лет, и она вышла ограниченным тиражом, сколько содержанием.

Амадео бережно принял из рук Кристофа ценный подарок. Несомненно, это была та самая книга, которую Лукас когда-то зашвырнул на дерево в попытке раздражить Амадео. Хрупкие страницы мягко зашелестели, когда он открыл «Портрет».

С первой страницы прямым наивным взглядом смотрел красивый молодой человек. Полные губы слегка приоткрыты и изогнуты в несмелой улыбке, блестящие волосы обрамляли будто выточенное из мрамора лицо. Весь облик являл собой совершенное очарование красоты и юности.

— Прочти ее и сделай выводы — так ли плохо иметь внешность, как у тебя, и чем люди готовы пожертвовать ради того, чтобы оказаться на твоём месте. Возможно, это тебя изрядно развеселит, — Кристоф улыбнулся. — А может, заставит задуматься.

— Спасибо, — Амадео крепко обнял его. — Спасибо, отец.

— Ты стал таким взрослым. — Кристоф с нежностью смотрел на сына. — Даже не верится, что когда-то я мог носить тебя на руках без особого труда. А теперь давай-ка вернемся к гостям, нехорошо оставлять их надолго.

— Посмотри туда, — Кристоф указал на полную даму в изумрудном закрытом платье. — Госпожа Мария Альварес. Не одного мужа сжила со свету, только-только сняла траур по очередному ушедшему в мир иной супругу. Дьявол, а не женщина.

— Но ей... — Амадео пригляделся. — Уже явно больше шестидесяти. Как ей это удается?

— Обаяние. Необъятное природное обаяние, — пошутил Кристоф. — И деньги, конечно же. Мужчины ведутся на эти сомнительные качества, надеясь стать богатыми вдовцами, но чего ей не занимать, так это воли к жизни. А теперь взгляни туда. Видишь того представительного господина? С ним надо держать ухо востро. Это Бернард Мартинес, ему подотчетны все букмекеры, будь они легальными или нет. Выглядит добродушным, располагающим к себе пожилым мужчиной, однако не обманывайся на его счет.

Амадео на мгновение задержал взгляд на Мартинесе, запоминая его хорошенько. Седая, аккуратно подстриженная борода, пышные усы. Лучистые, улыбающиеся глаза с морщинками вокруг. Внешность обманчива. Дабы не вызвать подозрений, Амадео сделал вид, что разглядывает толпу.

— Погляди, мальщ, — отец указал в сторону дверей. — Лукас пришел.

Брат степенно здоровался за руку с гостями, за ним неотступно следовала красивая девушка в голубом платье, раздавая ослепительные улыбки направо и налево. Светлые волосы слегка вились и мягкими волнами ложились на плечи, глаза сверкали напускным дружелюбием.

— Это же Виктория Лаэрте, — изумился Амадео. — Как Лукасу удалось ее заполучить? Ее отец довольно строгих нравов, и потом, он наш конкурент.

— И у твоего брата есть достоинства, — ответил Кристоф. — Хоть он и применяет их не всегда в нужное время. Иди, поздоровайся с ним.

Вот этого Амадео как раз меньше всего хотелось. Да и Лукасу явно не пришлось по душе сегодняшнее празднование, но он всеми силами старался этого не показывать.

— Амадео, — отрывисто проговорил он. — Хочу тебя познакомить кое с кем.

Ни приветствия, ни поздравления. В этом весь Лукас. Амадео усмехнулся про себя, ничего другого он и не ждал.

— Это Виктория Лаэрте, — Лукас приобнял девушку за плечи. — Виктория, это мой младший брат Амадео. Сегодня ему исполнилось двадцать лет.

И снова лживая любезность. Лукас никогда не называл его братом, по крайней мере, наедине. А уж на публику играть он был горазд.

— С днем рождения, Амадео, — красавица томно прикрыла удивительные голубые глаза.

— Благодарю, Виктория, — вежливо улыбнулся он.

Лукас подозрительно поглядывал на него, и Амадео понимал, почему. Красавица не сводила с него глаз и в открытую кокетничала. Настроение моментально испортилось.

— Прошу прощения, мне нужно отлучиться. Приятно с вами познакомиться, Виктория, — и он быстро ретировался, опасаясь, как бы Лукас не прожег в нем дыру взглядом.

Толпа уже начинала раздражать. По пути Амадео четыре раза останавливался поболтать с гостями. Проигнорировать их было бы верхом невежливости, а так он поступить не мог. Приходилось уподобляться им и тоже раздавать фальшивые улыбки и принужденные фразы, и это было отвратительно.

— Роза, за что мне это, — простонал он, входя на кухню и стягивая надоевший пиджак. — Дай, пожалуйста, воды, иначе у меня начнется приступ клаустрофобии.

Та фыркнула и поставила перед Амадео полный кувшин и натертый до блеска стакан. На кухне повсюду суетились работники, однако в этот укромный, огороженный уголок, гордо именуемый «помещением для персонала», никто не заглядывал.

— Боязнь толпы называется агорафобия, и вы ей не страдаете. И почему вы тут рассиживаетесь? — она неодобрительно покосилась на опустившегося было на табурет Амадео. — Нельзя надолго покидать гостей. Не каждый день вам исполняется двадцать лет.

— Вот именно, — Амадео залпом осушил стакан. — Но разве нельзя было обойтись без приема? Все прекрасно знают, что это лишь простая формальность.

Та лишь пожалала плечами и, обогнув перегородку, скрылась на кухне, оставив его одного. Несмотря на то, что повара в «Азарино» были выше всяких похвал, Роза с разрешения Кристофа взяла над ними шефство на сегодняшний вечер, объяснив это тем, что лишь она знает, что понравится молодому господину.

Амадео налил еще воды. Не хотелось возвращаться в зал, полный людей, которые лгут друг другу и самим себе. И сегодня они пришли сюда не потому, что хотели искренне поздравить его, а только затем, чтобы в очередной раз подлизаться к отцу. Амадео предпочел бы избежать этого ненужного столпотворения, однако Кристоф непререкаемым тоном сказал, что все должно быть по правилам. С этими людьми предстояло работать, и нужные знакомства никогда не повредят. Кто знает, какие услуги могут понадобиться в скором времени?

Амадео ополоснул стакан и поставил на сушилку. И почувствовал, что за спиной кто-то стоит.

Обернувшись, он увидел Викторию Лаэрте. Красавица оперлась рукой на стол и слегка склонила голову набок. Светлые волосы падали на плечо, свет из-за перегородки играл на них, отчего они отливали золотом.

— Простите, Амадео, не хотела вас напугать.

— Что вы, я вовсе не испугался. Но немного странно видеть вас тут. Почему вы не с гостями?

Как вас вообще пропустили сюда, вертелся на языке вопрос, однако Амадео его не задал. Неприятный осадок от ее поведения, когда она сознательно вызвала ревность Лукаса, все еще оставался, однако сейчас девушка вела себя довольно скромно, приспустив маску кокетства.

— Я слегка устала от этой суеты, — она опустилась на табурет, закинув ногу на ногу, от чего голубое платье слегка задралось. — Вот и решила поискать укромное местечко. Вы не нальете мне воды?

— Разумеется, — Амадео наполнил стакан и протянул его Виктории. — Как у вас дела с Лукасом?

— Все отлично, — пропела она — Думаем объявить о помолвке на следующей неделе.

Амадео в удивлении поднял брови.

— Так скоро? Рад за вас. Это и правда замечательная новость.

— Да, да, — вздохнула Виктория, подперев голову рукой. — А вы с братом близки?

— Не сказал бы. У нас разные интересы, — Амадео прислонился к столу, скрестив руки на груди. — А вы с ним давно встречаетесь?

— Не очень, — она улыбнулась и тряхнула волосами. — Но он был так настойчив, что я не устояла. И ухаживал красиво... Любую девушку заполучить может, если постарается.

Она задумчиво водила по кромке стакана пальцем.

— Вам не кажется, что тут чертовски скучно? Все эти приемы, вежливые улыбки... Никому ведь на самом деле неинтересна жизнь другого, но каждый сочтет своим долгом спросить, как дела.

— Вполне может быть, что у каждого наподобное поведение есть свои причины, — улыбнулся Амадео, заметив, что Виктория повторила его собственные мысли. Впервые он решил, что девушка не так уж глупа, как показалось на первый взгляд.

— А какие причины у вас? — она подняла изумительные голубые глаза.

Амадео начал подозревать неладное. Чего она добивается? Зачем пришла сюда, когда Лукас остался там? Заговаривать ему зубы?

— Простите, мне надо вернуться к гостям, — он оттолкнулся от столешницы и выпрямился. — Я и так задержался...

— А Лукас не врал, когда говорил, что ты чертовски красив, — вдруг сказала она.

Амадео поджал губы. Опять старая песня. Все очарование мигом слетело с Виктории, и он ясно увидел перед собой очередную барышню, которой не терпелось охмурить его.

— И что вы этим хотите сказать, Виктория? — холодно спросил он. — И не припомню, чтобы мы с вами переходили на «ты».

Она встала, и подол платья скользнул вниз, прикрывая ноги.

— А ты еще и скромник. Как это мило. Лукас был чрезвычайно напорист, и я уступила, но мне больше по душе такие милые мальчики.

— Простите, у меня нет никакого желания крутить роман с девушкой брата, — вежливо сказал Амадео, обходя ее.

— Роман? Кто говорил о романе? — она поймала его за руку. — Кажется, тут есть свободные номера, не так ли? Мы могли бы немного пообщаться...

Амадео аккуратно высвободил запястье.

— Еще раз прошу прощения, но нет. Вам лучше вернуться к Лукасу, думаю, он уже ищет вас.

— Уже нашел, черт побери, — Лукас размашистым шагом подошел к Виктории и, схватив за талию, дернул к себе. — Ты чем тут занимаешься?

— Всего лишь попросила твоего брата налить мне воды, — она покрутила в руке все еще полный стакан, вода из которого чудом не расплескалась. — А что ты так злишься, милый, что-то не так?

— Так пей и выметайся, — он вытолкнул Викторию из кухни и зло глянул на Амадео. — Еще раз увижу тебя рядом с моей девушкой, крупно пожалеешь.

— Следи за ней получше. Тяжелым поведением она не отличается, — мрачно ответил тот и вернулся к гостям.

Через три месяца Лукас и Виктория Лаэрте поженились. Свадьба была пышной, с множеством гостей из высшего света, богатыми подарками и ярким освещением в прессе. Все, как и полагается наследнику крупной компании.

Они поселились в квартире неподалеку от особняка Кристофа и каждые выходные навещали его. Амадео всегда старался уйти куда-нибудь, чтобы не ловить на себе странные взгляды молодой жены. Он все еще помнил ее выходку на дне рождения, когда Виктория без зазрения совести предложила уединиться в одном из номеров. Перед свадьбой он осмелился спросить Лукаса, стоит ли так торопиться с женитьбой, за что тот наорал на него и посоветовал не лезть не в свое дело.

Больше Амадео об этом не заговаривал. На свадьбе он старался не попадаться на глаза невесте, предпочитая общаться с гостями. А поговорить было с кем — столько знаменитостей в мире бизнеса Амадео еще не встречал. Был тут и Эмилио Паэс, держащий игорные дома в городе к северу отсюда, и Шарлотта Стейнлесс, владелица знаменитых

салонов красоты, а также Арчибалд Беннет, директор транспортной компании «Сиеста», услугами которой не раз пользовалась «Азар».

Люсиль Муэрте, сногшибательная красотка в длинном черном платье, изо всех сил изображала из себя примерную девочку, однако от отца Амадео знал, что лучшего человека для устранения опасных конкурентов не найти. Она буквально обирала их до нитки, и они не могли продолжать свои дела. Адвокатская контора, которую она держала, зарабатывала огромные деньги благодаря связям с налоговыми службами. Если дело пахло керосином, поднимались все декларации и немедленно сливались Люсиль. А уж она находила, к чему прицепиться. Если нет — поддельывала данные.

Энтони Майерс приехал всего на пару часов, но все же уделил Амадео немного времени, рассказывая о преимуществах игровых автоматов перед лотереей. Амадео слушал с нескрываемым интересом — бизнес его отца был связан не только с гостиничной, но и с игорной сферой, и набраться опыта у признанных мэтров не помешало бы.

Сезар Лаэрте, отец Виктории, держался особняком и практически не говорил ни с кем из гостей со стороны жениха. Лишь однажды подошел к Кристофу, чтобы поздравить его. Держался холодно и отстраненно, но Кристоф, тем не менее, сердечно ответил на поздравление. В этом весь отец, подумал Амадео. Как бы жестоко и неуважительно с ним ни обходились, он все равно будет улыбаться.

Если Сезар Лаэрте надеялся, что брак дочери с сыном главного конкурента поможет ему вырваться вперед, он глубоко заблуждался. Кристоф не сдавал позиций, наоборот, еще яростнее боролся за первенство.

После свадьбы не прошло и двух месяцев, как в семье Лукаса начались проблемы. Ни дня не обходилось без скандалов, Виктория позволяла себе называть его никчемным дураком, а он ее — шлюхой. Ни с одного приема они не уезжали вместе, только по отдельности и с большим скандалом. Лукас все чаще ночевал в особняке, не желая возвращаться в квартиру. Кристоф объяснял, что раз уж Лукас выбрал себе такую жену, ему придется ее обуздать, либо развестись, но о таком позоре Лукас и слышать не хотел. Виктория была из знаменитой семьи, равно как и он, и скандала в прессе и светских кругах не избежать.

Прошло два года. За это время многое успело произойти, однако главной трагедией оказался инсульт, который неожиданно случился у Кристофа. Амадео в этот момент был в университете, но, услышав, что произошло, тут же приехал домой. Прогнозы врачей не утешали — если случится еще один, Кристоф его уже не переживет. Ему настоятельно рекомендовали отойти от дел и больше отдыхать, но он и слышать об этом не захотел. Наоборот, принялся работать с еще большим рвением, будто старался переделать все, что возможно, за время, что ему осталось. Иногда Амадео насильно уводил его из кабинета, если не получалось уговорить хотя бы немного отдохнуть. И только ему одному Кристоф позволял отрывать себя от дел.

— Не переживай, малыш, — шутил он, как всегда не теряя присутствия духа. — Хоть тело и сдастся, мозги у меня на месте остались.

На плечи Лукаса как старшего в семье легло теперь куда больше обязанностей. Многие мелкие дела он передал Амадео, сам же разъезжал по поручениям Кристофа, который теперь редко покидал особняк. Но это нисколько не улучшило его семейную жизнь. Скандалы продолжались с завидной регулярностью, и все шло к тому, что это должно закончиться.

Однажды поздно ночью Лукас появился в особняке, едва держась на ногах от выпитого.

Роза поворчала на него, но все же отправилась на кухню готовить свою знаменитую смесь от грядущего похмелья. Он же завалился на диван в гостиной, но не уснул, как собирался. Вместо этого прокручивал в пьяном мозгу все, что произошло за это время, и почему-то мысли упорно цеплялись за Амадео. С его первого знакомства с Викторией и до сегодняшнего дня, когда они в очередной раз приехали в гости к отцу.

Амадео не ждал их визита и не успел уйти из дома. Виктория моментально преображалась, стоило ей увидеть Амадео, и начинала корчить из себя невесту что. Лукас не раз говорил ей, чтобы обуздывала свои гормоны, но это мало помогало. Если при Кристофе она еще стеснялась вести себя вызывающе, то стоило ей и Амадео случайно оказаться наедине, и из нее выливалось все обаяние, на какое она только была способна. Амадео, боясь гнева Лукаса, в таких случаях старался закрыться в своей комнате и не выходить, пока Виктория не покинет дом.

На этот раз выпроводить брата вовремя не удалось. Виктория, мило улыбнувшись, попросила помочь накрыть на стол, так как Роза была в отъезде. Амадео посчитал невежливым отказать, и она всю крутила перед ним хвостом, то наклонившись к плите, то подойдя слишком близко, чтобы передать тарелки. Явно нарывалась на скандал, но Лукас терпел, чтобы не доставлять неудобств отцу. Однако она свое получила. И Амадео тоже не избежит выговора. Какого хрена он не убрался, когда мог, да еще и специально остался, чтобы позлить его?

— Ты, бабник хренов, — пробормотал Лукас, проведя рукой по лицу. — Даже если ничего не делаешь, женщины к тебе так и липнут.

В коридоре раздались шаги, и Лукас поднял голову. А вот и он, легок на помине. Волосы, его единственная гордость, убраны в хвост, одет в простую черную футболку и джинсы. Видать, идет от отца, где тот просвещал его насчет семейных дел. Почему такое доверие уличному оборванцу? Да Лукас ему не поручил бы и за сортирами присматривать!

Амадео удивленно воззрился на пьяного брата.

— А ты что тут делаешь? Да еще в таком состоянии. Вы же только сегодня уехали...

— Вот именно! — рявкнул Лукас, садясь. В голове все поплыло, и он зажмурился. — Вот именно, черт тебя побери. Только сегодня. А я вернулся, теперь навсегда, — он ухмыльнулся, но совсем не весело.

— Ничего не понимаю, — Амадео подошел ближе. — Вы снова поругались?

— Поругались? — Лукас хохотнул. — Да мы разводимся к чертям!

Амадео раскрыл рот.

— Вы... Вы — что? Разводитеесь? Лукас, но...

— А что, не имею права? — он, шатаясь, поднялся. — Если жена оказалась шлюхой, на кой черт она такая нужна, да?

— Верно, — осторожно сказал Амадео, подавив желание отступить на шаг — от брата ужасно несло перегаром.

— Верно, — фыркнул Лукас. — А кто виноват в том, что она такой стала, а? Ну, кто? Отгадаешь? — он схватил Амадео за футболку.

Тот аккуратно высвободился.

— Я тебя предупреждал насчет нее, но ты меня не послушал. Она такой не стала, Лукас. Она такой была изначально.

— Да если б не ты!! — рявкнул брат. — Если бы не ты со своей безупречной кукольной внешностью! Вскружил ей башку, она и думать ни о чем не может!

— Видимо, она обо мне думает даже тогда, когда скачет по постелям десятка других безупречных мужчин, — холодно произнес Амадео. — Извини, Лукас, но я тут ни при чем. Я сочувствую тебе, но прекрати обвинять меня в том, чего я не делал. Я не уводил у тебя жену.

— Но она... Она ушла из-за тебя! — Лукас снова в бессилии опустился на диван и обхватил голову руками. — Она ушла, а я... я...

За все годы, что они прожили под одной крышей, Амадео никогда не видел брата таким подавленным. Он сел рядом и положил руку ему на плечо.

— Не стоит так убиваться, Лукас. Вы еще можете помириться, и...

— Не трогай меня! — прорычал брат, вскакивая. — Никогда не смей ко мне прикасаться!

Он, пошатываясь, вышел из гостиной. Амадео удивленно и сочувственно смотрел ему вслед.

— Так дальше продолжаться не может, — безапелляционно заявил Ричард Крамер, швырнув папку на стол Кристофа. — Твой сын завалил уже три контракта на этой неделе, мы лишились выгодных вложений, качественного строительства и дешевых материалов.

— Он прав, Кристоф, — задумчиво крутил в руке стакан с минеральной водой Эмилио Валион, управляющий гостиницей «Азарино». Кожа его была желтоватой, на лице застыло кислое выражение — давняя проблема с желчным пузырем периодически давала о себе знать. — Ты слишком многое взваливаешь на своих сыновей. Они еще зеленые юнцы, им многому предстоит научиться, а ты кидаешь их на амбразуры, где от них никакого проку.

— Лукас прекрасно справлялся со своими обязанностями, — упорно стоял на своем Кристоф. — Он напорист и смел, мало кто может ему отказать. Он перспективен.

— Не сейчас, — прервал его Крамер. — Сейчас он не соображает, что делает — слишком расстроен предстоящим разводом. Ты знаешь, как в нашем деле следует поступить в таком случае — отстранить его от работы.

В кабинете повисла напряженная тишина. Крамер и Валион находились тут с самого утра. Кристоф уже давно не появлялся в офисе, решение большинства вопросов не требовало личного присутствия, но сейчас ситуация действительно становилась критической. Лукас забросил обязанности, забыв обо всем, кроме ругани с Викторией и прожигания денег в ночных клубах и казино, куда отправлялся, чтобы сбросить напряжение, возникающее от постоянных ссор. На замечания отца он никак не реагировал, только пуще прежнего принимался дебоширить. И это не могло не сказаться на компании, так как львиную долю контрактов и соглашений заключал он.

— Я не могу этого сделать, — наконец сказал Кристоф. — Лукас не только заключает договоры, он много сил вкладывает в развитие компании, нельзя просто взять и...

— Как раз на этот случай хочу тебе кое-что предложить, — Крамер кивнул на брошенную двумя минутами ранее перед хозяином кабинета папку. — Ксавьер Санторо. Слышал о нем?

Кристоф кивнул. Разумеется, все знали перспективного бизнесмена, относительно недавно приехавшего в город. Санторо принадлежала сеть крупных компаний по производству табачной продукции «Камальон». Все высокопоставленные чиновники, бизнесмены считали статусным носить в кармане пачку сигарет именно его марки. На переговорах угощали сигарами его производства. Отчасти это объяснялось высоким качеством товара. А отчасти — услугами, которые он оказывал обратившимся к нему предпринимателям.

Дело в том, что Ксавьер Санторо мастерски умел развивать бизнес. Он возносил к небесам только-только оперившихся птенцов, подробно разъясняя им, каких ветров стоит опасаться, а какие, наоборот, помогут подняться выше. Он вновь поднимал старых филинов, преподавая им охоту в постоянно меняющихся условиях и напоминая сладкий вкус вожделенной добычи. Он поддерживал на плаву судорожно болтающихся в штормовой воде чаек, не позволяя волне захлестнуть их.

Естественно, благотворительностью Санторо не занимался. Его услуги стоили недешево, однако целиком и полностью оправдывали себя. В бизнес-сфере, какой бы она ни была, от торговли до строительства, он чувствовал себя как рыба в воде. Обладая уникальным чутьем, вел партнера между рифами, не позволяя наткнуться на камни.

— Ранее он держал здесь лишь один из филиалов «Камальон», управляя им дистанционно, однако два месяца назад решил обосноваться тут, — Крамер закинул в рот мятную конфету — неистребимая привычка, которая сохранялась за ним уже десять лет с тех пор, как он бросил курить. — Его офис находится недалеко от «Азар». Для компании сейчас это единственный вариант не потерять позиции.

— «Вентина» наступает нам на пятки, Кристоф, — вступил в разговор Валион, предварительно промолив горло минералкой. — Еще чуть-чуть — и они нас обгонят. Мы не можем этого допустить. Ты знаешь, что они расширяются? Недавно купили здание в Клэнси. Не бог весть что, но они вложили в этот проект сумму, которая не оставляет никаких других вариантов, кроме чрезвычайной серьезности их намерений. Они не могут потерять такие деньги, поэтому рисковать понапрасну не стали бы.

Кристоф задумчиво листал страницы. Да, за последние полгода «Азар» сильно сбавила темп, вследствие чего организации Сезара Лаэрте удалось сделать огромный шаг вперед. В этом не было вины Лукаса, по крайней мере, в той степени, в какой считал Крамер. Дело было в Кристофе.

Когда случился инсульт, он больше всего беспокоился за сыновей. Смогут ли они взять дело в свои руки, не имея достаточной подготовки? Лукас вполне уверенно чувствовал себя в качестве руководителя, однако недостаток опыта и авторитета все еще был заметен. Его попросту не воспринимали как главного. А Амадео пока не настолько много знал о семейном бизнесе, хоть и быстро учился. Кристоф не боялся того, что все может пойти под откос — любое дело, любой бизнес можно поправить, имея достаточные навыки управления и финансы. Он боялся, что на дно рухнут его сыновья. Что непомерный груз просто переломит им спины.

Но и тот, и другой приятно удивили все руководство «Азар», взявшись за работу с двойным усердием. Правда, Лукас продержался не так долго — постоянные ссоры с Викторией слишком сильно сказывались на нем. Кристоф списывал все на неопытность, не позволяющую отделить личные дела от работы, но не мог не признать, что Лукас уже пересек черту дозволенного. Никакие разговоры, никакие увещевания не помогали. Лукас лишь кивал, а затем пускался в очередной загул, регулярно просаживая в «Азарино» немалые суммы. Кристоф часто шутил на тему круговорота денег из левого кармана в правый, но понимал, что ситуация совсем не смешная.

— В любом случае, я слышал, что с Санторо довольно сложно заключить контракт, — наконец сказал он. — Этот невероятный бизнесмен требует встречи только с высшим руководством, и это не является гарантией согласия. Тем более, заключение договоров не в твоей компетенции, Ричард. Твое дело — финансы. Можешь предложить кого-либо взамен?

Не думаю.

— Ты забыл, что у тебя есть второй сын, — Крамер потянулся за чашкой с кофе, которую подала ему Роза. — И, насколько я знаю, он весьма неглуп. Почему бы не доверить это ему?

— Амадео еще слишком молод, и...

— Кристоф, — Валион наклонился к нему. — А как иначе? Лукас сейчас не в себе, и ты прекрасно это знаешь. Не в наших правилах держать такого сотрудника. Я требую, чтобы ты его отстранил, хотя бы на время.

Как ни крути, Валион был прав. Лукас отвратительно относился к своим обязанностям, опаздывал на встречи, а на одну вообще не явился, позволив «Вентине» перехватить контракт. Если так пойдет и дальше, то «Азар» потеряет позиции окончательно и бесповоротно.

— Хорошо, — Кристоф махнул рукой. — Ричард, подготовь контракт для Санторо. А я временно передам обязанности Лукаса Амадео. Вас устроит этот вариант?

— Вполне, — Крамер допил кофе и поднялся. — Ты слишком оберегаешь его, Кристоф. Он уже не маленький мальчик и в состоянии сам о себе позаботиться.

— Может быть, — тот листал папку с досье Ксавьера Санторо. — Может быть.

Кристоф положил мобильник на стол. Амадео поднял глаза от книги, пытаясь определить, успешно или нет прошли переговоры. Он мог с легкостью читать большинство людей, однако с отцом это удавалось далеко не всегда.

— «Ормигон» согласны с нашими условиями, — сказал Кристоф. — На следующей неделе начнется постройка мини-отеля.

— Это же замечательно, отец, — Амадео закрыл книгу и вернул ее на полку. — Давно пора осваивать этот район.

— Нам мешала компания Лаэрте, но мы все же успели первыми. Разумеется, работы станет еще больше, помимо отеля в подвале разместится игровая площадка.

— Что именно там будет? Казино, автоматы, ставки?

— Последнее. Букмекерская контора. Я изрядно повздорил из-за этого с Мартинесом, но все же мы пришли к соглашению.

Бернард Мартинес держал практически всех букмекеров города в железных перчатках, и договориться с ним было делом нелегким. Амадео в очередной раз удивился умению отца находить общий язык с нужными людьми. У него самого едва хватило бы духу перейти дорогу такому человеку как Мартинес.

— Сегодня поступила жалоба, что система безопасности казино «Азарино» не справляется со своими обязанностями. Дэвид в командировке, уехал по моему поручению вчера вечером. Валион после совещания слег с приступом — ты в курсе его проблем со здоровьем. Лукас... — отец едва заметно поморщился. — Ты сам знаешь.

Ну конечно, Амадео знал. Запой длился уже несколько недель, и никто из семьи не мог уговорить мужчину. Он то пропадал всю ночь напролет неизвестно где, то кутил в «Азарино», тратя немалые суммы, то запирался в комнате и не открывал дверь. Но неизменно от него за милю несло спиртным. Все обязанности, возложенные на него Кристофом, были забыты.

— Я временно отстранил его от работы, так что на тебя ложится двойная ответственность. Справишься?

— Конечно, отец, но... — Амадео запнулся. — Лукасу это отстранение на пользу не

пойдет, он еще больше...

— А его поведение не идет на пользу компании, — отрезал Кристоф. — Может, отстранение заставит его задуматься. Поезжай, время не ждет.

— Хорошо, — Амадео поднялся. — Я все сделаю, можете не сомневаться.

Дэвид многое рассказывал о системах безопасности в игорных домах, и Амадео начал неплохо в этом разбираться. Если что-то с оборудованием, то никаких сложностей не возникнет, и с этим, скорей всего, уже справились самостоятельно. Но раз потребовалось вмешательство, значит, проблема с персоналом. У сотрудников службы безопасности, несмотря на приличное жалование, чаще всего возникало желание, не чуждое любым другим работникам казино — присвоить то, что плохо лежит. Иллюзия легких денег распространялась не только на посетителей, чья тяга к азарту приносила солидный доход. Необходимо выяснить, чья вина, уволить сотрудника, сделать выговор начальнику охраны и, если потребуется, наказать.

Амадео сел в свой джип и завел мотор. Он предпочитал ездить сам, хотя отец и настаивал на водителе. Лишь изредка Амадео соглашался пустить кого-то за руль, обычно, если предстояло посетить очередной официальный прием, где дурным тоном считалось не попозировать фотографам с бокалом шампанского. Но он терпеть не мог тесные машины, поэтому соглашался крайне редко.

Разобраться с нерадивым сотрудником. Выявить недостачу в бухгалтерских отчетностях и тряхнуть ответственное лицо. Поймать за руку воришку, вздумавшего поживиться за счет компании. Когда наконец отец начнет давать ему более серьезные задания? Амадео был способен на большее, не может же он вечно убирать грязь. Хотя Лукас, разумеется, был бы только за.

Усмешка слегка искривила губы. Лукас считал, что доверять Амадео дела компании не стоит, и вообще лучше держать его подальше от семейного бизнеса, как от гостиничного, так и от игорного. Будь его воля, он бы вообще отослал брата куда подальше. Но сейчас отец отстранил его от работы, и у Амадео наконец появилась возможность показать себя.

— Иди к черту, Лукас, — едва слышно пробормотал он, притормаживая возле «Азарино». — Я тебе ничем не обязан.

— Из сейфа пропали фишки на сумму сто тысяч, и вы ничего не видели и не слышали? — Амадео прохаживался по длинному и узкому помещению для охраны. Вдоль стены тянулись мониторы, в полной мере освещавшие все, что происходило в игорном зале. — Вам не кажется, что это звучит, по меньшей мере, глупо?

— Ничего глупого я тут не вижу, господин Солитарио, — ворчливо отозвался начальник охраны Гарсия. Ему было уже за пятьдесят, густые черные волосы подернулись сединой. — Тот, кто знает распорядок, мог вломиться в сейф во время пересменки.

Амадео недовольно поморщился. Гарсия работал на его отца уже без малого пятнадцать лет и считал, что одно это дает ему возможность разговаривать с зарвавшимся юнцом так, будто он здесь главный. Вдобавок Гарсия установил панибратские отношения со своими подчиненными, чего вообще не стоит допускать начальнику службы безопасности. Любой проступок или промах тщательно скрывался, и только благодаря анонимной жалобе и свидетельству Итана Блэка, топ-менеджера, удалось выявить недостачу.

— И как так получилось, что на видеозаписях не осталось и следа? — Амадео ткнул пальцем в кнопку на пульте управления, и один из мониторов переключился на

хранилище. — Камера была неисправна?

— Совершенно верно, у меня есть записи в журнале о том, что как раз в этот день приезжали техники. Может быть, они и залезли в сейф, но никак не один из моих ребят!

— Гарсия, — Амадео повернулся к нему с легкой полуулыбкой. — Я, конечно, понимаю, что высокая должность дает особые привилегии, но не делай из меня идиота. В помещение доступ возможен только с охраной, не так ли? Если твои ребята оставили там техников одних, это грубое нарушение дисциплины.

Начальник охраны молчал, пожав губы.

— Я вижу два варианта, Гарсия, — Амадео отодвинул стул и сел, закинув ногу на ногу. — Либо ты и твои люди проявили недопустимую халатность, оставив техников одних, либо кто-то из работников запустил руку в сейф, и ты сейчас выгораживаешь этого человека. Какой из вариантов для тебя предпочтительней? В любом случае ответственность лежит на охране и, в частности, на тебе.

— Из моих ребят никто не мог этого сделать, — твердо сказал тот. Единственный принцип, которого придерживался Гарсия — если врешь, ври до конца. Что ж, если он так желает, придется ткнуть его носом в проступок.

— Значит, техники, — Амадео взял журнал посещений и пролистал. — Но видишь ли, в чем дело. Техникам неоткуда было узнать код к сейфу. Его не взламывали. Его открыли.

— Код меняется каждые сутки согласно указаниям господина Солитарио, — отрапортовал Гарсия, едва не прикладывая руку к несуществующей фуражке. Его жутко бесил этот самодовольный папенькин сынок. — Все новые коды хранятся у меня, и, по мере надобности, сейф открываю либо я, либо Итан Блэк.

Амадео раскрыл другой журнал, в котором фиксировалось, сколько фишек было взято из сейфа.

— Итан Блэк мог взять фишки только для того, чтобы запустить их в игру. Если бы он их присвоил, легче было бы отметить взятое количество здесь, а потом сказать, что их украл кто-то из посетителей.

— Это логично, — не стал спорить Гарсия, сникнув на глазах.

— Поэтому я снова спрошу тебя, — Амадео наклонился вперед. — На этот раз — какой из вариантов верный? Не предпочтительный, заметь, а верный.

— Наверное... Наверное, второй, — сдался начальник службы безопасности, поняв, что попался.

— Отлично, — Амадео поднялся. — Скажи мне имя того, кто заходил в хранилище до приезда техников. У тебя должно быть отмечено, кто дежурил в это время. А потом пришли его ко мне. И не вздумай уваливать и как-то покрывать его, Гарсия. Я все равно об этом узнаю, и наказание для тебя будет куда суровей, чем для виновника. Потому что ты это допустил.

— Я все понял, господин Солитарио, — вытянулся в струнку тот. — Его зовут Энди Ньюман, он недавно работает. Видимо, решил срубить легких денег, и...

— Причины меня не интересуют. Если потребуется, спрошу сам. Жду его через пять минут в кабинете. Не говори, зачем его вызывают. И еще, Гарсия, — он указал на один из мониторов. — Парень за пятым покерным столом мухлюет. Судя по бейджу, он не постоялец, так что вышвырни его.

Поднимаясь из цоколя «Азарино» в вестибюль, Амадео ругался про себя. Когда, наконец, эти бестолковые охранники поймут, что обдурить систему не удастся? Да, ты

попытался украсть, но вероятность того, что тебя поймают, чрезвычайно высока. Они от и до изучают систему безопасности, когда поступают на работу, и приобретают странную уверенность в том, что уж у них-то получится ее надуть. Фишки легко отследить, даже если вор не настолько глуп и использует их для игры или обмена на наличные только в пределах сети «Азарино». В других казино их попросту не примут, да еще и немедленно известят Кристофа. Похоже, этот Энди Ньюман — человек не слишком большого ума. Другое дело, что среди украденного оказалось несколько уникальных фишек, изготовленных специально к юбилею гостиницы. Их можно было загнать на черном рынке за довольно приличную сумму — коллекционеры с радостью набросятся на такой товар. Но этого он Гарсии говорить не стал. Амадео уже давно подозревал, что начальник службы безопасности сам нечист на руку, однако доказательств не было. Надо поговорить об этом с отцом и убедить избавиться от этого человека. Какие бы давние отношения их ни связывали, держать рядом с собой вора нельзя. Еще и на должности, где он получает практически полную свободу действий.

Амадео поднялся на второй этаж, в кабинет управляющего. Валион очень любил тяжеловесную антикварную мебель а-ля Букингемский дворец, но, хоть она и создавала определенный уют, тут было слишком тесно из-за ее громоздкости. Амадео чувствовал это гораздо острее, чем кто-либо еще — с детства он страдал клаустрофобией.

Он раздвинул тяжелые шторы. В кабинет несмело проник тусклый свет — с самого утра лил дождь. Ни единого проблеска солнца на затянутом однотонным серым покрывалом небе. Уже вторую неделю стояла мрачная погода, несмотря на то, что лето только-только началось.

В дверь сунулась бойкая рыжая девчушка. Невысокого роста, с россыпью веснушек на милостивом личике, с которого редко сходила улыбка. А вот и солнышко, улыбнулся про себя Амадео. Без нее в этом чопорном кабинете было бы невозможно работать.

— Доброе утро, господин Амадео! Принести вам чай или кофе?

— Доброе, Чилли. Чай, пожалуйста, — он опустил в кресло. — И найди мне личное дело Энди Ньюмана, он работает охранником внизу.

Они никогда не произносили слово «казино» вслух. Кристоф относительно недавно добился того, чтобы заведение признали законным, но старые привычки не так-то просто искоренить.

— Слушаюсь, господин Амадео, — Чилли, махнув рыжей косой, скрылась.

Амадео проводил ее улыбкой. Чилли не принадлежала к числу девушек, которые млели от его внешности и готовы были через пять минут знакомства прыгнуть к нему в постель. Несмотря на то, что ей исполнилось всего лишь двадцать три, работала она здесь в качестве помощника управляющего без малого два года. Так быстро получить отличную должность сразу после университета ей помог целый набор замечательных качеств: деловитость, умение быстро решать проблемы, не беспокоя начальство по пустякам, и полное разграничение работы и личной жизни.

— Спасибо, — поблагодарил он, когда Чилли поставила перед ним чашку и вазочку с печеньем. — И как ты все время узнаешь, что я не завтракал?

— У вас глаза голодного кота, — хихикнула она, протягивая папку. — А вот и дело Ньюмана. Что он натворил?

— То же самое, что и множество охранников до него, — Амадео отпил чай. — Попытался прыгнуть выше головы.

— Вас зовут Энди Ньюман, так? — Амадео перелистывал личное дело, изредка бросая взгляды на сидящего перед ним человека, одетого в черную водолазку. На груди красовался значок, извещавший о принадлежности к службе безопасности казино и гостиницы «Азарино».

— Совершенно верно, — кивнул светловолосый мускулистый парень с яркими зелеными глазами. Судя по документам, ему было двадцать пять лет, и он сменил уже три места работы. Амадео мысленно сделал себе пометку ужесточить правила подбора персонала.

— Работаете в «Азарино» два месяца.

— Все так.

— Где работали до этого?

— Зал игровых автоматов на Западной улице.

— А до?

— У вас же есть досье, зачем спрашиваете меня? — раздраженно дернул плечом Ньюман. Злится. Но не нервничает, что весьма странно.

— Мне хочется услышать ответы от вас, Энди, — Амадео бросил папку на стол и наклонился вперед. — Почему вас уволили с предыдущего места работы?

Тот откинулся на спинку стула. Жвачка перекатывалась во рту.

— Не сошелся с начальством. А что, это так важно?

— Важно. Похоже, вы и тут не желаете проявлять уважение. Иначе не стали бы брать из сейфа фишки. Вы в курсе, что они ничего не стоят вне сети «Азарино»?

— Разумеется, — фыркнул тот. — И поэтому не вижу смысла их вообще воровать. Что за глупость?

— Но также вам должно быть известно, что по городу открыто еще несколько игровых залов при гостиницах. Вы думали обменять их на наличные там?

— Да ничего я не думал и вообще не понимаю...

— Энди, — Амадео не повышал голос, стараясь говорить спокойно, хотя типы, подобные Ньюману, всегда его раздражали. Считает, раз собеседник моложе, пусть даже на пару-тройку лет, можно вести себя, как король. — Из сейфа пропали фишки на сумму сто тысяч. Причастны вы к этому или нет, ответственность лежит на вас.

— Там были техники, чинили камеру. Почему бы вам не спросить их? Наверняка один запустил туда загребущую лапу, ведь кое-какие из них можно и продать...

— Я не говорил, когда именно было совершено преступление, Энди, — Амадео чуть улыбнулся. — Я даже не упомянул, что вы тогда дежурили.

Ньюман ничуть не смутился. Скорее, обрадовался. На губах заиграла самодовольная улыбка.

— Ну, если вы обвиняете меня, значит, у вас есть основания, например то, что преступление произошло в мою смену...

— Про то, что в сейфе находились уникальные фишки, которые можно выгодно продать, не знал никто, кроме меня и топ-менеджера. Ваша смена каждый день с девяти утра и до восьми вечера. Вы могли бы выбрать любой другой день для оправдания, но упомянули именно тот, когда чинили видеокамеру. Случайность?

Ньюман больше не улыбался и угрюмо молчал.

— Раз вам известно точное время преступления, значит, вы к нему причастны. Вы взяли фишки как раз перед тем, как пришли техники. Знали, что камера сломана, и решили

использовать этот шанс, надеясь, что вас не засекут. Но дело в том, что фишки пересчитываются каждый день, Энди, утром и ночью, после закрытия. Утром все были на месте, ближе к одиннадцати Гарсия заметил, что не работает камера, и вызвал техников. Добирались они сюда примерно полчаса, а вы использовали это время, чтобы проникнуть в сейф. Но откуда вы узнали код?

— Ладно, ладно! — парень примирительно поднял руки вверх. — А если я признаюсь, что вы сделаете, отправите меня в тюрьму? Доказательств у вас негусто. Ну, так что?

— Пока не решил, — Амадео сцепил пальцы. — Если вернете фишки на место, я просто вас уволю. А если будете артачиться, уволю и сделаю так, что больше ни в одном мало-мальски приличном заведении вы работы не найдете. Как вам такая перспектива?

Лицо Ньюмана снова осветила насмешливая улыбка.

— А ты крут.

— Не припомню, чтобы к начальству обращались на «ты», Энди. Даю вам два часа. И не пытайтесь меня надуть во избежание неприятных последствий. Свободны.

— Ой-ой, вы меня запугиваете, господин Солитарио? — Ньюман вскочил со стула. — Не бойтесь, что на мне висит микрофон, или что-то в этом роде?

Амадео нахмурился. Слишком беспечно вел себя этот парень, будто знал, что ничего ему не грозит. И увольнение его ничуть не пугало. Прослушки руководство «Азарино» не опасалось — на входе стояли датчики, мигом обнаруживающие любой подозрительный предмет. Тогда в чем причина его поведения?

— Энди, если бы на вас висел микрофон, мы бы с вами не разговаривали. Верните фишки сегодня до пяти часов вечера. Все фишки.

— И те, золотые? — усмехнулся тот.

— Их в первую очередь. Всего доброго.

После того, как Ньюман ушел, Амадео вызвал Гарсию и приказал уволить нерадивого сотрудника. Но все же что-то тут было не так. Уж слишком спокойно вел себя Ньюман. Амадео не раз доводилось лично беседовать с нарушителями и сообщать им неприятную новость. Обычно люди начинали нервничать, иногда кричать, умолять не поступать так с ними. Но никто еще не встречал известие об увольнении с улыбкой, будто ожидал этого.

— Кто же ты такой, Энди Ньюман? — он снова взял личное дело, зная, впрочем, что ничего нового там не найдет.

— Молодой господин! — Роза встретила его на пороге, заламывая руки. — Прошу вас, сделайте что-нибудь! Сил никаких нет бороться с этим ужасом!

— Что случилось, Роза?

Та промокнула фартуком глаза.

— Ваш брат пьет и пьет, ни я, ни ваш отец уже не можем это терпеть! Он заперся в комнате, никого не слушает и не впускает. Прошу вас, молодой господин, поговорите с ним!

Амадео тяжело вздохнул. Кристоф отстранил Лукаса от работы, и последнюю неделю брат только и делал, что пил и ругался по телефону с Викторией. Если он не слушал ни отца, ни Розу, то у Амадео вряд ли что-то выйдет.

Но Роза умоляюще смотрела на него, сложив руки в молитвенном жесте.

— Ладно, я сейчас к нему зайду, — он снял пиджак и передал его домоправительнице.

Комната Лукаса была заперта. Похоже, он не выходил оттуда со вчерашнего вечера, как следует запасшись спиртным. Амадео постучал, но ответа, естественно, не получил.

— Лукас, — позвал он. — Открой, мне надо с тобой поговорить.

Тишина. Амадео снова занес руку, но услышал, как где-то звякнуло стекло.

— Лукас! — снова крикнул он. — Если не откроешь, я выломаю дверь! Ты знаешь, что я могу это сделать, в отличие от Розы и отца!

— Пошел вон! — раздался заплетающийся голос. — Пошел вон, я не хочу... Черт!

От последовавшего за этим грохота Амадео вздрогнул. В таком состоянии немудрено разбить голову или сломать руку или ногу.

— Лукас, ты в порядке? Открой!

Ругательства, затем снова грохот. Амадео отошел, чтобы как следует толкнуть дверь плечом, но тут она распахнулась.

Зловонный запах перегара вырвался из комнаты, и Амадео подавил желание зажать нос. Лукас пил, не просыхая, уже неделю, и это отвратительно сказалось на его внешнем виде. Под глазами залегли темные круги, лицо опухло, заросло щетиной. Волосы всклокочены. Одежду он не менял, рубашка стала желто-серой, а штаны измялись до состояния жеваной бумаги.

— Боже, Лукас, — Амадео покачал головой. — Только посмотри, до чего ты себя довел...

— А это не твое дело, — процедил тот. — Убирайся к чертям!

Он собирался захлопнуть дверь, но Амадео успел подставить ногу.

— Лукас, послушай меня...

— Я не хочу тебя слушать, пошел прочь! — он толкал и толкал дверь, пытаясь закрыть ее, но Амадео был непреклонен.

— Я никуда не уйду, пока ты не возьмешь себя в руки, — он надавил совсем чуть-чуть, но Лукас не удержался на ногах и рухнул на груды пустых бутылок, которые с веселым звоном раскатились в разные стороны.

Амадео щелкнул выключателем. Взору предстал кошмарный бардак: повсюду рассеялись бутылки, пробки, осколки стаканов. Покрывало валялось в углу, на самой кровати не осталось ничего, кроме матраса. Простынь и одеяло скомканы в кресле, представляя собой нечто вроде гнезда. Все книги скинуты с полок, сами полки сорваны со стен, шкаф распахнут, вещи вывалены на пол, некоторые изодраны.

— О господи, — пробормотал Амадео, едва справляясь с желанием заткнуть нос — вонь в непроветриваемом помещении стояла невыносимая. — Ты чем тут занимался? — он протянул руку, чтобы помочь брату встать.

Тот проигнорировал помощь и с четвертой попытки поднялся самостоятельно. Ноги едва держали, он, пошатываясь, сделал несколько шагов и вцепился в подлокотник кресла, едва не рухнув обратно. Из груди вырвался стесненный кашель, будто Лукас чем-то давился, и на мгновение Амадео испугался, что брата стошнит. Он подошел, намереваясь взять его под руку и отвести в ванную, однако тот шарахнулся от него, как от чумного.

— Не твое дело, отброс, — кашель прекратился, и Лукас вытер рот тыльной стороной ладони, оставив на коже блестящую дорожку слюны. — Не твое! Чего ты тут забыл вообще...

— Лукас, посмотри на себя, — Амадео оставил попытки помочь брату. — Разве отец может гордиться тем, в кого ты превратился? Приведи себя в порядок.

— А зачем? — Лукас опустился на кровать, отцепившись от кресла. Похоже, стоять самостоятельно, без поддержки он все же не мог — до того успел накачаться. — Какой смысл? Ты все равно меня во всем обойдешь, Амадео, ты же у нас папин любимчик.

— Прекрати так говорить! — одернул тот. — Он любит нас одинаково.

— А должен любить меня! — крикнул Лукас. — Я его родной сын, я, а не ты, отброс с улиц!

— Я не собираюсь выслушивать от тебя оскорбления. Прекрати, пожалуйста, — Амадео поднял покрывало с пола и аккуратно сложил. — Тебе не стыдно перед Розой? Посмотри, что ты тут устроил. А ну живо поднимайся и помогай.

— Зачем? — Лукас закрыл лицо руками. — Какой во всем этом смысл? Я не вижу его, Амадео, не вижу!

— И не увидишь, потому что на дне стакана его нет, — Амадео схватил брата за руку и вздернул вверх. — Собери бутылки и составь у входа. Я сейчас принесу мусорный мешок.

— Почему? — остановил его голос Лукаса у выхода из комнаты. — Зачем, Амадео? Ты же ненавидишь меня, почему ты это делаешь?

Он обернулся через плечо. Лукас выглядел таким потерянным, стоя посреди разгромленной комнаты, что на мгновение Амадео испытал к нему жалость.

Но потом Лукас схватил бутылку и запустил в брата. Та разбилась о стену, не причинив Амадео никакого вреда. Но как же хотелось Амадео повторить то, что сделал Лукас! Только не промахнуться.

Однако он лишь спокойно ответил, не повышая голоса. Годы жизни с Лукасом научили его не поддаваться на провокации.

— Потому что не могу видеть, как страдает из-за тебя отец.

Выходя из комнаты, он едва не наступил на осколок.

Амадео вышел из машины, прихватив папку с контрактом и необходимыми документами. Чтобы убедить этого типа, понадобится нечто большее, чем простая дипломатия. Отец объяснил всю важность соглашения для бизнеса, но предупредил, что Ксавьер Санторо — тот еще фрукт, договориться с ним будет непросто. Но так как Лукас все еще был отстранен от работы, этим пришлось заняться Амадео.

Войдя в холл, он направился к лифту. Каблуки дорогих туфель стучали по мраморному полу, звук шагов раздавался по всему помещению с высоким потолком. Никто не преградил дорогу, охрана (если это была она), молчаливо застыла по обеим сторонам кабины.

То же ждало и на четвертом этаже за исключением, разве что, убранства. Пол был устлан темно-бордовым ковром, на стенах висели репродукции известных картин. Мягкий приглушенный свет не резал глаза.

Амадео глубоко вдохнул и выдохнул, стараясь унять возникшее вдруг волнение. Он часто проводил предварительные переговоры с будущими компаньонами, но это всегда давалось легче, чем сейчас, когда Кристоф отправил его заключить контракт. Раньше от Амадео требовалось лишь выяснить, чего хочет компаньон, узнать его требования, а также то, что он готов дать взамен, а непосредственно заключением соглашения занимался Лукас. Только брат все еще не отошел от громкого скандала с Викторией. Стараниями Сезара Лаэрте до развода не дошло, но потребовалось время, чтобы Лукас прекратил пить. Сейчас он постепенно приходил в норму, но Кристоф посчитал, что возвращаться к работе ему пока рано.

— Поэтому ты послал меня? — тихо пробормотал под нос Амадео, выходя из лифта и мягко ступая по ковру.

Несмотря на кажущийся простор, блуждать тут было негде. В конце коридора виднелась одна-единственная дверь. Таблички не было, но она и не требовалась. Амадео представился охраннику, и тот пропустил его в строго обставленный кабинет.

Дневной свет проникал сквозь едва приоткрытые жалюзи, поэтому в помещении стоял полумрак. Только на столе сияла лампа, освещая сложенные в стопки документы и письменные принадлежности. В большом кожаном кресле сидел человек с аккуратно подстриженными и тщательно уложенными темно-русыми волосами, лишь одна прядь непослушно падала на лоб. В руках он держал темно-синюю папку, внимательно изучая ее содержимое. На вид ему было около тридцати, что удивило Амадео. Так молод, а уже владеет огромной корпорацией.

Он замер в нескольких шагах от входа, как того требовала вежливость, не желая прерывать несомненно важные дела хозяина кабинета. Мгновением позже тот поднял серые, стального оттенка глаза и вперил взгляд в гостя.

Амадео спокойно выдержал, хотя раньше подобного видеть ему не приходилось. Глаза, казалось, проникали в самую душу, тщательно исследуя, находя потайные места и переворачивая там все вверх дном. И ни единого чувства не отразилось в них, лишь холодная, непоколебимая, даже в какой-то мере жестокая заинтересованность энтомолога, насаживающего на булавку очередную коллекционную бабочку.

Это длилось всего несколько секунд, но Амадео показалось, что прошла вечность. Затем

мужчина захлопнул папку и отложил на край стола.

— Чем могу быть полезен?

— Добрый день, господин Санторо. Меня зовут Амадео, я представляю компанию...

— «Азар», насколько я понял.

Это утверждение слегка выбило Амадео из колеи.

— Да, вы правы. Компанию «Азар».

Ксавьер поднялся и, выйдя вперед, прислонился к столу, скрестив руки на груди.

— Меня предупреджали о вашем визите. Как, вы сказали, вас зовут?

— Амадео.

— А ваша фамилия?

Он помедлил, прежде чем ответить.

— Солитаро.

Брови Ксавьера взлетели вверх.

— Вот как. Неужели король гостиничного и игорного бизнеса прислал своего сына, чтобы заключить пустяковое соглашение? Как любопытно. Принцы у меня еще не бывали.

Переговоры явно заходили не туда, и Амадео попытался исправить положение.

— Господин Санторо, руководство «Азар» предлагает вам обсудить взаимовыгодный контракт...

Тот поднял руку, заставляя его замолчать.

— А вас всегда отправляют заключать важные сделки? Неудивительно, на многих производит впечатление смазливое личико. Большинство ваших компаньонов женщины, раз ведутся на это?

Амадео растерялся. Он никак не ожидал подобного и теперь пытался собраться с мыслями. Ни один из тех, с кем ему доводилось иметь дело, не позволял себе ничего подобного.

— Простите, не совсем понимаю, о чем вы...

— Как долго вы торгуете своим лицом? — прервал Ксавьер.

Амадео почувствовал, как краска заливает щеки, а возмущение поднимается все выше, готовясь вот-вот выплеснуться наружу.

— Что вы себе позволяете? — выдавил он, мгновенно забыв о цели визита. — Как вы вообще можете...

— Вас специально посылают заключать важные сделки, чтобы вы своим внешним видом ублажали будущих партнеров? Или не только видом? — Ксавьер усмехнулся. — Обычно на подобные переговоры отправляют женщин, они умеют быстро убеждать. Наверное, вы единственная женщина в вашей компании, кто на это способен.

У Амадео перехватило дыхание от такой наглости. Да что этот тип о себе возомнил? Думает, что может вот так запросто оскорблять его? Обвинять, не моргнув глазом? Он открыл рот, но слова застряли в горле.

— Что ж, — Ксавьер продолжал глумливо ухмыляться. — Вы собираетесь убедить меня точно так же, как делали это раньше, с другими? — он обошел стол, чуть откатил кресло и сел. — В таком случае, приступайте. Думаю, у нас получится договориться.

Этого Амадео уже стерпеть не мог. Он развернулся на каблуках и быстрым шагом вышел из кабинета, не попрощавшись.

Оказавшись на улице, остановился, на мгновение прислонившись к перилам крыльца. Лицо пылало, мысли путались. Чувство, будто он испачкался в чем-то очень грязном, не

проходило.

— Чтоб тебя, — пробормотал он, совсем не удивившись тому, что голос дрожит. Не зря отец предупреждал, что договориться с этим человеком очень сложно. Да это, черт побери, просто невозможно! Что это было? Почему Санторо так разговаривал с ним? Если контракт ему не нужен, мог бы просто сказать нет!

Амадео провел рукой по лицу, стараясь унять бившую его дрожь, затем выпрямился и пошел к машине, поправляя пиджак. Усевшись на заднее сиденье, приказал водителю ехать обратно в особняк. Того, что папки с контрактом больше нет в руках, он даже не заметил.

Амадео стоял перед отцом, склонив голову так низко, насколько было возможно. Кристоф сидел на диване в гостиной и пил чай, но даже так Амадео казалось, что отец смотрит на него свысока — несмотря на подтачивающую его болезнь, властности тот нисколько не растерял. Амадео было жутко стыдно за то, что он так позорно провалил свое первое дело. Язык от волнения прилип к небу, и не сразу удалось выговорить:

— Прошу прощения, но мне не удалось заключить контракт с «Камальон», — тихо сказал он, предчувствуя порицание.

Однако отец лишь кивнул, будто иного и не ждал.

— Мальш, я знал, что у тебя ничего не получится. Ксавьер Санторо настолько капризен, что для заключения контрактов требует людей, занимающих высшие должности, и одним красивым лицом его не купишь... Почему ты покраснел? Плохо себя чувствуешь?

Амадео тщетно пытался успокоиться, но в памяти вновь и вновь всплывали отвратительные слова потенциального компаньона. Женщина. Смазливое личико. Двусмысленные переговоры. До сих пор руки сжимались в кулаки, а лицо пылало от стыда. Амадео часто делали комплименты по поводу внешности, но сказать, что он всего добился лишь своим лицом и предложить ему такое — как вообще язык повернулся?

— Н-ничего, отец, просто... Он... Действительно странный человек, с такими мне раньше не доводилось иметь дела, — он откашлялся и постарался взять себя в руки. — Я слегка растерялся и прошу прощения. Знаю, как важно для вас заручиться его поддержкой, но я... я не думаю, что смогу это сделать.

— Ничего страшного, это моя ошибка, — Кристоф покачал головой. — Не стоило тебя туда отправлять. Попрошу Лукаса заняться этим. Пора бы ему уже вставать на ноги.

Амадео ниже склонил голову, чтобы скрыть внезапно вспыхнувшую злость, которая изгнала стыд в мгновение ока. Снова Лукаса? Когда наконец отец начнет давать настоящему стоящие поручения и ему? Не проверку потенциальных клиентов, не уговоры капризных инфантильных богатеев, а крупное дело?

Но свои первые серьезные переговоры час назад он блестяще провалил.

Злость утихла так же быстро, как и появилась. Он не вправе осуждать отца, Лукас действительно опытней, пусть зачастую его методы трудно назвать приемлемыми. А что есть у Амадео? Красивое лицо? Похоже, Кристоф послал его к Санторо в надежде, что тот отреагирует на знаменитую фамилию и заключит контракт, но просчитался.

Кристоф заметил его смятение, поэтому отставил чашку, подошел и взял Амадео за руку.

— Я одинаково люблю вас обоих и не сомневаюсь в ваших способностях. Но вы разные. Один может сделать то, что не под силу другому, и наоборот. Вы прекрасно дополняете друг друга. Ты ведь согласен со мной?

Черта с два согласен, так и рвалось с губ Амадео. Лукас не дает ему и шанса проявить

себя на совместных заданиях, всегда лезет вперед, отпихивая брата. И часто не думает о последствиях, а Амадео всегда достается грязная работа — извиниться перед обиженным компаньоном, наобещать дополнительных условий сделки, плюс оправдать необходимость непредвиденных расходов перед отцом. Лукас ломал дрова — Амадео убирал оставшийся мусор.

Но высказывать этого не стоило. Кристоф и так в последнее время совсем сдал, второго инсульта ему не пережить. Поэтому Амадео согласно кивнул, стараясь подавить колющую в сердце ревность.

— Да, отец. Надеюсь, у Лукаса все получится.

Лукас вошел в кабинет Ксавьера, даже не подумав поприветствовать владельца. Каким бы крутым бизнесменом тот ни был, он не устоит перед условиями, которые отец собирается предложить. Никуда не денется, так что нет нужды лизать ему зад. Нужно быть круглым дураком, чтобы отказаться иметь дела с компанией «Азар», а этот Санторо дураком не выглядел. Ничуть.

Поэтому Лукас был уверен в успехе. Докажет отцу, что достоин занять место генерального директора, потому что всего добивается сам, не то, что смазливый крысеныш Амадео. Усмешка слегка тронула уголки губ. Бедный мальчик, нарвался на серьезного противника и сразу поджал лапки. Но Лукас покажет, что красивое личико — еще не все, чем нужно обладать, чтобы достичь успеха. Если что и требуется Лукасу сейчас, после того, как он восстал из пепла, так это выгодный контракт, который закрепит за ним славу успешного человека, который всего достиг исключительно своими силами.

И поэтому он сделает все, чтобы на договоре стояла подпись Ксавьера Санторо.

— Меня зовут Лукас Солитарио, — с места в карьер начал он. — Я представляю компанию...

Однако директор «Камальон» даже не поднял взгляда от бумаг, чем неприятно удивил Лукаса. Настолько занятой или настолько самоуверенный? Но следующие слова поразили еще больше.

— Где Амадео? Я намерен общаться только с ним.

Лукас недоуменно остановился, будто наткнувшись на невидимую преграду. Чего-чего, а такого приветствия он совсем не ожидал. Одернув себя, вернул на лицо выражение собственного превосходства. Да, этот Санторо строптивая лошадка, но даже бешеных жеребцов можно объездить. Для этого лишь нужно показать, кто тут главный.

— Простите? — тон Лукаса стал слегка снисходительным. Собеседник явно ошибался, и указать на это было необходимо. — Вы, должно быть, меня не поняли. У вас не получилось договориться с Амадео, поэтому мой отец счел нужным отправить меня! — вкрадчивый голос стал на полтона выше. — Уверен, мы найдем общий язык, ведь «Азар» намерена предложить очень выгодные условия, — с этими словами он сел без приглашения в кресло напротив Ксавьера.

Тот глянул на незваного гостя исподлобья и снова занялся бумагами, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать беседу.

— Я сказал, что не желаю видеть иных представителей вашей компании, кроме Амадео. Если многоуважаемый Кристоф Солитарио счел нужным отправить сюда вас, то он глубоко и страшно ошибся.

Злость, не спрашивая, схватила за горло. Амадео. Опять чертов Амадео. И чем же ему удалось так очаровать эту самодовольную сволочь, что тот не желает видеть никого больше?

— Вы даже не дослушали, а уже делаете выводы? — в голосе прозвучала явственно различимая нотка обиды. — Чем вам так глянулся Амадео? Он совершенно не умеет вести переговоры, да и в бизнесе новичок. Я же могу ответить на все ваши вопросы касательно...

— Ваш брат мог бы это сделать намного лучше, — бесцеремонно перебил Ксавьер, наконец откладывая в сторону документы. — Ваша наглость, может, в некоторых обстоятельствах и воздействует положительно, но это не тот случай. Я сказал, что буду вести переговоры исключительно с Амадео Солитарио, и ваше настырное поведение ничем вам не поможет, — Санторо нажал на кнопку интеркома. — Серджио, выведи его.

Лукас вскочил. Лицо пошло пятнами, пальцы задрожали, и он выронил папку с дубликатом контракта.

— Вы... — он откашлялся. — Вы еще пожалеете! Я расскажу об этой встрече отцу, и он поймет, что иметь с вами дело нельзя! Не трогай меня, отродье! — он дернул рукой, увернувшись от охранника, и быстрым шагом вышел из кабинета. Забытая папка осталась лежать на полу.

— Серджио, не пускать его больше сюда, — Ксавьер, не удосужившись проводить Лукаса даже взглядом, потянулся за очередной стопкой бумаг. — Отвратительный молодой человек.

Лукас в ярости влетел в кабинет отца. Волосы встали дыбом, глаза злобно сверкали, и даже толстый ковер не заглушал бешеный топот. Он поверить не мог, что ему дали от ворот поворот!

— Он! Этот Санторо!! — плащ полетел в кресло. — Сказал, что не желает со мной говорить, как он посмел?! Подавай ему Амадео, видите ли! Чем он лучше меня?!

— Правда? — искренне удивился Кристоф, отставляя ноутбук в сторону. — Амадео сказал, что переговоры не удались, зачем Ксавьеру снова видеть его? — он кивнул младшему сыну, который усердно пытался раствориться в двери. — Ты ведь все слышал?

— Слышал, но я не понимаю... — краска вновь бросилась в лицо, и Амадео отвернулся. — Не понимаю, какой в этом смысл?

— Не понимаешь?! — Лукас подскочил к нему. — А я вижу, что все ты понимаешь. Даже слишком хорошо! Ему нужно, чтобы ты...

— Мальчики, мальчики, послушайте! — Кристоф поднял руку, призывая к молчанию. — «Азар» этот контракт необходим, как никакой другой. От него во многом зависит будущее нашего бизнеса. Ксавьер заключал сделки со многими предпринимателями, и, благодаря сотрудничеству, их бизнес стал быстро развиваться. Мне нужен этот талантливый человек в списке коллег. Если его не заполучит «Азар», то это сделает «Вентина».

— Я понимаю, отец, но это невозможно! — вспыхнул Лукас. — Амадео это не под силу, а меня он даже видеть не желает! Что прикажешь делать?!

Кристоф чуть нахмурился.

— Нет никакой разницы, кто из вас уговорит его. Но вы должны это сделать ради будущего нашей организации. «Вентина» ведет агрессивную политику, наступает нам на пятки, и скоро мы станем не способны поддерживать конкуренцию. До конца недели согласие Ксавьера Санторо должно быть у меня, — и, чуть смягчив тон, добавил. — У вас получится. Я верю. Вы же мои сыновья.

— Я сделаю все, чтобы заполучить его, отец! — гордо возвестил Лукас и, выходя из кабинета, ощутимо толкнул Амадео плечом.

Кристоф устремил испытующий взгляд на младшего сына. Тот старался не встречаться с ним глазами.

— Малыш, — произнес Кристоф, снова открывая ноутбук. — Если Ксавьер Санторо сказал что-то, что обидело тебя, ты не должен относиться к этому серьезно. Мир бизнеса таков, что приходится закрывать глаза на мелкие несуразицы. Уверен, ты на многое способен, но чтобы преуспеть, придется проявлять твердость характера и пропускать оскорбления мимо ушей.

Амадео все так же продолжал смотреть в сторону. Отец мигом смекнул, почему не задались переговоры, хотя Амадео ничего ему не рассказал, взяв вину на себя. Это он проявил несдержанность. Он сбежал, как трус, и даже не попытался толком разговаривать с Ксавьера, не обращая внимания на сальные шуточки. Если дело удалось — благодари учителя. Нет — проведи работу над собственными ошибками.

И сделать ее можно, лишь попытавшись снова. Если господин Санторо хочет видеть именно его, пусть будет так. На этот раз Амадео постарается вести себя достойно и добиться заключения соглашения.

Ксавьер внимательно вчитывался в контракт — правило, которое он усвоил еще в начале пути к становлению одним из особо влиятельных людей. Никому не доверяй. Проверь каждую мелочь. Даже если до тебя этот документ читали десять человек от юристов до секретаря.

Перевернув последнюю страницу, он удовлетворенно кивнул. Условия, предлагаемые «Азар», были действительно хороши, и в то же время предельно четки. В отличие от контракта, предложенного «Вентиной», никакой размазанности, никаких хождений вокруг да около — только структурированное изложение.

— Кто знает, может, действительно стоило выслушать того ублюдка, — пробормотал он, положив документ перед собой.

Этот мужчина, Лукас, еще дважды пытался добиться встречи с Ксавьером, однако охрана, следуя указаниям, даже на порог его не пускала. Этот тип вызвал отторжение с самой первой минуты своего появления здесь. Наглый, беспардонный хам, он, видимо, почитал это за крутость. Ксавьер хмыкнул и взял пачку сигарет. Зеленый юнец, понятия не имеющий, что отношения в бизнесе нельзя строить таким ненадежным способом как угрозы. Особенно когда за твоими словами ничего нет.

Потянувшись за лежащим на столе мобильником, Ксавьер чиркнул зажигалкой. На конце сигареты зажегся крошечный огонек. С наслаждением вдохнув дым, Ксавьер выпустил его к потолку.

Прошло уже пять гудков, но трубку не снимали. Давать отбой было рано — эта женщина никогда не отвечала вовремя. Не слишком легко вести дела с такими особами, но за все приходится платить.

— Да, дорогой, — раздался в трубке насмешливый голос. — В чем дело, неужели ты по мне соскучился?

— По тебе невозможно скучать, Ребекка. Ты знаешь, зачем я звоню. Твой курьер задерживается.

— Информация на подходе, через пару минут тебе принесут ее прямо в офис. Но Солитарио... Они начинают сдавать позиции. Зачем тебе досье на это семейство?

— Разве тебя не учили не спрашивать лишнего? Жду документы, — он первым повесил трубку, хотя обычно это была ее привилегия.

Вскоре вошел Серджио и передал ему объемистый пакет. Вытряхнув содержимое на стол, Ксавьер быстро просмотрел его. Досье на каждого члена семьи, фото плюс документы, касающиеся деятельности компании — информация, за которую некоторые могли бы и убить. Но Ксавьеру нужно было лишь беглое ознакомление, поэтому он сказал Ребекке сильно не стараться. Общих сведений вполне достаточно.

Выудив из стопки тонкую папку с пометкой «Амадео Солитарио», Ксавьер раскрыл ее.

Двадцать три года, по образованию юрист, параллельно учился на кафедре гостиничного дела. Закончил университет четыре месяца назад, сейчас работает в компании «Азар», проводит предварительные переговоры по заключению контрактов. Не женат, детей нет. Совершенно обычный сынок богатого папочки, если бы не дипломы. Будь они с отличием, Ксавьера бы это не насторожило — деньги решают все и в образовательной сфере. Но оценки Амадео Солитарио оказались неидеальны, что наталкивало на мысль о том, что он все же учился сам, а не просто купил «корочку». Большая редкость среди золотой молодежи. Выходит, парень далеко не глуп. Это может быть интересным.

Запиликал интерком.

— Господин Санторо, к вам посетитель. Из семьи Солитарио.

— Я же приказал не впускать никого из компании «Азар».

— Но он утверждает, что вы сами его пригласили. Его имя Амадео.

Ксавьер на мгновение задумался. Лукас вполне мог сыграть грязно, представившись именем брата, а видеть его лицо, пусть даже на пару минут, не хотелось.

— Опиши мне его, — вслушиваясь, он задумчиво вертел в руках ручку. — Стоп-стоп. Серьезно? Пропустить.

Ксавьер удовлетворенно улыбнулся, складывая документы, присланные Ребеккой, в аккуратную стопку. Как он и предполагал, Амадео не робкого десятка, раз заявился сюда во второй раз после того, что ему пришлось выслушать. И самое любопытное — он так и не сказал отцу, что именно наговорил Ксавьер. Можно было оправдать все стыдом, если бы не одно обстоятельство — Амадео взял вину за неисполнение обязанностей на себя.

— Ты очень интересный человек, Амадео Солитарио, — пробормотал он, постукивая ручкой по папке с его именем.

Амадео стоял на пороге кабинета, опасаясь сделать хоть шаг дальше. Глаза блуждали где угодно, но только не задерживались на Ксавьере.

— Добрый вечер, — поздоровался он.

Ксавьер откинулся на спинку кресла и, сложив руки перед собой, разглядывал его. Боже, сколько смущения и скованности во взгляде, позе, движениях. Неужели он и правда воспринял все те оскорбления всерьез? Если так, то у парня большие комплексы. Интересно, кто его ими наградил? Ксавьер готов был поставить половину своего состояния на Лукаса Солитарио.

— Добрый вечер, Амадео. Ваш себялюбивый брат все же оставил попытки меня достать, я безумно этому рад.

— Почему вы отказались иметь дело с ним? — Амадео все так же нарочито небрежно скользил глазами по интерьеру кабинета. — Почему потребовали именно меня?

— Предпочитаю разговаривать только с теми людьми, которые мне приятны. Ваш брат, к сожалению, или к счастью, в эту категорию не входит, — он всмотрелся в лицо Амадео и усмехнулся. — Почему вы так меня боитесь? Я даже не отпустил Серджио, чтобы вы мысленно не делали из меня маньяка. Присаживайтесь, пожалуйста, — он указал на кресло у

стола.

Наконец-то Амадео бросил на него быстрый взгляд, в котором на мгновение сверкнул злой огонек.

— Так чего вы от меня хотите? — он опустил на предложенное место. — Заключать контракт вы отказались, и я не понимаю...

— Почему отказался? Вы неправильно поняли, потому что слишком быстро покинули мой кабинет, — Ксавьер продемонстрировал одну из папок, присланных Ребеккой. — Я занимался исследованием работы вашей компании и пришел в недоумение. Ваши гостиницы обслуживают множество людей, в том числе иностранных туристов, в них организуют корпоративные мероприятия. Плюс ко всему, самая крупная гостиница, «Азарино», имеет в цоколе казино, которое требует отдельного управления. И, насколько мне известно, Кристоф Солитарио контролирует несколько букмекерских точек и тотализаторов. Но при этом у вас очень мало сотрудников и компаньонов, как вы умудряетесь справляться с такими объемными сферами как азартные игры и гостиничный бизнес?

Амадео растерялся. Поведение этого человека радикально отличалось от того, каким было в прошлый раз. Сейчас он видел перед собой серьезного бизнесмена, желающего выяснить все необходимые детали, прежде чем заключать контракт. Ни следа той издевательской насмешливости, только предельная сосредоточенность.

— Дело в том, — начал Амадео, и голос оживился, — что все наши сотрудники — годами проверенные люди, знающие свою работу до мелочей. То же и с компаньонами. Мы предпочитаем работать лишь с теми, кто дает гарантии своевременного и точного выполнения работ. И в ответ они получают такие же качественные услуги. Для выполнения многих задач не требуется большое количество людей, важно качественное управление и...

Ксавьер задумчиво листал страницы.

— Очень впечатляет, — он поднял голову. — Ваша речь. И почему ваш брат сказал, что вы не умеете вести переговоры?

Амадео снова стушевался. Неужели это лишь притворство, и Санторо опять позвал его, чтобы поиздеваться? Но в любом случае, он уже здесь, и нужно довести дело до конца.

— Так что вы думаете по поводу сотрудничества с нашей компанией? Или у вас остались еще вопросы?

— Есть два. Первый — будет ли наш контракт иметь срок?

Там же, черт побери, все написано, и ты наверняка изучил все условия перед тем, как назначать встречу, со злостью подумал Амадео. Но делать нечего, пришлось отвечать, иначе Ксавьер мог передумать, и тогда заключенного соглашения ему не видать.

— Контракт перезаключается по новой каждый год и имеет испытательный срок в три месяца во избежание недоразумений с обеих сторон. Если стороны что-то не устраивает, без очевидной вины одной из них, контракт просто расторгается. Если же имеет место быть нарушение условий, то контракт может быть расторгнут досрочно, после обязательных переговоров и выяснения всех обстоятельств.

— Очень удобно, — Ксавьер кивнул. — Ваша компания предусматривает свободный выход из сотрудничества, я впервые в своей практике встречаю подобное. Обычно сумма неустойки до того огромна, что отбивает всякое желание связываться с подобными мошенниками. И второй вопрос — где вы живете, Амадео?

Злость, почти утихшая, снова набрала обороты. Амадео стиснул зубы, не давая ей прорваться наружу. Ксавьер продолжал испытующе смотреть на него.

— В чем дело, Амадео? Я задал очень простой и доступный вопрос, вы ведь где-то живете, правда?

— Да, — голос сорвался, и Амадео пришлось откашляться, прежде чем продолжить. — Скажите, а зачем вам это знать?

Ксавьер слегка прищурился от удовольствия, наблюдая за его растерянностью. Чертов садист.

— Судя по моим досье на сотрудников вашей компании, занимающих руководящие должности, — он указал на стопку документов перед собой, — вы неженатый человек. Ваш отец серьезно болен, и я предположил из самых добрых соображений, что вы живете вместе. А так как он является генеральным директором компании «Азар», я бы хотел встретиться с ним лично.

— Вы правы, я живу с отцом, — осторожно ответил Амадео. — Если изучили досье, то знаете, что полгода назад у него был инсульт. И ему сейчас как никогда требуется помощь. Разумеется, я передам вашу просьбу о встрече. Он тоже заинтересован в сотрудничестве и не откажет.

— Передайте, что я приеду с бумагами в ваш дом, где мы и подпишем контракт. Не могу ведь я заставлять больного человека заявляться в мой офис. Приятно было с вами познакомиться, Амадео.

Очень не хотелось отвечать, но вежливость требовала.

— Взаимно, Ксавьер, — он протянул руку, и тот ответил пожатием.

На следующее утро Амадео спустился в столовую. Спалось на удивление хорошо — все же удалось уговорить Ксавьера на заключение соглашения, и гордость так и распирала грудь. Радость немного отравлял тот факт, что Лукас теперь сильнее возненавидит его — все-таки впервые Амадео удалось заключить сделку, да еще с таким титаном как Ксавьер Санторо.

Но сегодня было такое прекрасное утро. Поэтому Амадео выкинул из головы плохие мысли и распахнул дверь в столовую.

— Доброе утро, отец! Ксавьер сегодня подъедет подписать контракт.

— Я получил вчера весть о том, что ты все же убедил его, — улыбнулся Кристоф, отставляя чашку с чаем. — Я горжусь тобой, Амадео. Такая личность как Ксавьер Санторо не каждому под силу, даже Лукас не справился с его гордым нравом.

Лукас, таращившийся в окно, оглянулся через плечо, и Амадео словно хлестнуло огненным жгутом — такой обжигающей ненависти он еще в глазах брата не видел.

— Это не повод злиться, сын, — мягко сказал Кристоф, почувствовав, что температура в комнате подскочила. — Амадео справился лучше, чем мог бы кто-то еще.

— Благодарю вас, отец, — радости Амадео не могло омрачить даже поведение Лукаса.

Тот буквально кипел от негодования, однако держал себя в руках, хоть и с трудом. Отвернувшись от окна, прошел мимо Кристофа.

— Да, отлично постарался, не так ли? — выплюнул он в лицо брату. Затем, толкнув его плечом, вышел из столовой.

Амадео вздохнул и, отодвинув стул, сел.

— Опять... Что я такого сделал?

— Не обращай внимания, он всего лишь злится, что его не приняли, — махнул рукой Кристоф. — Это случается редко, сам знаешь. Когда должен прибыть Ксавьер?

— Минут через пятнадцать, вы как раз успеете позавтракать. Или вы снова пили только чай? — Амадео выразительно кивнул на полную тарелку Кристофа.

— Нет аппетита. И Стефан говорит, что не стоит заставлять себя, если не хочется.

— Отец, Стефан ваш врач, он-то наверняка не имел в виду погибнуть голодной смертью. У вас нет аппетита за завтраком, за обедом и ужином, надеетесь прожить на одном чае? — Амадео взял вилку. — Если откажетесь есть, я позвоню Ксавьеру и отменю встречу.

Кристоф рассмеялся и последовал его примеру.

— А ты умеешь убеждать. Хорошо, я поем, но не заставляй меня съедать все, это слишком много.

— По рукам, — Амадео улыбнулся и тоже принялся за еду.

Спустя десять минут в столовую заглянул охранник, бесстрастный, как скала, в строгом черном костюме. Не хватает только темных очков, отметил про себя Амадео, и перед ним был бы настоящий суперагент. Еще с детства его забавляла форма охраны, но подшучивать над этими ребятами он не решался. Не заслуживали они такого обращения, верой и правдой выполняя свою работу.

— Прибыл Ксавьер Санторо, господин, — доложил он Кристофу.

— Отлично, — тот отложил вилку и кивнул Амадео. — Тебе не сложно проводить меня до гостиной комнаты, чтобы встретить гостя? Ноги с утра плохо держат.

— Разумеется, отец, — Амадео помог Кристофу подняться. — Может, стоит позвонить Стефану, чтобы он осмотрел вас? Вы ведь уже не мальчик как-никак, вам нужен постоянный уход.

— Ерунда, наверное, погода так влияет, — отмахнулся Кристоф в своей обычной манере. — Не стоит переживать из-за того, кому все равно осталось недолго. Позаботься о себе, чтобы после моей смерти ты мог твердо стоять на ногах, — он крепче обнял Амадео за талию. — Больше всего я боюсь, что ты станешь зависеть от Лукаса. Он мой сын, я люблю его всем сердцем, но я не смог воспитать из него благородного человека. Ты ведь простишь старика за эти слова?

— Отец, прекратите говорить так, будто завтра умрете, — нервно усмехнулся Амадео. Ему всегда становилось не по себе, когда тот заводил подобные разговоры. — Никакой вы не старик, вам всего пятьдесят три. И как я могу превосходить Лукаса? Он ведь старше и опытней меня, — он помог Кристофу усесться на диван в гостиной.

— Дело вовсе не в возрасте, малыш, и ты это прекрасно знаешь. Лукас слишком импульсивен, чтобы адекватно управлять людьми. Ему не хватает терпения и понимания.

Амадео подумал, не рассказать ли Кристофу о Гарсии, предупредить, что к таким людям понимание и терпение не может быть безграничным, но решил отложить разговор. Тем более, вот-вот должен был прийти новый компаньон.

Словно почувствовав, что его обсуждают, в дверь сунулся Лукас и поманил к себе.

— Амадео! Можно тебя на пару слов?

— Конечно, — осторожно произнес он, гадая, зачем понадобился старшему брату. Если Лукас запоздало хочет заработать очки у Ксавьера, то так тому и быть, Амадео подскажет, как это лучше сделать. Он никогда не желал брату зла, несмотря на все гадости, что тот делал.

Однако Кристоф не питал иллюзий насчет Лукаса, поэтому притянул Амадео к себе.

— Что бы он ни сказал о тебе плохого, не слушай. Помни, что это я виноват в его воспитании, а не он.

— Да, отец, — Амадео выпрямился, затем последовал вслед за Лукасом обратно в столовую.

Ксавьер вышел из машины и, приказав водителю возвращаться за ним через час, поднялся на крыльцо. От взгляда не ускользнула ни видеочамера, ни десяток охранников, ведущих себя, словно ни в чем не бывало, но готовых в любой момент вытащить пушки. Бедняга Кристоф не подозревает, что опасность может прийти оттуда, откуда не ждешь. Человек старой закалки, слишком привязанный к семье, имеет определенные слабости.

Один из охранников открыл перед ним дверь, и Ксавьер ступил в прохладную прихожую. Горничная взяла плащ, но он не удостоил ее даже кивка, цепким взглядом осматривая помещение. Эта привычка сохранилась еще с юношеских лет — отовсюду ждать подвоха, быть готовым к любым непредвиденным обстоятельствам.

— Прошу сюда, — охранник сделал знак следовать за ним.

— Я просил позаботиться о том, чтобы на переговорах присутствовали и оба сына господина Солитарио, — негромко сказал Ксавьер.

— Разумеется, без соблюдения ваших условий переговоры не начнутся.

— Очень хорошо, — внезапно он остановился, вслушиваясь, затем с улыбкой поинтересовался. — Как я понимаю, туалет в этой стороне? Скажите моему господину, что я сейчас буду, и извинитесь за ожидание.

— Так что ты хотел, Лука...

Брат схватил его и, заломив руки за спину, ткнул носом в стену. Амадео едва не вскрикнул от неожиданности и резкой боли в запястье.

— Ты! — прохрипел Лукас. — Как ты посмел? Как тебе удалось заполучить этого мужика? Отвечай!

— О... о чем ты?.. — выдохнул Амадео, совершенно сбитый с толку неожиданными нападками. — Я просто... вел переговоры...

— Просто вел переговоры, а на самом деле обрабатывал его своим лживым ртом? — каждое слово сочилось ядом. Лукас развернул Амадео к себе и схватил его за подбородок. — Видать, Санторо очень понравилось, раз он согласился на контракт. И сколько же раз ты его ублажил?

— Нисколько, — злобно зашипел Амадео, дернувшись, но брат держал крепко. — Отпусти меня!

— Ты готов стелиться перед каким-то важным надутым индюком ради контракта? Да тебя с твоим бабским личиком в эскорт-услуги надо перевести! Тебе там самое место! Такой шлюхе, как ты, нет никакой разницы, кого ублажать!

Пуговицы весело заскакали по полу, а швы рубашки затрещали, когда Амадео попытался вырваться. Соппротивление еще больше разозлило Лукаса. Он намотал волосы Амадео на руку и сильно дернул вверх. От боли на глазах выступили слезы, в голове помутилось, но Амадео все еще пытался оттолкнуть брата, чувствуя, как ладонь обхватывает его шею, сдавливая сильнее с каждой секундой.

— Лукас, что ты... делаешь... — хрипел он. — Отпусти меня сейчас же!!

Однако тот давил сильнее, не замечая ничего и никого в залившей сознание ярко-красной ярости. Из горла Амадео уже не вырывалось ни звука, кроме сдавленного хрипа, перед глазами всюду плясали красные круги, когда хватка чуть ослабла.

— Я сначала сделаю дыру в твоем черепе, а потом отрежу язык и отдам на съедение бродячим псам, — тихо, но угрожающе проговорил Ксавьер, приставив к затылку Лукаса пистолет. — И это произойдет, если ты не отпустишь его сейчас же.

Лукас на мгновение замер, осознавая опасность, затем медленно отодвинулся от

Амадео, отпустив его волосы и шею. Тот рванулся прочь, хватая ртом воздух и сипло кашляя.

— Какого черта ты лезешь в дела, которые тебя абсолютно не касаются, Санторо? — Лукас повернулся к нему, держа руки на виду.

— Ненавижу таких людей, — отрезал Ксавьер. — Я убиваю таких людей, но лишь из уважения к твоему отцу придется оставить тебя в живых хотя бы на этот раз. Однако если подобное повторится, если ты хоть на шаг подойдешь к Амадео, я найду способ тебя укротить, — он снова ткнул дулом ему в голову, на этот раз в лоб. — Как ты там говорил? Какая разница, кого ублажать? В таком случае, почему бы тебе самому не испытать этот метод заключения соглашений?

— Ты... — Лукас заскрежетал зубами, осознавая свою беспомощность. Пусть Санторо и не рискнет убивать его, однако страх все же не давал Лукасу позвать охрану. — А не слишком ли много ты о себе возомнил, Санторо? Ты находишься в моем доме и обязан подчиняться моим правилам!

— А ты обязан уважать свою семью и брата, — голос Ксавьера хлестал, как плетка. — И не смей обращаться с ним, как с животным. Надеюсь, ты меня понял, иначе придется объяснить более доходчиво, что я имею в виду.

Спрятав пистолет, он открыл дверь столовой и похлопал Амадео по плечу, от чего тот шарахнулся в сторону, как собака, которую пнули. Ксавьер разочарованно цыкнул.

— Утро явно не задалось. Иди к себе и отдохни, заключение контракта, ради которого ты так старался, вполне может пройти и без тебя. А ты, — Лукас съежился от внезапно нахлынувшего страха. — Ты пойдешь со мной как гарантия того, что тебе не взбредет в голову продолжить прерванное развлечение.

Лукас раздраженно мерил шагами комнату. Заключение соглашения прошло быстро, стороны лишь поставили подписи, а затем Ксавьер недвусмысленными намеками выгнал его из гостиной, дав понять, что хочет поговорить с Кристофом наедине. Но почему отец не возразил? Не попытался защитить? Неужели этот скользкий тип собирается рассказать, что сделал Лукас?

Он сам не знал, что на него нашло. Накинулся на брата, как дикий зверь, не понимая, что делает. Всего лишь хотел доказать, что Амадео ничего не стоит, что добивается успеха исключительно своей внешностью, а вышло так кошмарно, что аж самому противно стало. Он ведь мог убить его прямо там, если бы не появился Санторо.

Лукас скрежетнул зубами. Ну и что? Подумаешь, перепугал маленькую принцессу. Это не повод тыкать пистолетом в его голову и угрожать расправой!

Он сел на кровать и в раздражении схватил зазвонивший мобильник. Чего ей нейметя, обязательно звонить прямо сейчас?

— Чего тебе еще, Виктория?! — рявкнул он.

— О, ничего, — раздался ехидный голос жены. — Хотела напомнить, что не забрала у тебя кое-какие вещи.

— Издеваешься?! — прорычал он. — Ты забрала у меня все! И даже больше того, что должна была!

— Да неужели? — количеству яда в голосе могла бы позавидовать гадюка. — Напомнить тебе условия нашего брачного контракта? Я заеду в пять. Будь, пожалуйста, дома, у меня нет никакого желания общаться с вашей домохозяйкой.

— У меня дела.

— Что ж, тогда оставь Амадео. Он гораздо приятней тебя в общении, — она выдержала

драматичную паузу. — Во всех видах общения.

— Тварь! — рявкнул Лукас, швырнув телефон в стену.

Стерва, да как она смеет?! Звонит ему, дразнит, несмотря на то, что сама же и ушла от него! Да еще и позволяет себе говорить такие вольности! До официального развода дело так и не дошло, Сезар запретил даже думать о подобном скандале, и Виктория прекрасно это знала, заимев новую привычку названивать мужу и доводить до белого каления.

И снова Амадео, снова этот чертов отброс! Лукас в ярости ударил руками по кровати. Слишком правильный мальчик, чтобы спать с его женой, что стерве не мешает каждый раз на это намекать.

— Да чтоб ты сдох, Амадео, — прошипел он. Теперь он уже жалел, что не довел дело до конца и не задушил гаденыша.

Внизу хлопнула входная дверь. Наверняка Санторо наконец наговорился с отцом и свалил. Туда ему и дорога, слишком близкие отношения между партнерами всегда все только портят, стоит одной из сторон допустить промах. Лукас, отодвинув штору, выглянул в окно. Амадео садился в припаркованный у дома джип.

— Даже водителя не взял, — хмыкнул Лукас. — Надеюсь, ты разобьешься по пути, мразь.

Бармен поставил перед ним стакан виски без льда, и Амадео в несколько глотков осушил его, морщась от боли в горле. В голове царил полный хаос, мысли путались, прыгали, наскакивали одна на другую и не желали упорядочиваться. То, что сегодня сделал Лукас, никак не хотело облекаться в ясную картину, но и обрывков было достаточно, чтобы Амадео вздрагивал от отвращения всякий раз, вспоминая обжигающе горячую ладонь брата, сдавливающую его шею.

Как он мог позволить Лукасу так поступить с собой? Раньше брат никогда не опускался до подобного. Да, он злился из-за успехов Амадео, это случалось частенько, иногда хватал его за волосы и тихо, чтобы отец не услышал, шептал всякую ерунду, угрожал, бросал на него завистливые взгляды, но Амадео, черт побери, никогда не воспринимал это всерьез! Кто же мог знать...

Его снова затрясло, и Амадео знаком попросил налить еще.

Жуткая сцена, за которую он испытывал нечеловеческий стыд, разыгралась еще и при будущем компаньоне отца! Такого унижения Амадео в жизни своей не испытывал, поэтому не смог найти в себе смелость спуститься в гостиную и присутствовать на переговорах, боясь увидеть насмешливый или, того хуже, сочувствующий взгляд. С него достаточно.

Поэтому он, почти весь день бесцельно проколесив по городу в попытке успокоиться, сейчас сидел за стойкой бара, куда изредка заходил, и глушил один стакан виски за другим, надеясь, что опьянение поможет прогнать постыдные воспоминания.

— Виски со льдом, — прозвучал рядом знакомый голос.

Амадео вздрогнул и, убрав волосы с лица, мрачно покосился на севшего рядом Ксавьера, невозмутимого, как скала.

— Как прошли переговоры? — как можно равнодушнее спросил он, плотнее обхватив стакан, чтобы унять дрожь в руках. Голос звучал хрипло, на коже наверняка остались синяки от пальцев брата.

— Замечательно. Мы обсудили все необходимые аспекты и пришли к согласию, что, впрочем, неудивительно, ведь решение я принял заранее. А потом говорили о тебе, — Амадео снова вздрогнул, что не укрылось от внимания Ксавьера. — Твой отец очень тебя

любит. Даже немного завидую его детям.

Амадео прислонил прохладный стакан к виску.

— Да. Любит. Иногда мне кажется, что даже слишком, совершенно забывает о втором сыне.

— Потому что он бесполезен, — Ксавьер отпил немного и поставил стакан на салфетку. — Не сказал бы, что Кристоф не любит его, но тебя он превозносит до святых небес. Не понимаю, как можно убиваться из-за никчемного брата, когда есть настолько потрясающий отец.

Амадео промолчал. Ксавьер попивал свою порцию, поглядывая на него. Зачем он вообще пришел? Лишний раз напомнить о том, что видел? Сделать еще хуже?

Видимо, эти вопросы он задал вслух, потому что Ксавьер, чуть сдвинув брови, изучающе уставился на него.

— И сколько же алкоголя ты успел прикончить до моего прихода?

— Какая разница, — Амадео прикрыл глаза. — Все равно это не решит проблему, но хотя бы даст на время забыть о ней, — он залпом допил виски и со стуком поставил стакан на стойку.

— Значит, ты не обладаешь удивительным даром пить и не напиваться? Жаль, — подставив руку, Ксавьер поймал его. — И что прикажешь с тобой делать? Не думаю, что ты можешь идти сам.

Амадео вяло дернулся в безуспешной попытке освободиться.

— Я... Я могу... Со мной все в полном порядке.

— Я вижу, — Ксавьер закинул его руку себе на плечо. — Пожалуй, все же стоит тебя проводить.

Лукас что-то вопил, обвинял, кидался на него с ножом, затем вдруг ударил о стену так сильно, что у Амадео перехватило дыхание.

— Ты, красивая шлюха, — прошептал брат, обдав горячим и тянущим спиртом дыханием его лицо. — Больше ни на что не годен.

Схватив его за волосы, Лукас занес нож.

Амадео проснулся, тяжело дыша. Тело ломило, била крупная дрожь. Не открывая глаз, он потянулся рукой вправо, где обычно стоял стакан с водой, но нащупал лишь голую тумбочку.

Он удивленно уставился на резную, с темной окантовкой мебель, совсем не похожую на ту, что составляла интерьер его спальни, и никак не мог сообразить, где находится. Последнее, что помнил — вкус виски во рту, затем — темнота.

— Я думал, ты бредишь, а ты всего лишь заснул? — раздался вдруг насмешливый голос.

Амадео резко повернулся, и в голове все поплыло. Зажмурившись, чтобы остановить карусель, он полежал так какое-то время и только потом рискнул предпринять вторую попытку.

Ксавьер сидел в кресле и листал газету, изредка бросая на него оценивающие взгляды. Пиджак висел на спинке, узел галстука ослаблен. За окном было темно.

— Брежу? — Амадео осторожно, чтобы не спровоцировать очередной приступ головокружения, сел на кровати, пытаясь выпутаться из своих же волос. — О чем ты?

— Когда мы ехали сюда, ты постоянно повторял, чтобы я тебя не трогал, — Ксавьер аккуратно сложил газету и отложил в сторону. — Плохой сон или ты просто недотрога, как настоящий принц?

Амадео наконец удалось убрать волосы с лица.

— Это же...

— Гостиница «Азарино», — кивнул Ксавьер. — Твое имя обладает истинной магией — стоило мне его назвать, как нас пропустили без проблем.

— Конечно, — проворчал Амадео. — Это же комплекс моего отца. Почему мы здесь?

И тут он вспомнил. Ксавьер нашел его в баре, где Амадео безуспешно пытался залить плохие воспоминания лошадиными дозами виски. Но, так как пить он никогда не умел, то ему потребовалось совсем немного, чтобы изрядно опьянеть. Ксавьер притащил его в «Азарино», снял номер, но все это Амадео помнил, как в тумане. И моментально заснул, едва улегся на кровать.

— Я счел ненужным везти тебя в таком состоянии домой, — ответил Ксавьер. — Мы ведь только-только восстановили перед твоим братцем доброе имя Амадео Солитарио, не стоит так сразу дискредитировать тебя.

Амадео застыл, сжимая пальцами одеяло. Упоминание Лукаса подействовало, как холодный душ.

— Ты... Ты что, говорил с ним? После этого?

— Конечно, — кивнул Ксавьер, скрестив руки на груди. — Но не я был зачинателем, не смотри так. Твой брат пытался выяснить, почему я согласился заключить контракт, что же ты такого со мной сделал. Я ответил, что не хотел слушать человека с таким противным голосом, как у него, и если бы ты вел все переговоры, компаньонов у вас было бы намного больше, — усмешка слегка искривила губы.

Амадео спустил ноги с кровати. В голове тоненько стучал молоточек, с каждым ударом увеличиваясь в размерах.

— Вот еще... У Лукаса вечно одно на уме. Почему он так обо мне думает? Неужели считает настолько неспособным что-либо сделать без помощи моей внешности... — он поднял голову и впериł сосредоточенный взгляд в Ксавьера. — Ты ведь тоже видишь лишь ее, да?

— Не буду врать, красивая внешность притягивает, — Ксавьер играл сигаретной пачкой. — И это первое, на что обращают внимание ваши компаньоны. Вижу, я оказался прав, когда позволил себе слегка поиздеваться над тобой. Извини, но я должен был выяснить, насколько ты хорош. Поначалу ты старался не поддаваться на мои провокации, но, в конце концов, я все же тебя добил, — он достал сигарету и сунул руку в карман за зажигалкой.

— Но зачем это все? — Амадео снова начал злиться. Этот тип вел себя чересчур самоуверенно, но раздражало отнюдь не это. Он повторил слова Кристофа, которые тот произнес на праздновании двадцатилетия Амадео. Красивая внешность — первое, что видят люди при знакомстве. И это жутко выводило из себя, несмотря на то, что Амадео, как никто другой, понимал всю правдивость этого утверждения.

— Можешь считать это проверкой, — зажигалка чиркнула. — Мне стало любопытно, стоишь ли ты чего-то на самом деле или всего-навсего являешься рекламным лицом компании «Азар», которое побежит плакаться папочке после неудавшихся переговоров. Ты этого не сделал, чем изрядно меня удивил.

Амадео слушал с нарастающим изумлением. Проверка? Этот человек проверял, насколько он надежен? Тест на избалованного сынка? Что за бред?

— Но как ты узнал, — осторожно спросил он, — что я не жаловался на тебя отцу?

— У меня свои источники информации, — Ксавьер выпустил дым вверх. — Взяв вину за неудавшиеся переговоры на себя, ты доказал, что тоже не лыком шит, и поэтому я отправил твоего брата подальше, когда он явился ко мне с тем же предложением. Я решил, что стоит довериться твоему отцу, но Лукас едва все не испортил. Ненавижу подобный тип людей, знаешь ли, — он с едва слышным шипением загасил сигарету в пепельнице.

— Но почему... Иных условий он бы не предложил... — Амадео все еще не мог взять в толк, почему Ксавьер настоял именно на его кандидатуре в качестве посредника.

— Потому что, Амадео, красивая внешность — это еще не все, чем надо обладать, чтобы добиться успеха. Может, так думает твой брат, но не я. Да, внешность притягивает внимание, но задерживает то, что здесь, — Ксавьер коснулся своего виска. — И здесь, — ладонь переместилась на левую сторону груди. — Как бы ни был красив твой брат, я все равно прострелил бы ему голову, позволю он себе еще раз ту вольность.

Амадео сидел, опустив голову. Слова Ксавьера звучали искренне, но какой смысл защищать его? Насколько он был наслышан о Ксавьере, этот беспощадный делец одной левой расправлялся с конкурентами и столь же умело управлял торговыми путями, не щадя никого, кто попадался на пути. Почему он вступился за Амадео, ведь семейные дела ни в коей мере его не касались?

— Спасибо, — наконец сказал он. — Спасибо за то, что помог утром, а потом привел меня сюда. Но... я не уверен, что заслуживаю такого отношения.

Ксавьер хмыкнул.

— А чего заслуживаешь? Я должен был оставить тебя там, в баре? Чтобы твой брат явился туда? С пьяным человеком можно делать что угодно, сам понимаешь. Хотя, мне кажется, он просто сорвался, и вряд ли повторит подобное. В конце концов, для убийства у него кишка тонка.

Амадео вновь содрогнулся от отвращения. Ксавьер не знал об истинной ненависти Лукаса, а также не подозревал о ее причинах, поэтому его слова вовсе не успокоили.

— Сейчас на улице глубокая ночь, и я отправлю тебя домой, как только проспишься, — продолжал компаньон. — А пока лучше прими холодный душ, чтобы быстрее протрезветь.

Амадео поднялся, но слишком резко — изображение перед глазами покачнулось, и он упал бы, не подхвати его Ксавьер.

— Да, все же пить тебе стоит поменьше. Не дергайся, что с тобой такое?

— Ничего, все в порядке, — скороговоркой выпалил Амадео, тщетно пытаясь устоять на ногах. — Извини, что доставляю неудобства... Отпусти, я сам могу...

— Если боишься показаться беспомощным, то сейчас не тот случай, — Амадео замер, пораженный тем, что Ксавьер так легко отгадал его мысли. — Я просто отведу тебя в ванную. Никто не заметит твоей слабости, принц, даю слово.

Амадео слегка расслабился. Ксавьер просто хочет помочь, тем более ноги его и правда не держат.

— Чтоб я еще раз так напился, — пробормотал он, чем вызвал у компаньона подобие улыбки.

— Иногда это бывает необходимо. — Ксавьер поудобнее перехватил его руку. — Кстати, у тебя такая холодная кожа. Ты чем-то болен?

— Ничего особенного. Наверное, слишком переутомляюсь, вот и все. Отец сейчас не может уследить за всем, поэтому приходится мне.

Ксавьер усадил его на край ванны и наклонился, внимательно глядя в его лицо.

— Как бы ни было важно дело отца, не забывай о себе. Полуживым ты точно ничем не поможешь.

— Я знаю, — отмахнулся Амадео. — Знаю.

Амадео сидел на кровати и тщательно вытирал волосы полотенцем. Поганое чувство, будто он испачкался в чем-то, прошло только после того, как он битый час тер тело мочалкой, едва не сдирая кожу. Зато сейчас ощущение чистоты вернулось, и вместе с ним пришло облегчение. Лукас больше не повторит этой отвратительной выходки. Никогда.

Ксавьер занял все то же место в кресле, раскрыв ноутбук. Тишину нарушало только тихое щелканье клавиш. Амадео задумался было над мотивами, двигавшими этим бизнесменом, однако голова немедленно отозвалась бурным протестом на подобные размышления.

Ксавьер сказал, что отец в курсе, где он, и администратор гостиницы наверняка известил Кристофа о том, что сын снял номер. В голову закралась мысль, которая с каждой секундой становилась все навязчивее. И наконец, отложив полотенце, Амадео несмело спросил:

— Ксавьер. Что говорил отец обо мне?

— Говорил, что ты не очень дружен со своим братом, и это причиняет ему боль, — ответил тот, продолжая печатать. — Что вы слишком разные, но любить по-разному он не может, вы оба его дети. А что касается именно тебя, — улыбка слегка тронула уголок губ, однако взгляд не оторвался от монитора, — то Кристоф назвал тебя своим маленьким ангелом. И ни разу не пожалел о решении принять тебя в семью. Все хорошее, что не воспиталось в родном сыне, ушло в тебя. Ты очень умный, обладаешь стратегическим умом, на многое готов ради дела, но никогда не переступишь черту дозволенного, чтобы получить что-то. Вот так он тебя расписал.

Амадео выслушал, опустив голову так низко, что мокрые волосы скрыли лицо. Отец рассказал компаньону о том, что Амадео — не его сын, однако при этом слишком идеализировал его. Не такой уж он и хороший. Сколько раз огорчал Кристофа, не перечить. И уж тем более ему многое не удавалось с первого раза, как Лукасу.

— Я очень благодарен отцу за то, что он взял меня к себе, — Амадео задумчиво водил рукой по подушке. — Я не понимал, зачем, я же был просто уличным оборванцем... А он мало того, что не побоялся впускать в дом незнакомого мальчишку, который мог попросту обокрасть и сбежать, он дал мне то, чего у меня никогда не было — любящего родителя. И я стараюсь быть хорошим сыном. Стараюсь не ссориться с Лукасом, — тихо прибавил он.

— Трудно не ссориться с человеком, который так грязно поступил с тобой, пусть и в порыве гнева, — Ксавьер закрыл ноутбук и убрал в чехол. — Не думай о нем, тебе надо отдохнуть. Если что, я снял номер рядом.

— Зачем? — удивленно воззрился на него Амадео.

— Я же обещал отправить тебя утром домой, — ответил он. — Ксавьер Санторо всегда держит слово.

Ксавьер вышел из душа и бросил мокрое полотенце на кровать. В окно ярко светило солнце, и он чуть опустил жалюзи. Ночь прошла без происшествий, из номера напротив не доносилось ни звука. Значит, паренек преспокойно спал, отдыхая от вчерашнего дня.

Он раскрыл ноутбук и поджег сигарету. Поставки из Марокко могут подождать, сейчас приоритетней дожидаться ответа от компаньона из Боливии. Сроки поджимают, а от него все еще ни ответа, ни привета. Надо поручить Серджио разобраться. Отправив сообщение

подручному, Ксавьер затушил сигарету и накинул халат.

На мобильнике светилось несколько пропущенных вызовов, большинство от Ребекки, но Ксавьер не стал перезванивать. Если этой даме что-то нужно, она и из-под земли достанет. Тем более, это ведь ее проблемы, не так ли?

На дисплее высветилось имя засланного казачка. Ксавьер коснулся кнопки и поднес телефон к уху.

— Ньюман. Я тебя слушаю.

— Как прошли переговоры, господин Санторо? — раздался в трубке подобострастный голос.

— Отлично. Ты хорошо поработал в хранилище «Азарино». Твою сестру прооперируют на следующей неделе, как и договаривались.

— Спасибо! — радостно воскликнул собеседник. — Благодарю вас, господин Санторо, я всегда к вашим услугам!

— Если мне что-нибудь понадобится, я с тобой свяжусь, — он отключился.

Благодаря небольшой проверке казино в цоколе гостиницы Ксавьер узнал о бизнесе Кристофа Солитарио куда больше, чем тот рассказал. И, что еще важнее — выяснил, чего стоят его сыновья. Ксавьер не ожидал, что Амадео так легко поддастся на провокации, но, опираясь на отчет Ньюмана, решил дать парню еще один шанс. И тот проверку прошел, равно как и его отец.

Ксавьер никогда не заключал договоров с теми, кто был бесперспективен. Какой смысл восстанавливать дышащий на ладан бизнес, если он все равно рухнет в пропасть? Тратить время, силы и немалые капиталовложения в чей-то труп нерентабельно. Но Кристоф Солитарио оказался крепким мужчиной, готовым биться за дело своей жизни. Он не собирался складывать руки и ждать, когда придет спаситель, наоборот, всеми силами стремился помочь Ксавьеру. Большинство предпринимателей начинало юлить в попытках скрыть информацию о незаконной деятельности, будто бы Ксавьер мог настучать на них в полицию. Кристоф же откровенно сообщил ему о нескольких нелегальных букмекерских точках, игровых залах и покерных клубах, приносящих немалый доход. А также рассказал о том, что Амадео — не его родной сын. Подобной откровенности можно было лишь удивляться.

Родной или нет, парень был далеко не глуп. Разумеется, молодость играла свою роль, ему недоставало опыта, но это поправимо. По просьбе Кристофа Ксавьер согласился взять шефство над ним и подготовить к более серьезной должности, нежели штатный юрист-посредник.

— Апчхи!

Ксавьер недоуменно обернулся. Надо бы сказать Кристофу, что шумоизоляция в номерах ни к черту, раз так ясно слышно каждый...

— Апчхи!

Ксавьер приоткрыл дверь в коридор. Все было тихо. Дождавшись очередного чиха, он в удивлении поднял брови. Дверь номера напротив была приоткрыта, и чихание доносилось именно оттуда.

— Только не говори, что ты простудился, Амадео, — он пересек коридор и, толкнув дверь, вошел.

Огромная полосатая кошка важно восседала на груди Амадео и мяла одеяло лапами, слегка выпуская когти. Паренек еще не совсем проснулся и явно не понимал, что

происходит. Кошка повернула сначала уши с кисточками, а затем и голову на звук открывшейся двери и довольно мяукнула.

— Ты еще тут откуда, пушистая красавица? — Ксавьер подошел и взял ее на руки. Та незамедлительно ткнулась мокрым носом ему в щеку.

Амадео приоткрыл глаза и в ужасе воззрился на животное. Хотел что-то сказать, но не смог.

Очередной чих сотряс стены номера, и Ксавьер нахмурился.

— У тебя что, аллергия? — опустив кошку на пол, он снял трубку висевшего на стене телефона. — Врача в номер двести пять, живее, — затем сел на кровать и приподнял начавшего задыхаться Амадео. — Чем ты еще болен? Ты весь покраснел, что с тобой?

Тот с трудом дышал, со свистом втягивая в себя воздух, будто горло вдруг уменьшилось до размеров иголки. Пальцы судорожно цеплялись за халат Ксавьера, ткань затрещала.

— Потерпи, сейчас придет врач, — спокойным голосом увещевал Ксавьер. — Не смей тут умирать, иначе я тебе это припомню.

Кошка, обвив хвост вокруг себя, невозмутимо смотрела на разыгравшуюся сцену, затем грациозно подняла левую лапку и начала умываться.

В номер быстрым шагом вошел пожилой человек в белом халате и поставил на тумбочку небольшой чемоданчик.

— В чем проблема? — деловито осведомился он.

— У господина Солитарио что-то похожее на астму, — Ксавьер крепко держал натужно дышащего Амадео.

Врач скользнул взглядом по чинно сидящей на полу и невозмутимо приводящей себя в порядок кошке.

— Если это аллергическая астма, — сказал он, доставая ингалятор, — вам лучше убрать отсюда животное. Опустите господина Солитарио на подушку.

Ксавьер так и поступил. Поднявшись, взял кошку и понес к выходу. Та уютно свернулась на руках и громко замурчала.

— Откуда ты вообще тут взялась? — пробормотал он, подозрительно прищурившись.

Животное ответило звуком небольшого трактора и довольно зажмурилось.

— Не смей урчать, из-за тебя... — Ксавьер оглянулся через плечо на Амадео с маской на лице, который уже приходил в себя, и вздохнул. — Ну ладно, ладно.

От почесывания за ушком кошка окончательно разомлела. Ксавьер вынес ее из номера и усадил на банкетку в коридоре.

Когда он вернулся, врач уже закрывал чемоданчик.

— Это, скорее всего, аллергия, — констатировал он. — Причем в довольно запущенной форме. Похоже, ее никогда и не пытались лечить. Но для точного диагноза необходимо обратиться в больницу.

— Понял, — кивнул Ксавьер. — Кажется, пришла пора сказать пару ласковых их семейному врачу. Благодарю вас.

Когда доктор ушел, Ксавьер присел на кровать. Амадео выглядел уже гораздо лучше, пугающая краснота ушла, но из носа лило. Подав салфетку, Ксавьер поинтересовался:

— Если ты хотел умереть, то прости, что сломал твои планы. Почему твою астму до сих пор не вылечили?

Тот шумно высморкался.

— Она уже долгое время не давала о себе знать. Я просто держался подальше от

животных, но эта кошка... — голос все еще был сиплым, но, по крайней мере, с самим дыханием проблем не возникало, — подобралась ко мне слишком близко.

— Так говоришь, будто ее подослали недоброжелатели, — усмехнулся Ксавьер. — Но, похоже, кто-то просто не запер дверь. Чем ты еще болен, хрупкий принц?

Амадео устало откинулся на подушку.

— Разве тебе интересно? Мои болезни — это лишь мои пробле...

Глаза Ксавьера сузились совсем чуть-чуть, но у Амадео мороз прошел по коже. Теперь он понял, почему большинство дельцов его попросту боятся — этот человек добьется своего любыми способами, даже если надо будет кого-то убить.

— Дорогой мой Амадео, — голос замораживал не меньше взгляда. — Если ты считаешь, что всем вокруг наплевать на тебя и твое здоровье, то глубоко заблуждаешься. И если тебе нравится себя убивать — пожалуйста, валяй. Но прежде чем это делать, подумай о человеке, которому твоя жизнь дороже собственной — об отце.

Амадео сглотнул. Ксавьер загнал его в угол.

— Я... Я стараюсь не доставлять ему проблем, — наконец выдавил он. — И...

— В таком случае, не стоит в качестве решения себя убивать, — Ксавьер поднялся. — Я поговорил с врачом. Твоя холодная кожа — результат плохого кровоснабжения. Помимо аллергии и астмы у тебя еще и проблемы с сосудами, так?

Амадео угрюмо молчал.

— Если не хочешь, чтобы я рассказал обо всем Кристофу, и он окончательно не отстранил тебя от дел, начинай следить за своим здоровьем. Я обещал отвезти тебя домой, поэтому одевайся. У тебя есть пять минут.

Дверь номера хлопнула. Амадео какое-то время хмуро смотрел на нее, затем потянулся за рубашкой.

Накажи одного — научи сто

Амадео осторожно открыл дверь и прошмыгнул внутрь. Охранники снаружи по обыкновению сделали вид, что ничего не заметили, и это сыграло на руку. Сейчас осталось добраться до комнаты, переодеться и...

— Молодой человек! — раздался над ухом скрипучий голос, и Амадео подпрыгнул.

— Роза, — простонал он. — Зачем так пугать?

Та рассерженно смотрела на него, постукивая носком туфли по полу.

— Вы не ночевали дома и даже не соизволили предупредить об этом вашего отца! Где ваша совесть?

— А... — Амадео виновато улыбнулся. — Но ему же позвонили и предупредили, где я...

— Конечно, предупредили. О том, что вы загуляли в баре на всю ночь! — она сдвинула тонкие брови и указала Амадео в сторону его комнаты. — Живо принимать душ! От вас несет, как от подзаборного забулдыги!

Спорить с Розой — себе дороже, поэтому Амадео немедленно ретировался. После вчерашних неумеренных доз спиртного слегка мутило, в голове стоял туман, в носу все еще слегка свербило, но дышать было легко. И на том спасибо.

Стянув одежду, Амадео отправил ее в корзину для белья, а сам с наслаждением погрузился в горячую ванну. Вода на какое-то время смыла все тревоги, и, растираясь полотенцем, Амадео улыбался, насвистывая какую-то песенку.

Однако стоило вернуться в комнату, как всю радость будто ветром сдуло. На кровати сидел Лукас и листал книгу, которую Амадео оставил на тумбочке.

Амадео безотчетно потянулся к шее, но вовремя спохватился. В ванной он хорошо рассмотрел ее, но синяков не обнаружил. Значит, можно было не опасаться, что отец что-то заметит. Он с деланно безразличным видом открыл стенной шкаф, даже не взглянув на брата.

— Где ты вчера был? — Лукас захлопнул книгу и бросил ее на покрывало.

— Гулял, — лаконично ответил Амадео, выбирая одежду.

— С кем? С твоим новым другом?

— Тебя не касается.

Он нарочито медленно перебирал рубашки в попытке успокоиться, хотя все внутри вопило, чтобы он хватал всю одежду, какую найдет, и быстрее мчался прочь. Но Амадео не поддавался внутреннему порыву. В глубине души он все же не верил, что брат снова попытается его убить. В тот раз он был зол. Сейчас... Амадео осторожно оглянулся через плечо. Вроде бы спокоен.

Лукас поднялся, однако подходить ближе не стал. Вместо этого отошел к стеллажу с книгами и внимательно уставился на корешки.

— Значит, вы теперь с этим Санторо друзья, да? — ровный голос, ни намек на злость.

— Можно сказать и так, — в тон ему ответил Амадео. Он достал черную футболку и перекинул через плечо, переключившись на выбор джинсов.

— И вчера ты именно с ним завалился в «Азарино»?

С губ Амадео сорвалось громкое фырканье. Он повернулся к Лукасу.

— А почему ты так интересуешься, где я провел ночь? Я тебя никогда не спрашивал о том, где ты пропадаешь.

Тот провел пальцем по книге Сабатини. Затем вытащил ее и осмотрел со всех сторон, выискивая повреждения обложки. Не найдешь, мстительно подумал Амадео. К книгам он всегда относился бережней, чем к чему-либо.

— Потому что ты, в отличие от меня, редко так поступаешь. Но стоило появиться этому странному типу, как ты бросаешь все и бежишь к нему, — он одарил Амадео презрительным взглядом. — Попахивает предательством, разве нет?

— Не понимаю, о каком предательстве ты говоришь, — Амадео снова отвернулся к шкафу. — Ксавьер — новый компаньон отца, в его интересах помогать нам.

— А ты не думал, что у него может быть своя цель? — голос Лукаса раздался прямо за спиной, и Амадео от неожиданности вздрогнул. Футболка соскользнула с плеча. — Что он заключил это соглашение не потому, что уважает отца и хочет быть нашим партнером, а потому, что ему нужно несколько иное? Вдруг он решил расширить свою империю за счет нашей компании?

Амадео начало трясти, и он с трудом взял себя в руки. Нельзя показывать слабость перед Лукасом. Ни за что. Он словно дикий зверь — на мгновение ослабишь бдительность, и он тебя разорвет.

— Нет, Лукас, — стараясь, чтобы голос не дрожал, Амадео повернулся к нему. — Цель Ксавьера — взаимовыгодное сотрудничество с нашей компанией. И больше ничего. Если бы ты хоть раз прочел контракт, прежде чем требовать подписать его, ты бы это понял.

Тот сощурился, отступив на шаг.

— Контракт. Что ж, ладно. Но имей в виду — если он попытается втереться тебе в доверие...

— Во-первых, Ксавьер теперь наш партнер, — перебил Амадео, внезапно разозлившись. — Логично доверять друг другу, разве нет? Во-вторых, даже если он попытается всадить мне нож в спину, каким боком это тебя коснется, Лукас? Ты сам повел себя вчера не как старший брат, а как животное, которое не может обуздать свои инстинкты!

Тот растерялся от такого напора и смог лишь промямлить:

— Я... Я бы никогда не сделал ничего... Отцу не надо об этом знать...

— Не знаю, чем бы все закончилось, не появись Ксавьер. И знать не хочу, — Амадео отвернулся к шкафу. — Отцу я ничего не скажу, но если ты повторишь подобное еще раз, я за себя не отвечаю. А теперь выйди, пожалуйста, мне надо одеться.

Как только за Лукасом закрылась дверь, Амадео наклонился, чтобы поднять упавшую футболку. В глазах потемнело, и он едва успел выставить вперед руку, чтобы не ткнуться носом в ковер. Тряхнув головой, подождал, пока уплывающее сознание вернется на место, затем осторожно поднялся.

— Слишком перенервничал, — объяснил он пустой комнате. И начал одеваться.

— Держите, молодой человек, — Роза поставила перед ним кружку с дымящейся мутной жидкостью.

— Что это? — подозрительно принялся Амадео.

— Не спрашивайте, а пейте, — отрезала женщина. — Похмелье как рукой снимет. Я знаю, что делаю.

— Спасибо, — благодарно улыбнулся он и сделал глоток.

Терпкая жидкость на мгновение обожгла горло, оставив лимонное послевкусие. Амадео

пил маленькими глотками, обхватив кружку ладонями, как делал в детстве.

— Росита, как отец себя чувствует? — спросил он. — Я еще не был у него, и...

— Ах да, — спохватилась та. — Он просил вас зайти в кабинет, как только вы закончите приводить себя в порядок.

— Что ж ты раньше не сказала! — Амадео вскочил, едва не расплескав лекарство.

— Потому что вы не можете показаться ему в таком виде, — объявила домоправительница. — Сначала выпейте то, что я вам дала, и позавтракайте. Дела подождут.

Амадео снова опустился на стул. Спорить с Розой было бесполезно. Все обитатели дома знали об этом.

Быстро расправившись с завтраком, он поднялся на второй этаж. Постучав и дождавшись ответа, толкнул дверь и вошел.

Кристоф что-то обсуждал по телефону, иногда сверяясь с бумагами, лежащими перед ним на столе. Ничуть не повышая голоса, четко и размеренно объяснял кому-то, почему вынужден отказаться от сотрудничества и что именно его не устраивает в договоре. Амадео в очередной раз позавидовал способности отца отказывать так, что оппонент не чувствовал себя обиженным. В бизнесе, в котором крутилось семейство Солитарио, впрочем, как и в любом другом, это качество очень ценилось.

— Надеюсь, мы поняли друг друга мистер Джеймсон. Мне было очень приятно иметь дело с таким выдающимся человеком как вы. Всего доброго, — он положил трубку. — Доброе утро, малыш. Как спалось? Мне сказали, что ты сегодня ночевал в «Азарино».

Жгучий стыд заставил Амадео опустить голову, как нашкодившего школьника.

— Простите, отец, я даже не предупредил вас...

— Ничего страшного, мне позвонил Ксавьер. Сказал, что ты немного перебрал в баре, и он увез тебя в гостиницу, — в глазах Кристофа пряталась улыбка.

— Я должен был сказать вам, но...

— Не оправдывайся, — прервал Кристоф и тут же смягчил тон. — Тебя никто не осуждает. Лукас неделями дома не ночевал, и я не вижу в этом ничего удивительного. Вы оба молодые парни, это вполне естественно. И я не за тем тебя позвал, чтобы отчитывать. Садись.

Амадео опустился на стул и, отодвинув в сторону стопку документов, оперся локтем на стол. Голова снова начала понемногу наливаясь тяжестью, шея тупо ныла. Похоже, лекарство Розы не подействовало.

— Возникли какие-то проблемы?

— Пока нет, но скоро, похоже, их не избежать, — Кристоф подал Амадео несколько скрепленных листов. — Как ты знаешь, мы строим новую гостиницу. Но неожиданно подрядная организация решила изменить условия. Дело в том, что их не устраивают сроки. По их мнению, мы даем слишком мало времени, хотя при заключении договора их все устраивало.

— Тогда почему не собраться и не обсудить это с ними?

— Потому что они не желают говорить, — Кристоф откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. — Настаивают на том, что им была дана ложная информация.

— Но это невозможно, — Амадео нахмурился и пробежал глазами документ. — Здесь четко указаны сроки выполнения работ плюс время на закупку материала и...

— Они наверняка что-то недопоняли. Поэтому я прошу тебя поехать туда и разобраться.

Справишься?

— Разумеется. Это же пустяковое дело. Даже если они подадут в суд, то ничего не выиграют. Документы подписаны, и все их недопонимания никакой роли не играют, — Амадео поднялся.

— Хорошо. Тогда отправляйся сейчас. Просрочек нам не надо. Когда вернешься, расскажешь обо всем.

— Да, отец, — Амадео взялся за ручку двери. Поехать в офис подрядной организации и популярно объяснить, в чем они неправы. Проще не бывает, хватит и часа.

— Малыш, — негромко окликнул Кристоф. — Амадео.

Отец очень редко звал его по имени, и от этого по коже Амадео пробежали мурашки. Он повернулся, стараясь придать лицу безмятежное выражение.

— Что такое?

— Ты не заболел?

Вот она, особенность близких людей — всегда видят тебя насквозь. Даже если молчишь, не делишься своими проблемами, чтобы не причинить боль, они все равно заметят. И этим ты делаешь еще больше.

— Нет, отец, — невозмутимо ответил он. — С чего ты взял?

— Ты бледен. Этого я уже давно за тобой не замечал.

— Всего лишь небольшое похмелье, — улыбнулся он. — Но чудо-напиток Розы вернет меня к жизни.

Кристоф улыбнулся в ответ, но не отводил обеспокоенного взгляда, пока за Амадео не закрылась дверь.

Выйдя из офиса «Ормигон», Амадео на мгновение остановился на ступеньках и вдохнул свежий, послегрозовой воздух. В споре не оказалось ничего сложного, обычная ситуация, когда другая сторона пытается оперировать условиями форс-мажора. Но каждый раз безуспешно. Договор составлен предельно четко и ясно, никаких дополнительных условий, написанных между строк. Однако директор успокоился лишь после того, как Амадео напомнил ему о штрафе за просрочку.

— Пытались обдурить меня, ребята? — ветер швырнул волосы в лицо, и он отбросил их назад. — Ничего не вышло, уж простите.

Амадео сбежал вниз по ступенькам. Отец будет доволен чистой работой. Уж в чем-чем, а в переговорах и улаживании спорных ситуаций Амадео не было равных, что бы там ни плел Лукас относительно неопытности. Взявшись за ручку дверцы, он заметил боковым зрением стоящий рядом автомобиль.

Ксавьер стоял, прислонившись к крылу черного «мерседеса», курил и разглядывал его.

— Неплохо выглядишь после вчерашнего. Что это? Тайная магия принца?

— Магия волшебного антипохмельного коктейля, — мрачно ответил Амадео. — А что ты тут делаешь, Ксавьер?

— Посещал одного из своих партнеров, — он кивнул на соседнее здание с новенькой вывеской «Анидан». — Уже собирался уезжать, но увидел тебя. Решил, вдруг ты снова захочешь выпить.

— Очень смешно, — Амадео дернул ручку дверцы, и тут в кармане зазвонил телефон. — Да? Да, отец, все хорошо, я объяснил им, в чем они неправы. Конечно, все в полном порядке, они даже не стали спорить. Сейчас домой, я же обещал вывезти тебя прогуляться... Что? А, деловая встреча... Хорошо, тогда приеду часа через два, — он пикнул кнопкой мобильного и

сунул телефон в карман. — Что ж, у меня появилось свободное время. Но в бар не пойду, не уговоришь.

Ксавьер кивнул на вывеску, из-под сени которой вышел Амадео, и выпустил клуб дыма в том направлении.

— Что ты там делал? Эта строительная компания занималась ремонтом моего офиса. Более скандальных типов на всей планете не найдешь. На каждый пункт договора — тысяча возражений и споров.

— «Ормигон» занимается строительством гостиницы по заказу отца. Они и с нами пытались скандалить, пришлось их усмирить, — он откинул волосы за спину и тяжело вздохнул. — Ненавижу таких проблемных партнеров. Пытаться обмануть и нажиться на этом — самое последнее, что стоит делать, когда имеешь дело с Солитарио.

Ксавьер явно заинтересовался.

— Правда? И ты смог их приструнить? — он придирчиво оглядел Амадео. — Хотя неудивительно. Рядом с тобой невозможно злиться, твоя аура действует как огромная доза лучшего успокоительного.

Амадео поджал губы. Ксавьер прекрасно знает его слабое место, но продолжает давить туда, как на любимую мозоль. Что за жестокий, беспринципный тип.

— Спасибо за комплимент, но моя аура тут ни при чем. И если это все, что ты хотел, то мне нужно ехать, — он открыл дверцу машины.

— Слушай, Амадео, — Ксавьер бросил взгляд на наручные часы. — Могу я попросить тебя об услуге? В счет вчерашнего, — он усмехнулся, но тут же посерьезнел. — Я еду по делам. Раз у тебя появилась пара часов свободного времени, почему бы не составить мне компанию? Говоря проще, я хочу тебя кое с кем познакомить.

— Познакомить? — датчик в автомобиле пиликал, предупреждая, что дверь открыта. — И с кем именно?

— Увидишь. Поедем на моей машине, если ты, конечно, согласен.

Амадео задумался. Ксавьер явно собирался втянуть его во что-то. Вряд ли можно завоевать определенную репутацию законными способами, на этот счет Амадео иллюзий не строил. Интересно, чем промышляет Ксавьер помимо того, что торгует сигаретами и развивает чужой бизнес. И потом, всегда можно отказаться, если условия тебя не устраивают. Золотое правило переговоров.

Поэтому он запер свой автомобиль и скользнул в темный, душный салон «мерседеса».

Сразу же Амадео ударил ладонью по кнопке открытия окна. Наглухо тонированное стекло медленно поползло вниз.

— Что такое? — мгновенно отреагировал Ксавьер. — Слишком накурено?

— Нет, — пробормотал Амадео, высунув нос из окна. — Слишком темно и жарко.

Тот достал сигарету из пачки.

— Надо же. Только не говори, что у тебя еще и клаустрофобия. Я уже начинаю подозревать, что ты и в самом деле принц.

— Я... Я не знаю, с чего это началось, — Амадео не сводил взгляда с улицы. — Наверное, с маленького подвала, в котором я жил до того, как отец нашел меня. Однажды проснулся и обнаружил, что моя маленькая сестра умерла. Я был в таком ужасе, что мне начало казаться, будто стены сжимаются, грозя меня раздавить. Потолок хотел меня расплющить. Я еле мог ходить, однако сумел добраться до двери, и все прошло. И почему я тебе все это рассказываю?

Звук чиркнувшей зажигалки и запах табака.

— Понятия не имею. Может, потому, что я дважды спас тебя? — Ксавьер выпустил дым вверх, а Амадео резко перевел тему.

— Так куда мы едем?

— Хочу тебя познакомить кое с кем. Этот человек может быть очень полезен. В определенных ситуациях. Все остальное время ведет себя как взбалмошная девица, но не обманывайся этой внешней бесшабашностью.

— Вот как? — Амадео неопределенно хмыкнул. — Я уже в нетерпении.

Автомобиль умело лавировал в небольших заторах. В воздухе пахло недавно прошедшим дождем. Люди перебегали дорогу, спешили куда-то по залитым водой тротуарам. Дети, хохоча, с разбега прыгали в лужи, взметая миллионы брызг.

Некстати вспомнился тот день, когда он и Микки с Терезой попали под дождь. А ведь именно с этого все и началось...

— ...будь настороже.

— Что? — Амадео повернулся к Ксавьеру. — Прости, я отвлекся.

— Амадео, если хочешь научиться вести дела, будь внимательней, — без тени раздражения ответил тот. — Я сказал, что тебе следует быть настороже и не вестись на провокации. А они будут, я это гарантирую.

— Хорошо, — Амадео все еще не понимал, о чем твердит Ксавьер, но предпочел согласиться.

Автомобиль затормозил у здания крупнейшего в городе телеканала «Новости и факты». Огромные, светящиеся в темное время суток буквы возвышались над городом подобно молчаливому наблюдателю, видящему все грехи. Непроницаемые окна производили впечатление полицейского, допрашивающего вас, но скрывающего свои истинные намерения за зеркальными очками.

Ксавьер вышел из машины и знаком приказал Амадео следовать за собой. Они вошли внутрь.

Амадео ожидал увидеть толпы людей, снующих туда-сюда, как это обычно бывает в офисах средств массовой информации. Он немало повидал подобного, разъезжая с отцом. Но здесь, в огромном вестибюле стояла такая тишина, что каждый шаг гулким эхом раздавался под потолком.

Даже не потрудившись остановиться у поста охраны, Ксавьер проследовал к лифту. Но не к общему, куда в этот момент садилась небольшая группа сотрудников, а располагающемуся чуть в стороне, который Амадео сначала принял за служебный вход.

В какой-то степени он оказался прав — лифт явно не служил местом общего пользования. Охрана Ксавьера осталась внизу, в кабине были только они вдвоем.

— Не пугайся, — произнес Ксавьер.

Пол внезапно ушел из под ног, а сквозь стены хлынул дневной свет. Амадео инстинктивно вцепился в поручень, прикрепленный вдоль стены, и почувствовал, как желудок подступил к горлу.

— Эффектно, не правда ли? — Ксавьер даже не шелохнулся. — Директор телеканала любит подобные трюки.

Амадео беспомощно вертелся, выискивая место, где взгляд не будет падать на пропасть, становившуюся все больше. С одной стороны — стремительно отдаляющаяся асфальтированная улица с микроскопическими людьми-муравьями, спешащими по своим

делам, с другой — мраморный пол, мозаика на котором становилась все более отчетливой картиной. Руки и ноги холодели, сердце стучало быстрее, и, в конце концов, он зажмурился.

— Ты не против, если я постою немного так? — голос не дрожал, и на том спасибо.

— Понимаю, — хмыкнул спутник. — Самому в первый раз стало не по себе.

Наконец стеклянные двери раздвинулись, и Амадео поспешно шагнул на твердый, непрозрачный пол. Ксавьер вышел следом.

— Мы почти на месте. Помни, что я тебе говорил. Будь настороже.

Черная дверь с серебряной окантовкой сверкала ослепительной табличкой: «Генеральный директор телеканала «Новости и факты» Р. Кэмпбелл». Секретарь, молодой мужчина в строгом костюме схватился за трубку телефона, но Ксавьер, не дожидаясь, пока о его приходе сообщат, толкнул дверь и вошел. Амадео — за ним.

После мраморного пола белый ковер с коротким ворсом показался слишком мягким. Вдоль стен протянулись низкие стеллажи, сверкавшие хромированными полками. Одинаковые черные папки с белыми этикетками заполняли их сверху донизу. У огромного окна, занимающего всю стену, располагался стол черного дерева, на котором слева стоял тонкий монитор, а справа лежали аккуратно сложенные листок к листку документы.

В кресле за столом сидела женщина в строгом костюме и ослепительно белой блузке. Она держала у уха трубку радиотелефона и с недовольным видом выслушивала, что ей говорят. Затем холодно произнесла:

— Мне не нужны твои оправдания, Джейсон. Если не можешь выполнять свою работу — поищи другое место, — она грохнула трубку на базу и устремила взгляд на Ксавьера. — Привет, дорогой. Что-то ты рановато.

На вид ей было около тридцати. Светлые волосы, небрежно сколотые на затылке, яркие голубые глаза. Их выражение Амадео тотчас подметил — хитрость и даже некоторая жестокость, прячущиеся за напускной деловитостью. Изящно очерченные губы искривились в усмешке, когда она бросила на него беглый взгляд.

Ксавьер опустился в одно из двух кресел по другую сторону стола и жестом предложил Амадео занять второе.

— Моя информация готова?

— Зачем же сразу о делах, когда у меня такой очаровательный гость? — она отвечала Ксавьеру, но смотрела на Амадео, оценивая, ощупывая со всех сторон, прикидывая, какую выгоду с него можно получить. Неприятное ощущение, но раз Ксавьер решил, что необходимо познакомиться с этой дамой, Амадео потерпит. — Не хочешь представить мне своего спутника для начала?

— А ты сразу нацелила на него свои когти? — Ксавьер вытряс из пачки сигарету. — Не получится, Ребекка, он здесь не для этого.

— И зачем же?

— Простите, что не представился сразу, — произнес Амадео, слегка склонив голову. — Меня зовут Амадео Солитаро.

Если он надеялся, что известная фамилия произведет нужное впечатление, то ошибся. Губы снова изогнулись, она скрестила руки на груди.

— Неверно. Это не твоя фамилия. Ты безродный.

Глаза Амадео слегка сощурились, и Ксавьер покосился на него, слегка качнув головой. Держи себя в руках, вспомнил Амадео предостережение. Не поддавайся на провокации. Чтс ж, значит, вот как можно заслужить уважение этой женщины — не делать то, что она хочет.

— Похоже, у вас устаревшая информация, сеньорита, — он спокойно улыбнулся, хотя пальцы чуть сжались на подлокотниках. — Кажется, вы собирались отдать Ксавьеру какие-то данные?

— Не тебе указывать, что мне делать, мальчик, — похоже, она начала воспринимать его чуть серьезней. — Я вижу, он чего-то стоит, Ксавьер, раз ты привел его. Но чего от меня хочешь?

— Я же сказал о цели своего визита в самом начале, — тот поморщился и сунул в рот сигарету. — Когда ты наконец научишься слушать? Мне нужны данные по отправке груза из порта сегодня в одиннадцать вечера. И поживее, время дорого.

— Я могла отправить тебе всю информацию с курьером. Может, ты хочешь еще о чем-то попросить, раз явился лично?

Ксавьер вынул сигарету изо рта и рассмеялся, но глаза остались ледяными.

— Тебя? Попросить? Ребекка, день, когда я тебя о чем-то попрошу, войдет в историю, — он чиркнул зажигалкой. — Я уже изложил то, зачем пришел, ты не могла бы не делать из меня идиота? Груз отправляется сегодня. Если я не потороплюсь, велик шанс его лишиться. И тогда пострадаю не только я, но и твоя самоуверенность.

По привлекательному лицу пробежала тень. Ребекка поджала губы и снова взяла трубку радиотелефона.

— Марко. Данные по делу три пять два, в мой кабинет.

— Хорошая девочка, — Ксавьер затушил наполовину выкуренную сигарету в пепельнице на столе Ребекки и вытащил из кармана пиджака мобильник. — Прошу прощения, сейчас вернусь.

Как только Ксавьер скрылся за дверью, Ребекка поднялась.

— Надо же, — опершись о стол, она смерила Амадео оценивающим взглядом. Из декольте блузки выпал кулон и повис на тонкой золотой цепочке. — Похоже, Ксавьер чувствует за тебя ответственность, раз решил лично познакомиться с нужными людьми. Как тебе удалось заполучить его доверие?

Амадео смотрел на нее снизу вверх, но ей внезапно почудилось, что все наоборот — столько снисходительности и спокойствия было во взгляде. Не зря говорили, что он похож на Кристофа, несмотря на то, что их не связывает кровь.

— О его мотивах мне ничего неизвестно, мисс Ребекка. А что касается вопроса о доверии... Почему бы вам не спросить его самого?

Внезапно она рассмеялась. Выпрямилась и отошла к окну.

— А ты смысленный. Но пока не привык к нашим правилам. Очаровательно.

— В ваших правилах я кое-что начинаю понимать, — все тот же невозмутимый голос. — Унизить человека, а потом похвалить. Дать собачке, которую пнули двумя минутами ранее, вкусную косточку, чтобы та мигом забыла про обиды и начала верно вам служить.

Ребекка пораженно замерла и мысленно порадовалась, что стоит спиной. Ей самой было трудно представить свое выражение лица в данный момент. Впервые ее раскусили так быстро, и ощущение было сродни тому, что она села в лужу. Большую, грязную лужу.

Придав лицу насмешливое выражение, Ребекка отвернулась от окна.

— Правильно. Все вы мои собачки.

— Столь высокое самомнение — это тоже одно из ваших правил?

Она опустила в кресло и закинула ногу на ногу.

— Если понадобится, ты приползешь ко мне, как верный пес. Так же поступят многие, многие другие. Я всех вас держу на коротком поводке.

— Власть тоже бывает иллюзорна, не так ли? Равно как и ваш товар. Торговля информацией — дело прибыльное, но весьма опасное.

— Не учи меня, как надо вести дела!

Ребекка тут же одернула себя за вспышку ярости. Какой-то малец довел ее до белого каления? Когда такое было в последний раз? Ох, Ксавьер, Ксавьер...

— Ваши документы, госпожа, — русоволосый парень примерно одного возраста с Амадео положил перед хозяйкой тонкую папку.

— Хорошо, Марко, — она даже не взглянула на подчиненного, продолжая изучать Амадео.

Тот спокойно выдержал ее взгляд. Сначала Ребекка казалась знающим свое дело руководителем, бескомпромиссным, добивающимся своего, но теперь он видел, что и ее можно достать. Пугало только то, что это удалось с такой легкостью. Неужели она настолько самоуверенна, что совершенно потеряла осторожность? Если так, то ей стоит задуматься.

— Мои документы уже готовы? — Ксавьер сел рядом. — Или ты и дальше будешь тянуть время? Я не дурак, Ребекка, кто еще наложил лапу на мой заказ?

— А я тоже не дура, дорогой, — она перегнулась через стол, протягивая папку, принесенную Марко. — И только что перехватила информацию у другого заказчика.

— Куда мы теперь? — Амадео захлопнул дверцу и ударил по кнопке открытия окна. — И почему ты предпочитаешь такие тесные машины?

— А почему ты предпочитаешь огромные джипы вроде твоего крокодила? — Ксавьер задымил сигаретой.

— Ты прекрасно знаешь причину, — проворчал Амадео. — Но не ответил на первый вопрос. Куда мы едем?

Ксавьер потянулся вперед и нажал кнопку стеклоподъемника между водителем и ими. Амадео слегка занервничал — пространство стало еще меньше. Ксавьер поднес мобильник к уху.

— Леон, отмени на сегодня поставку. Нет свободных машин, — отключив телефон, он повернулся к Амадео. — В мой офис. Я хочу, чтобы ты кое в чем мне помог.

Автомобиль остановился у офиса «Камальон», и Ксавьер жестом предложил Амадео следовать за собой. Из машины, ехавшей позади все время, вышли двое дюжих охранников и держались за ними на расстоянии нескольких шагов. Амадео такие предосторожности были в новинку — разумеется, у отца имелись недоброжелатели, однако до неусыпного контроля дело еще не доходило. Он задался вопросом, сколько покушений пережил Ксавьер. В том, что они случались, сомнений не оставалось.

Двери лифта раскрылись на четвертом этаже. Охрана осталась внизу. Возле кабинета застыл верный страж — Амадео видел его во время предыдущих визитов в «Камальон». Высокий, светловолосый, с пронизывающим оценивающим взглядом. И с кобурой, безошибочно угадывающейся под пиджаком.

— Добрый день, Серджио, — поздоровался он, входя вслед за Ксавьером в прохладный кабинет.

Ксавьер уселся в свое кресло, предложив Амадео занять место напротив, положил папку на стол и достал сигареты.

— Тебе, должно быть, известно, что легальная сторона бизнеса мало чего стоит, —

заговорил он, чиркая зажигалкой. — Даже у твоего отца множество подпольных казино и игровых притонов под прикрытием благопристойной сети гостиниц. Ты в курсе, или тебя еще не посвящали в тонкости семейного бизнеса?

— Я в курсе, — кивнул Амадео.

— Раз уж мы теперь партнеры, открою карты. Я торгую наркотиками. Покупка у поставщиков в других странах, транспортировка, продажа через средние и мелкие точки здесь... Не смотри на меня так, это совершенно обычный бизнес, такой же, как любой другой. Но всего лишь незаконный, — Ксавьер затаился и медленно выпустил дым вверх. — Я говорю об этом тебе только потому, что сейчас мы должны решить одну проблему, которая непосредственно связана с этой сферой моего бизнеса. Можешь считать это очередной проверкой.

Амадео указал на папку, которую отдала Ксавьеру Ребекка.

— Я так понимаю, все данные здесь, но ты мне их не покажешь.

— Правильно. Я лишь обрисую тебе ситуацию. Наркотрафик внутри страны осуществляется моими курьерами с помощью грузовиков транспортной компании «Сиеста».

— Она принадлежит Арчибальду Беннету?

— Совершенно верно. У меня с ним тоже контракт, разумеется, неофициальный. В таких делах осторожность никогда не бывает лишней. На заметку — для транспортировки табачной продукции я пользуюсь совершенно другой компанией — своей собственной, «Камальон».

— Это логично, — кивнул Амадео. — Ты обезопасил себя на случай, если твои машины решит кто-то проверить. Беннету это не грозит, у него множество связей в органах таможенного контроля. Так в чем проблема?

— За последнюю неделю грузовики Беннета проверяли уже трижды. Лишь по счастливой случайности водителей вовремя предупреждали, и ни один не попался с грузом. Но я не верю в удачу. Рано или поздно кто-нибудь проколется.

— Полиция?

— Хуже. Наркоконтроль. Эти ребята не работают просто так, от нечего делать, и не проверяют все грузовики подряд. Имеет место явная наводка.

— То есть, в твоей компании завелась крыса, — мгновенно смекнул Амадео.

Ксавьер удовлетворенно кивнул. Затем поднялся и прошел к мини-бару.

— Верно. Хочешь чего-нибудь выпить, прежде чем я продолжу?

Поскольку на лице Амадео отразилось явное отвращение, он понимающе усмехнулся и подал стакан с минеральной водой. Затем снова опустился в кресло. Пальцы застучали по клавиатуре.

— Да, крыса. Ее-то и предстоит найти. Ну как, попробуешь справиться с этой небольшой задачей?

— Ты проверял недавно нанятых работников?

— Разумеется. Ни один из них непричастен.

— А останавливали лишь машины «Сиесты» или все грузовики, движущиеся по определенному маршруту?

Ксавьер отвел взгляд от монитора.

— Какое это имеет значение?

— Если кто-то знал маршрут, но не мог указать конкретный транспорт, это одно. А вот если наводка имелась на конкретный грузовик — совершенно иное. Водитель знает, какую

машину он ведет, и куда едет. Те же, кто составляет схемы трафика, даже интересоваться не должны, каким транспортом поедет груз, — Амадео отпил минералки. — Если, конечно, люди, отвечающие за одну область, совершенно не осведомлены, чем занимаются другие. Из соображений безопасности.

Ксавьер едва слышно поаплодировал, оторвавшись от клавиатуры.

— Совершенно верно. Если накроют кого-то одного, у него просто не хватит данных, чтобы сдать меня с потрохами. Однако одно гнилое звено способно разорвать всю цепь, именно поэтому нужно как можно скорее найти и избавиться от этого не в меру ретивого саботажника. Первый грузовик «Сиесты» предупредил водитель «Камальон», который двигался впереди, и его остановили. Естественно, кроме табака доблестные стражи наркоконтроля ничего не нашли. С двумя остальными было так же, только их предупреждал уже автомобиль сопровождения.

— Выходит, среди подозреваемых тот, кто не знает, как именно осуществляется транспортировка. Он лишь отдает распоряжение о погрузке и прокладывает маршрут, — Амадео указал на папку. — Все же не дашь прочесть?

— Нет. Хочу сопоставить твои умозаключения с данными Ребекки. У меня несколько человек занимаются этим, как вычислить среди них нужного?

— Очень просто, — Амадео поставил пустой стакан на стол. — Отправь несколько пустых грузовиков, за каждый из которых будет отвечать один сотрудник. Пусть они составят маршруты и назначат время. Запрети им пересекаться друг с другом и обмениваться информацией.

— Если один из грузовиков снова подвергнется обыску, то это прямо укажет на виновника, — Ксавьер задумчиво вертел в руке карандаш. — Недурно. Серджио! — позвал он.

Пока Ксавьер отдавал распоряжения, Амадео все же дотянулся до папки, лежащей на столе. Пролистав ее, ничего нового не увидел, Ребекка лишь подтверждала все, что он только что сказал, разве что в развернутом виде. Ксавьер снова проверял его и, по всей видимости, остался доволен результатом.

На последнем листе красной ручкой было дважды обведено: К. Беррингтон. Следом — подчеркнутое дважды «Ж. Коллинз». Амадео нахмурился. Если второе имя было ему незнакомо, то первое он явно где-то слышал.

— Решил пошпионить? — раздался за спиной голос Ксавьера, и Амадео с трудом подавил желание захлопнуть папку и отшвырнуть на дальний конец стола.

— Вовсе нет, — он закрыл папку и аккуратно положил ее на стопку других. — Всего лишь хотел проверить, совпадает ли моя точка зрения с материалами Ребекки.

— И как?

— Судя по всему, я увидел лишь верхушку айсберга.

Ксавьер некоторое время изучал его.

— Я распорядился выслать грузовики как можно скорее. Уже к вечеру мы будем знать, кто решил укусить руку, которая его кормит.

— Прошу прощения, — Амадео достал из кармана телефон. — Это отец. Мне пора ехать.

— Возвращайся, как освободишься, — Ксавьер едва заметно улыбнулся. — В конце концов, если план сработает, поимка крысы будет твоей заслугой.

— Что с тобой, малыш? — спросил Кристоф, когда они шагали по мощеным дорожкам

парка, раскинувшегося напротив «Азар». В воздухе пахло прошедшим дождем, с пригреваемой лучами солнца мокрой земли, травы и булыжников испарялась пролитая небом вода.

— Со мной? — Амадео очнулся от мыслей, которые не оставляли его с того самого момента, как он вышел из здания «Камальон». — Со мной все в порядке.

— Плохо себя чувствуешь? В последнее время ты какой-то бледный. Наверное, я тебя совсем загонял.

— Вовсе нет, отец, — улыбнулся Амадео. — Мне нравится моя работа.

— Однако чтобы двигаться дальше, нужно больше сил и усердия, — Кристоф опустился на скамейку напротив фонтана. — Я не говорю, что ты не выкладываешься на полную, скорее, наоборот, и это требует слишком много сил. Ты физически не справляешься, Амадео.

Снова отец назвал его по имени. Обычно это означало, что он сильно встревожен. Амадео старался не встречаться с ним взглядом, однако чувствовал, что тот смотрит на него. Пусть сын не был ему родным, однако Кристоф всегда знал, когда требуется помощь.

Но Амадео не хотел волновать отца. И так слишком много проблем навалилось на «Азар» в последнее время. Растущее могущество «Вентины», потеря позиций в области азартных игр, с трудом полученное свидетельство о легализации деятельности, срыв Лукаса. Скопившееся напряжение запросто могло привести к еще одному инсульту, и, по словам врачей, Кристоф мог этого не пережить.

— Со мной все в порядке, я отлично себя чувствую, и...

— Малыш, я отлично вижу, когда ты мне врешь, — мягко заметил Кристоф. Затем взял Амадео за руку и усадил рядом с собой. — С тобой что-то не так. Я заметил еще утром, и похмелье тут ни при чем. Я позвоню Стефану.

— Не стоит, — быстро ответил Амадео. — Я просто слегка переутомился, вот и все. Тебе позвонил Ксавьер?

Он тут же прикусил язык, так как отец непонимающе нахмурился. Разумеется, Ксавьер ничего не говорил, он пообещал Амадео, что не станет информировать Кристофа.

— Я в порядке, — тихо закончил он. — Не стоит волноваться, мне лишь надо немного отдохнуть.

— Тогда забудь о делах на эту неделю, — решительно отрезал Кристоф. — Это приказ. Пусть всем займется Лукас, хватит ему прохлаждаться. А тебе следует хорошенько отдохнуть, — говоря все это, он не сводил взгляда фонтана. — Кажется, я видел лоток с мороженым у входа в парк. Малыш, будь добр, прогуляйся до него.

— Конечно, — Амадео поднялся, стараясь не обращать внимания на безотчетный страх, охвативший его при упоминании имени брата. Он не мог победить это чувство, как ни старался. — Вам взять шоколадное?

— Как всегда, — кивнул Кристоф.

По пути Амадео искал аргументы, которые могли бы убедить Кристофа не запрещать ему работать. Но все они казались недостаточно убедительными для отца, беспокоящегося за сына. Лукаса он отстранил по совершенно иной причине, и это немного успокаивало. Но неделя! Что ему делать целую неделю? Бездельничать?

— Лукас все еще обижен на меня из-за того, что я перехватил контракт с Ксавьером, — невесело улыбнулся Амадео, подавая Кристофу шоколадный рожок, завернутый в салфетку.

— Это бизнес, — просто ответил Кристоф. — Тем более, вы оба работаете на одну компанию, и глупо обижаться на то, что кто-то заключил полезный контракт до тебя.

— Верно, — Амадео наклонился вперед, опершись локтями на колени. Впереди фонтан вздымал сверкающие на солнце струи воды, которые с ослепительным блеском разлетались на тысячи крошечных осколков. — Тогда сегодня вечером, после ужина, я вам не понадоблюсь?

— А у тебя уже есть планы? — Кристоф, казалось, ничуть не удивился.

— Ксавьер попросил приехать. Мы сегодня столкнулись с ним у офиса «Ормигон». Он познакомил меня с Ребеккой Кэмпбелл.

В глазах Кристофа сверкнула смешинка.

— О, великолепная Ребекка. Беспринципная, жестокая, грубая, но вместе с тем отличный профессионал.

— Так вы ее знаете? — удивился Амадео. — Неужели работали с ней?

— Приходилось пару раз обращаться за информацией, — Кристоф улыбался, поглощая мороженое. — Цену она заламывает будь здоров, но дело свое знает. Думаю, Ксавьер не напрасно решил познакомить тебя с ней, этот человек никогда ничего не делает просто так.

Мимо пробежала стайка ребятишек. Один тянул за собой воздушного змея, а остальные громко спорили, кто будет вести следующим. Кристоф проводил их мечтательным взглядом.

— Вспоминаю времена, когда вы с Лукасом были такими же. Постоянно ссорились, дрались, но, по-видимому, это обычное дело.

— Скорей всего, — неуверенно ответил Амадео. — Мы же все-таки братья, ничего удивительного, что мы иногда спорим.

— Что произошло? — спросил Кристоф. — Вы и раньше не очень ладили, однако со вчерашнего дня между вами будто десять кошек пробежало.

— Просто обычная ссора, отец, вот и все, — Амадео махнул рукой, вспугнув воробья, присевшего было отдохнуть на спинку скамьи. — Не волнуйтесь из-за этого, помиримся, — и чтобы сменить тему, решился спросить. — Вам знакома фамилия Беррингтон?

— Разумеется, — кивнул тот. — Я удивлен, что ты ее не знаешь. Его имя гремело на всю страну несколько лет назад в связи со скандалом.

— И что же он сделал?

— Попал в тюрьму по обвинению в растлении малолетних и бесчеловечных экспериментах над детьми. Также всплыли факты, подтверждающие его связи с наркокартелями. По сути, он является покровителем многих наркоторговцев в этой стране. А почему ты спрашиваешь?

— Ну... — Амадео вертел в пальцах телефон. — У Ксавьера небольшие проблемы, и, похоже, что к ним причастен Беррингтон.

— Если так, — Кристоф выбросил салфетку от мороженого в стоящую рядом урну, — то это уже крупные проблемы. Без согласия Беррингтона ни один наркобизнес не выживет в этой стране. И если уж он решил потопить «Камальон», то сделает это. Вопрос лишь в том, когда.

От этих слов внутри у Амадео все похолодело. Каким образом Ксавьер умудрился перейти дорогу такому человеку как Беррингтон? Если это действительно так, если данные Ребекки подтвердятся, то проверка груза — не просто акция недоброжелателей. Это массированная атака непосредственно на главу «Камальон», и дальше будет только хуже.

— Выходит, Ксавьер рассказал тебе о теневой стороне своего бизнеса, — утвердительно сказал Кристоф. Дождавшись кивка, спросил: — Тебя это не покорило?

— А почему должно? — Амадео откинул волосы с лица. — В конце концов, каждый

зарабатывает как может. Наши казино тоже на полуполюгальном положении, так что не мне его осуждать.

— Это верно. Рад, что ты это понимаешь. Об одном тебя прошу — будь осторожней. Ксавьер Санторо — опытный бизнесмен, сможет выкрутиться из многих сложных ситуаций. Чего пока не скажешь о тебе, — Кристоф положил ладонь на плечо сына. — Ты способный мальчик, однако многие тонкости узнаешь только в процессе работы. По правде говоря, я не прочь отдать тебя на обучение Ксавьеру. Он всего за пять лет умудрился достигнуть таких высот, которые акулам бизнеса даже не снились. Уникальный человек.

— Если вы считаете, что это необходимо.

— Необходимо, — Кристоф замолчал ненадолго, о чем-то задумавшись. — В будущем тебе предстоит управлять компанией, а удержать ее на плаву куда сложнее, чем создать. Раньше я считал, что все трудности позади, когда «Азар» начала набирать обороты. Но теперь вижу, что во многом ошибался. И, как ни странно, именно Ксавьер Санторо раскрыл мне глаза, — он хохотнул. — Яйцо курицу учит, надо же!

Амадео решил, что неверно понял слова отца. Им с Лукасом предстоит управлять компанией. Ответственность разделится на двоих, следовательно, и брату следует поучиться. Но Ксавьер скорее убьет Лукаса, чем возьмет в ученики. Амадео не сдержал усмешки, успев, однако, отвернуться.

Телефон, который он вертел в руке, ожил. На дисплее высветился незнакомый номер.

— Солитаро.

— Крыса поймана, — возвестил Ксавьер. — К семи часам подъезжай в порт. Западная сторона, пятый склад.

Без пяти семь Амадео подошел к порту. Машину он благоразумно оставил на стоянке неподалеку — незачем светиться лишний раз. Амадео еще мало знал о Ксавьере Санторо и его методах ведения дел, однако само место встречи говорило о многом.

Склады располагались один за другим. Огромные стальные кубы с запертыми на навесные замки створками. Цветовая гамма не отличалась разнообразием: коричневые перемежались с зелеными. По левую руку лениво плескалось море. Край солнечного диска едва коснулся воды, раскатывая золотую дорожку по едва колышущейся поверхности. Жирные чайки сидели то тут, то там, ожидая, пока кто-нибудь соизволит их покормить. Чуть дальше, у пирса, застыл корабль, казавшийся гигантом на фоне притулившихся рядом катерков.

Белая цифра «5» четко выделялась на зеленых воротах. Сбоку виднелась дверь, открытая нараспашку, несмотря на то, что рядом не стояло ни одной машины. На мгновение мелькнула мысль, что Ксавьер просто подшутил над ним, устроил очередную проверку, однако в следующее мгновение из дверного проема выглянул Серджио и знаком предложил зайти внутрь.

После яркого солнца полумрак показался настоящей темнотой. Амадео на мгновение закрыл глаза, пытаясь подавить приступ клаустрофобии. Снаружи склад казался достаточно просторным, так почему он должен быть меньше внутри?

— Добрый вечер, — раздался из темноты голос Ксавьера. — Хорошо, что ты приехал. Надеюсь, я тебя не отвлек от важных дел.

Над головой зажглась тусклая лампочка. Темноту она не разогнала, а лишь еще больше сгустила ее. У Амадео зачесались глаза от неверного света, который к тому же прыгал туда-сюда. Лицо Ксавьера то освещалось, то уходило в тень.

— Отец отстранил меня на неделю, — в голосе явственно прозвучало разочарование. — Так что я свободен.

— Он правильно поступил. Тебе следует отдохнуть, — Ксавьер отвернулся. — Включите остальной свет.

По периметру зажглось еще несколько таких же еле светящихся лампочек. Пусть каждая в отдельности и не могла разогнать мрак, однако вместе они позволяли довольно сносно рассмотреть склад. В углу громоздились коробки с логотипом «Камальон», занимая примерно треть всего пространства. Бетонный пол, стальные стены, ни одного окна — отсюда невозможно сбежать. И человек, привязанный к стулу в углу, это прекрасно понимал.

Амадео машинально шагнул к нему, но Ксавьер перегородил дорогу. На лице застыло обычное равнодушное выражение, ни единой эмоции не отразилось в холодных стальных глазах.

— Не советую приближаться к нему, Амадео, — произнес он, доставая пачку сигарет. Красный огонек нацелился на жертву.

— Что ты собираешься с ним сделать, Ксавьер?

— Попробуй догадаться. Этот человек передавал информацию полиции, и не просто полиции, а Наркоконтролю, он предал меня. Как, по-твоему, мне следует с ним поступить?

Амадео смотрел на загнанного в угол мужчину. Светлые волосы слиплись от пота и сосульками падали на лоб. Глаза шныряли, как у зверька, чувшего близкую смерть. Края окровавленных ноздрей нервно подрагивали, рот был тщательно заклеен скотчем. Он озирался, пытаясь вжаться спинкой стула в стену склада в надежде, что та превратится в бумагу, и ему удастся бежать. Но молчаливые охранники, готовые в любую секунду поднять пистолеты, дула которых пока смотрели в пол, не дали бы ему даже малейшего шанса.

— Разве нет иного выхода? — голос прозвучал хрипло — в горле вдруг пересохло.

— И какого же? Сдать его в полицию? Ты слишком наивен, если думаешь, что, прикоснувшись к грязи, можно оставить руки чистыми. Я таких иллюзий давно не питаю. Этот человек понесет наказание в соответствии со своим преступлением.

Серджио шагнул вперед и резким движением сорвал скотч со рта мужчины. Тот вскрикнул, затем губы его затряслись.

— Господин Санторо, я...

Вопреки ожиданию, тоненький, дрожащий от страха голосок прозвучал достаточно громко. Нотки истерики рвались наружу, но пока ему удавалось сдерживаться. Похоже, он надеялся, что все закончится благополучно, однако Амадео так не считал. Ксавьер уже вынес приговор и теперь просто наслаждался последними трепыханиями умирающего.

— Ты что-то хочешь сказать? — клуб табачного дыма устремился к потолку.

— У меня были неприят...

— Неприятности у тебя сейчас, Карлайл. Если нажил проблемы с полицией, мог бы обратиться ко мне, так что эта причина не прокатит. Дальше.

— Меня заставили! — завизжал мужчина, брызжа слюной. — Меня заставили, господин Санторо, они...

— Никто не тянул тебя за язык, когда ты выбалтывал федералам все о моем бизнесе, — отрезал Ксавьер, отправляя сигарету на пол. Каблуком безжалостно раздавил окурок. — Не надо петь о том, что тебя заставили, Карлайл. Мне все известно. Ты пришел к ним сам.

Мужчина замолчал. Рот приоткрылся, тоненькая ниточка слюны свисала с нижней губы.

— Ты пришел к ним в надежде получить вознаграждение, но в результате тебе не дали бы и паршивой сотни, — продолжал убивать его Ксавьер. — Пожали руку и отпустили на все четыре стороны, а тебе всю оставшуюся жизнь пришлось бы оглядываться, чтобы не получить пулю в затылок. Я избавлю тебя от этой участи, — зловещая усмешка исказила лицо. — Благодарю меня за доброту.

Амадео переводил настороженный взгляд с Ксавьера на пленника. Он знал, что наркобизнес жесток, однако ему все равно стало не по себе. И больше всего пугал не вид связанного по рукам и ногам скулящего предателя, а абсолютное равнодушие Ксавьера. Карлайл работал на него уже достаточно долгое время, был одним из доверенных лиц, что, однако, не помешало Ксавьеру с легкостью избавиться от него.

— Да чтоб ты сдох!! — вдруг завопил Карлайл, заставив Амадео вздрогнуть. — Ты сдохнешь, сгниешь в тюрьме, а может, тебе повезет, и тебя пришьют в первую же ночь!

Отстранив одного из охранников, Ксавьер подошел ближе. Амадео остался на месте.

— На кого ты работаешь, Карлайл? — тихо спросил Ксавьер, наклонившись к пленнику. — Я хорошо тебя знаю, ты не стал бы делать этого без своей выгоды. На кого работаешь, сколько тебе пообещали?

Тот молчал, пуская кровавые пузыри из разбитого носа.

— Отлично, — Ксавьер выпрямился. — Серджио, научи его, как следует разговаривать с начальством.

Верный страж шагнул вперед, поднимая пистолет. Дуло уперлось в колено Карлайла, и тот мелко затрясся. Капли крови из носа падали на брюки, мгновенно впитываясь в темную ткань. Амадео отвел глаза, ожидая выстрела. И заметил еще одного молчаливого телохранителя, который должен был охранять выход. Похоже, новичок, потому что происходящее производило на него неизгладимое впечатление. По лицу катились крупные капли пота, губы дрожали. Он смотрел не на пленника, который вот-вот должен был лишиться коленной чашечки, а на босса. И медленно, без резких движений заводил руку за спину.

За мгновение до выстрела Амадео рванулся вперед, опрокидывая Ксавьера на пол.

— Амадео! — прорывался сквозь плотную завесу чей-то голос. — Амадео, ты меня слышишь?

Он вздрогнул, и сознание вернулось. Над ним склонился Ксавьер, вглядываясь в его лицо.

— Очнулся, — удовлетворенно констатировал он. — Ну и напугал ты меня, однако.

Амадео сел, что оказалось лишним — в голове снова все поплыло.

— А ну лежи, — скомандовал Ксавьер, толкнув его обратно на пол. Под головой оказался свернутый пиджак. — Не умеешь группироваться при прыжке — не прыгай вовсе.

— Я умею, — возразил Амадео. — Просто...

Он ясно помнил момент, когда до него дошло, в чем дело. Охранник у выхода вытащил пистолет, когда Серджио собирался выстрелить в ногу Карлайла. Амадео бросился вперед и сбил Ксавьера с ног, но потом...

Потом он ничего не помнил. Будто на память накинули темное одеяло.

— Просто не успел сгруппироваться, — он нахмурился. — Я что, потерял сознание?

Ксавьер кивнул.

— Да. Когда ты рухнул на меня, я в первый момент подумал, что тебя подстрелили. Не смей так больше пугать.

Вопреки попыткам Ксавьера удержать его, Амадео осторожно сел и огляделся. Охранник сидел у стены, оглушенный. На запястьях красовались наручники, на лбу темнел кровоподтек. Серджио задумчиво рассматривал вмятину на бронежилете.

— А где...

— Мертв, — Ксавьер сразу понял, о ком он спрашивает. — Пуля, которая должна была убить меня, разнесла ему череп. Следующая попала в Серджио, но с ним все в порядке. Рик успел выстрелить только дважды, потом его скрутили.

— Рик? — Амадео повернул голову, и перед глазами снова помутнело.

— Да, так зовут моего бывшего охранника. Впрочем, тебе не следует запоминать имя.

Амадео хотел было спросить, почему, но вовремя прикусил язык. Рик у оставалось жить максимум два часа, пока Ксавьер не выбьет из него нужные сведения. Его стараниями Карлайл так и не заговорил.

Обе створки ворот были широко распахнуты, оранжевый свет заката освещал склад, и Амадео наконец увидел за расступившейся охраной красное пятно на стене. Под ним бесформенной грудой лежало тело Карлайла, укрытое брезентом. По крайней мере, Ксавьера избавили от грязной работы.

— Господин Санторо, — охранник протянул ему плоскую черную коробочку. — Это было в кармане у Рика.

— Диктофон, — констатировал тот. — Проверьте еще, у него может быть и видеочкамера.

Амадео покосился на сидящего у стены неудавшегося убийцу. Вот, значит, каков бизнес Ксавьера. Никому нельзя доверять, всех нужно подвергать проверке. Даже самые приближенные люди могут сбросить тебя в пропасть, откуда не выбраться. Наркотики куда опасней других видов нелегального заработка, и мало кому удастся удержаться на вершине.

Невзирая на протесты Ксавьера, Амадео все же поднялся на ноги. Его слегка пошатывало, но в целом он чувствовал себя вполне сносно. Но он чувствовал запах крови. Тут им, казалось, все пропиталось. Сколько же человек погибло здесь, на этом складе, который был куплен с единственной целью — избавляться от предателей? Амадео зажмурился, запрещая себе об этом думать. Наркобизнес жесток. Это все, что надо знать. Остальное его не касается. Мысль о том, что это он подсказал Ксавьеру, как вычислить предателя, Амадео гнал подальше.

— Зачем ты меня вызвал? Показать это?

— Страх — высшая форма уважения. Чтобы тебя уважали, в первую очередь добейся, чтобы боялись. Ты слишком мягко обращаешься с теми, кто не выполняет свою работу, — Ксавьер не удостоил труп даже взгляда. — Не очень хорошее качество для будущего руководителя.

— Мне следует поступать, как ты? Связывать людей, вывозить на склад, а потом стрелять им в голову? Я — не ты, Ксавьер, я никогда...

— Это, — Ксавьер указал на труп, — исключительный случай. Этот человек меня предал. А с предателями надо расправляться без всякой жалости. Когда-нибудь ты это поймешь.

Амадео едва выдавил из себя кивок и пошагал к дверям склада. Остановился на пороге, вдыхая морской воздух. Его слегка мутило, автомобиль, который Серджио подогнал к воротам склада, двоился.

— Я знаю, что ты бы никогда так не поступил, Амадео, — рука Ксавьера легла на

плечо. — Но нельзя быть правильным в борьбе за власть. Тебе не хватает духу даже как следует наказать виновника. Максимум ты ограничиваешься увольнением, не заботясь о том, что человек может обратиться к твоим конкурентам и выдать многие тайны.

— Уволенные подписывают документ, — голос звучал хрипло, и Амадео откашлялся, — о неразглашении...

— И какой процент из них ему следует? С рядовыми сотрудниками вроде охраны и горничных проблем не возникнет. А если это окажется кто-то из верхушки? Тот, кому доступны тайны «Азар»? Неужели ты считаешь, что они не найдут более выгодным продать ваши тайны?

— Я говорил тебе при первой... то есть второй встрече. Ты спросил меня, почему в компании так мало сотрудников, — Амадео прикрыл глаза и сглотнул. В горле что-то щелкнуло. — Меньше вероятность предательства. В руководстве работают доверенные люди. Они никогда не предадут «Азар» и моего отца.

— Так ли? — голос партнера звучал ровно, однако по спине Амадео пробежал мороз. Он содрогнулся.

Однако Ксавьер воспринял это совершенно иначе и, хмурясь, распахнул дверцу автомобиля.

— Сел. Быстро. Как прикажешь смотреть в глаза твоему отцу после сегодняшнего происшествия?

— Я нормально себя чувствую, — возразил Амадео, однако послушно опустился на сиденье. — Нет нужды носиться со мной, как маленьким ребенком, Ксавьер. И потом, я сам сюда пришел, никто меня не тянул.

— Но ты не бил себя по голове, чтобы вырубиться. Тайлер, бери Рика и увези на базу. Я потом с ним разберусь.

Здоровый парень с квадратной челюстью подхватил все еще бесчувственного коллегу, как котенка. Как только они уехали, Ксавьер выжидательно уставился на Амадео.

— Ты расскажешь мне все о своей аристократической породе, принц, — твердо сказал он. — Ничего не упуская. Считай, что ты на приеме у врача.

— Прости, но я и правда не понимаю, почему тебя так интересует мое здоровье! — тот собрал волосы в хвост, стянув с запястья резинку. — Я всего лишь сын твоего компаньона, зачем тебе это?

— Твой отец не вечен, — при этих словах Амадео почувствовал неприятный холодок. — Извини, я просто смотрю фактам в лицо. Ты и сам об этом прекрасно знаешь. После него ты унаследуешь компанию «Азар», и тогда за здоровьем следить будет некогда. Достаточно веская причина?

— С чего ты взял, что я стану главой? — удивился Амадео. — Лукас...

— Лукас не способен управлять ей. Кристоф здравомыслящий человек и прекрасно видит, кто из вас чего стоит. Это он попросил меня, чтобы я показал тебе обратную сторону моего бизнеса. По его мнению, ты должен знать, на что идешь, заключая со мной контракт. Такое выгодное партнерство я упускать не собираюсь. Поэтому вот тебе мой совет — хватит изображать из себя мученика. Я тебя очень внимательно слушаю.

Прямота этого человека сшибала с ног. И хуже всего то, что он был прав. Во всем.

С этого дня Ксавьер всерьез взялся за Амадео. Поначалу заставил лечь в больницу на обследование, быстро подавив вспыхнувшее сопротивление угрозой разорвать деловые отношения, поэтому Амадео ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Ксавьер «забыл»

уведомить об этом Кристофа, за что Амадео был ему благодарен — волновать отца лишний раз не хотелось.

Обмороки, появившиеся в последнее время, были вызваны проблемой с сосудами, усугубившейся растущим количеством стрессовых ситуаций. Когда у Кристофа случился инсульт, у Амадео появилось больше обязанностей, на него возложили дополнительную ответственность, и организм, и так ослабленный, не справлялся с нагрузкой. Вдобавок Лукас подливал масла в огонь регулярными выходками. Врач посоветовал больше отдыхать и отойти от дел на какое-то время, однако Амадео и слышать об этом не захотел. Поэтому, как только истекла неделя, которую дал для отдыха Кристоф, Ксавьер потребовал предоставить ему Амадео в распоряжение на некоторое время.

— Хочу научить его премудростям торговли, — объяснил он свое решение. — Выделю одну из линий, пусть учится на ней. Систему управления казино и гостиницей он знает досконально, пора осваивать новые горизонты.

Кристоф с радостью согласился. Когда человек, за короткое время сумевший развить свой бизнес до нереальных высот, предлагает обучить твоего сына, отвечать отказом не следует. Кристоф уже давно задумывался о расширении сферы влияния, и это могло стать неплохим подспорьем.

Так Амадео получил в пользование одну из линий торговли табачной продукцией. Ксавьер объяснил, что к чему, и предоставил полную свободу действий. Поначалу возникали проблемы, но Амадео научился либо разрешать спорные ситуации, либо обходить их, не причиняя ущерба. Он действовал осторожно, как сапер, обезвреживающий мину, и иногда это не шло на пользу. В конце концов, Ксавьер посоветовал быть смелее, не боясь понести убытки. Без риска любой бизнес невозможен, будь то игорная сфера или торговля.

Несколько раз Амадео порывался помогать и отцу, однако Ксавьер не позволял.

— Опять ты взваливаешь на себя слишком многое, — говорил он. — Хотя, если хочешь и дальше падать в обмороки, как влюбленная девица, то мешать не стану, валяй. Только учти, что тогда Кристоф обо всем узнает, и ты вообще отойдешь от дел.

Да, Ксавьер был жесток, требователен и беспощаден. Все его люди, от охраны до менеджеров, ходили по струнке и четко следовали инструкциям. В бизнесе нельзя без порядка, повторял он, если кто-то нарушает правило, даже самое пустячное, то утрачивает доверие. Есть ситуации, когда это необходимо, но это, скорее, исключения. Любая мелочь может привести к краху, поэтому лучше не допускать такого вообще.

И Амадео справлялся. Ему было интересно учиться, он схватывал на лету все премудрости управления и контроля. По вечерам они с Ксавьером частенько заходили в бар или ресторан, не прекращая обсуждать дела. Амадео жадно ловил новую информацию, задавал вопросы, кое-что записывал, а иногда предлагал свои варианты. Ксавьер одобрительно кивал — все же он не ошибся с учеником.

Их сотрудничество со временем переросло в дружбу, хоть Амадео и казалось, что Ксавьер не откроется до конца. Например, он никогда не говорил о своем прошлом. Однажды Амадео задал ему вопрос о семье, но в ответ получил лишь молчание и ледяной взгляд. Он попытался узнать что-нибудь от Ребекки, к которой регулярно навещался по поручениям Ксавьера, но та посоветовала не лезть. Больше Амадео к этой теме не возвращался. Раз друг не хочет говорить, значит, тому есть причина.

В начале декабря Ксавьер позвал его к себе и похвалил за хорошую работу. Линия, вверенная Амадео, процветала, доходы, пусть и ненамного, но превышали доходы от других

линий, что еще раз убедило Ксавьера в том, что он не ошибся в выборе. Парень, несмотря на свою красоту, не полагался лишь на нее, а упорно трудился, чтобы доказать способность работать и без ее помощи. Он действительно оказался способным учеником, о чем Ксавьер незамедлительно доложил Кристофу. Тот был очень горд за сына.

Однако Лукас тоже присутствовал при разговоре. Мужчина изо всех сил держался, однако Ксавьер заметил, какой злобой вспыхивали его глаза, и решил, что при первом удобном случае предупредит Амадео. Никогда не знаешь, с какой стороны нанесут удар, а Лукас находился на грани. Он несколько раз выходил в коридор, и оттуда доносилась нецензурная брань в адрес жены. Кристоф лишь раздраженно морщился, но не делал сыну замечаний. Вместо этого извинился перед Ксавьером, объяснив несдержанность Лукаса едва не случившимся разводом. Ксавьер же в ответ вежливо заметил, что никакие личные переживания не должны влиять на работу, и Кристоф согласился.

— Однако, он мой сын, Ксавьер, а родители, как известно, переживают за детей, — улыбнулся он в стремлении смягчить неприятную тему. — Именно поэтому я отстранил его тогда от работы — ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Но сейчас Лукас вполне справляется со своими обязанностями.

Ксавьер не стал спорить, однако мысленно сделал пометку: не доверять Лукасу ни при каких обстоятельствах и предупредить об этом Амадео. Паренек слишком отходчивый — то досадное происшествие в столовой перед заключением контракта он предпочел забыть, как страшный сон. Вполне естественная реакция, но Лукас — не безобидный той-терьер, который способен лишь облаять. Он — злобный, крепкий питбуль, который, однажды вцепившись в жертву, уже не отпустит ее. Амадео прекрасно читал людей, однако в отношении родственников его чувства резко притуплялись. Боялся ли он Лукаса? Ксавьер пока не мог найти ответ на этот вопрос.

Едва Санторо покинул дом, Лукас полетел к комнате Амадео собираясь преподать урок мелкому засранцу. За что он заслужил такие похвалы, да еще от такой важной шишки? Чем он лучше? Да доверь Санторо торговую линию ему, Лукасу, она стала бы куда успешней и прибыльней! Однако богатенький ублюдок даже взглядом его не наградил. Зато Амадео удостоился дифирамбов, будто ангел небесный!

От резкого удара ногой дверь распахнулась и ударилась о стену. Мелкий идиот, оторвав глаза от очередной книги, удивленно уставился на него.

— Все из-за тебя! — срывающимся голосом заорал брат, в ярости топая ногой. — Из-за тебя Виктория постоянно порывается уйти, из-за тебя!

Так вот в чем дело. Амадео страдальчески закатил глаза. Наверняка снова позвонила жена и наговорила гадостей. Лукас поддался — его так легко вывести из себя, и Виктории это прекрасно известно. Бракоразводный процесс приостановили благодаря Сезару, но все же эта змея продолжала допекать мужа.

— Неужели ты забыл первую заповедь покера, Лукас? Не женись на плохом раскладе.

— Она была очень даже хорошим раскладом, но ты... Ты крутил перед ней хвостом! Вот и добился того, что она послала меня на все четыре стороны! Скажешь, это не твоя вина?!

— Если ты выбрал себе в жены девушку легкого поведения, я в этом не виноват. Я наоборот отговаривал тебя от женитьбы, но ты меня не послушал. У тебя даже не хватило ума заключить адекватный брачный контракт. Я предлагал помощь, но ты отказался.

— Еще бы я слушал всяких... — Лукас фыркнул.

— Вот и не возмущайся, — Амадео склонился над книгой, которую читал, когда брат ворвался в комнату и начал скандалить.

— Как ты смеешь... — Лукас задохнулся. — Как ты смеешь меня игнорировать?

— А что я должен сказать? — Амадео захлопнул книгу, перевернулся на бок и подпер голову рукой. — Все бабы стервы, ты найдешь другую, это ты хочешь от меня услышать?

— Ты все время забираешь у меня то, что мне дорого! — Лукас грохнул кулаком по столу. — Забрал у меня отца! Забрал жену! А теперь хочешь отобрать и компанию! Ну нет, этого я тебе, крысеныш, не позволю! — он вышел из комнаты, оглушительно хлопнув дверь.

Амадео удивился. Что нашло на брата? Он понимал, что тот зол из-за Виктории, но с чего он решил, что Амадео собирается завладеть компанией?

— Отец, — он заглянул в кабинет. — Можно с тобой поговорить?

— Конечно, малыш, — тот закрыл ноутбук. — Что случилось?

— Почему... — Амадео закрыл дверь и сел напротив Кристофа. — Почему Лукас так меня ненавидит? Я стараюсь быть хорошим братом, но...

Кристоф вздохнул. В глубине души он боялся этого разговора, так как не знал ответа на вопрос сына, однако Амадео до сегодняшнего дня никогда не заговаривал об этом. Что ж, и у этого ангела терпение не безгранично.

— Малыш, не обращай внимания на его нападки. Это просто ревность. Лукас до сих пор не понимает, почему я принял тебя в нашу семью, и вряд ли когда-то поймет.

— Честно говоря, — Амадео смущенно улыбнулся, — я сам до сих пор до конца не

понимаю, зачем вы так поступили.

— Лукас понимает еще меньше, — хохотнул Кристоф, но тут же сдвинул брови. — Надеюсь, ты не принимаешь всерьез то, что он говорит?

— Нет. Вовсе нет. Но...

— Амадео, — Кристоф подошел и взял его руки в свои. — Ты очень умный молодой человек. Очень способный. И, — он выдержал паузу, — я подумываю о том, чтобы передать управление «Азар» тебе.

Амадео раскрыл рот.

— Ч-что... Простите?..

— Ты прекрасно меня слышал. Я считаю, что ты достоин того, чтобы возглавить компанию после меня.

— Но... — Амадео высвободил одну руку из пальцев Кристофа и потер лоб. — Но как же... Я не понимаю, почему вы выбрали меня! Лукас старше и опытней, он хороший руководитель!

— Ты ошибаешься, малыш, — Кристоф отпустил его и вернулся за стол. — Лукас менее ответственный, да и его методы управления меня не устраивают. Ты знаешь, что он любит добиваться своего давлением, угрозами. Для меня это неприемлемо. Я хочу, чтобы наши партнеры не боялись нас, а уважали.

Страх — высшая форма уважения, вспомнил Амадео слова Ксавьера. Однако, пусть этот способ и является самым простым, он не всегда работает. Зачастую своего можно добиться без применения силы, и в бизнесе к такому следует прибегать лишь в самом крайнем случае. Лукас по обыкновению пошел по самому простому пути, а теперь возмутился, почему наглый младший брат собирается отобрать у него компанию. Но Амадео никак не ожидал подобного от отца. Кристоф прекрасно знал о непростых отношениях братьев и все же рискнул сделать такой отчаянный шаг.

— Все же я бы на вашем месте подумал, отец, — неуверенно улыбнулся он. — Я менее опытен в подобных делах и не уверен, что смогу управлять компанией...

— Есть еще время научиться, малыш. Ты уже показал себя как ответственный и целеустремленный человек. Ксавьер не устает нахваливать тебя, а от такого строгого начальника, как он, этого тяжело добиться. Уверен, ты станешь достойным преемником.

Амадео покинул кабинет отца в смятении. Он никак не ожидал, что Кристоф предложит занять его место. И теперь ему было страшно.

Но не за себя. Он боялся за Кристофа. И вечером, встретившись с Ксавьером в небольшом ресторанчике рядом с офисом «Камальон», высказал свои опасения. Тот согласился, однако напомнил, что Кристоф — не маленький мальчик и в состоянии за себя постоять.

— Твой отец не лыком шит, знает, что к чему. Не следует о нем волноваться. Лучше побеспокойся о себе. Когда в последний раз был у врача?

— В прошлом месяце. Но все же я не понимаю, Ксавьер, — Амадео взял у официантки меню. — Почему отец так поступил? Я не готов возглавить такую мощную организацию как «Азар», у меня недостаточно опыта, я только-только начал самостоятельно заключать контракты!

— Видимо, он решил заранее предупредить, чтобы ты готовился. Предстоит очень много работы, и ты вряд ли откажешься, я прав? — дождавшись неуверенного кивка, Ксавьер продолжил. — Я был в курсе его планов, поэтому и доверил тебе управление одной из своих

торговых линий. Кристоф посчитал, что это необходимый опыт.

— Что?! — Амадео подскочил, едва не опрокинув перечницу. — Ты знал, что он собирается отдать компанию мне и ничего не сказал?

— По просьбе твоего отца. В чем я с ним согласен на сто процентов, так это в том, что Лукас не способен занять его место.

— Лукас только-только оправился от скандала, и...

— Кто виноват, что его брак с богатой наследницей не удался? Это его подкосило, не спорю. Еще и ты забираешь компанию, — Ксавьер сунул в рот сигарету. — Есть повод упасть духом.

— Я виноват в том, что его жена начала подбивать ко мне клинья?

— Ты давал повод.

— Я не давал повод!

— Нет, ты дал. Вся твоя внешность — один сплошной повод, привыкни уже, — он закурил. — Красота — очень мощное оружие. И источник неприятностей. Помни об этом и будь осторожней.

Амадео зло фыркнул и привычным движением откинул волосы назад.

— Ну конечно. Лучше бы ее вообще не было, этой ослепительной внешности! Сплошные неприятности от нее...

Ксавьер медленно, с наслаждением затянулся.

— Твоя красота — сильное подспорье твоим аргументам. Но, с другой стороны, она расслабляет. Не дает развиваться способностям в полной мере. Учись пользоваться ей правильно, и ты достигнешь многого.

— И в чем же преимущество? Даже ты сначала обратил внимание на нее, а уже потом на мои качества!

— Не психуй и выслушай меня. Да, ты привлекаешь внимание, с этим не поспоришь, — Ксавьер выразительно покосился на официантку, которая ждала, когда можно будет принять заказ. Та сияла, не сводя восторженного взгляда с Амадео. — Но я уже говорил тебе, что нужно, чтобы его удержать. Твой отец не зря доверяет именно тебе, и ты должен оправдывать его доверие.

— Я знаю, — хмуро ответил Амадео. — Но не думаю, что готов к такой ответственности.

— Это уже мои проблемы, как тебя подготовить. Тебе об этом беспокоиться не следует, а то еще сляжешь с нервным срывом, принц.

Обычно Амадео возмущался такому обращению, но сейчас лишь рассеянно кивнул. Лукас будет очень зол, когда услышит эту новость. И Амадео знать не хотел, что он может сделать.

Ночью он проснулся в холодном поту. В ускользающих обрывках сна еще угадывались призрачные черты искаженного злобой лица Лукаса, трясущего безвольного Кристофа, обхватив ладонями его шею. В ушах эхом отдавались слова: за что ты так поступил со мной? Что я тебе сделал?

Амадео сел на кровати и закрыл лицо руками. Кошмары не снились очень давно, именно поэтому сон так ярко отпечатался в мозгу и никак не желал прятаться обратно в подсознание.

Лукас зол на Кристофа из-за того, что отец решил распорядиться компанией иначе. Зол на Амадео. И никому неизвестно, что он может выкинуть.

Однако пугающее видение отступало, и мало-помалу к Амадео вернулось здравомыслие. Как бы ни злился Лукас, вряд ли он опустится до подобного. Все же к отцу он питал уважение, хоть зачастую не показывал этого, предпочитая швыряться провокационными фразами, и только.

В горле пересохло. Амадео натянул штаны и спустился вниз, на кухню. Дом застыл в безмолвии, ни единого звука не доносилось ни из комнат, ни с улицы, хотя территорию особняка круглосуточно патрулировали охранники.

Охранники. Амадео замер, опасаясь сделать еще хоть шаг. Дом молчал, улица — тоже, хотя гравий у входа всегда ужасно громко шуршал. Куда подевалась вся охрана?

Он осторожно шагнул к окну, ступая мимо скрипящих паркетин, и чуть отодвинул штору. Подъездную дорожку заливал свет фонарей, воткнутых вдоль нее, все остальное поглощала тьма. И ни единого движения не угадывалось в ней, будто вся территория попросту вымерла.

Стремительная полоса тьмы пересекла луч света и скрылась в чернильной тени. Амадео, вздрогнув, выпустил штору, однако тут же дернул ее снова.

Еще одна тень. Еще. И еще. Четверо неизвестных, но, черт побери, какие же они быстрые! Не издавали ни единого звука, но он чувствовал, что шаг за шагом они приближаются к двери. Надо разбудить охрану, предупредить отца, но... Ноги не двигались. Все тело сковало парализующим ужасом, когда на подъездную дорожку выплеснулось что-то алое. Оно залило гравий, обняло подножия фонарей и поползло дальше, к крыльцу. Отсюда ступеней было не видно, но Амадео знал, что оно вот-вот скользнет в щель под дверью, затопит ковролин в прихожей, пропитает его насквозь, а затем двинется дальше. К нему. Захлестнет багровым потоком, зальется в рот, глаза, уши, нос, не оставит ни малейшей свободы, и он захлебнется мерзким красным пузырящимся варевом...

— Молодой господин!

Амадео, вздрогнув, открыл глаза. Сердце бешено колотилось от резкого пробуждения, дыхание прерывисто вырывалось из горла. Он уснул за кухонным столом. Роза обеспокоенно смотрела на него, сжимая в руке стакан с водой.

— Как я... — по горлу будто пробежала кошка, и он поморщился.

— Вы пришли сюда выпить воды, — снисходительно объяснила Роза. — Когда я отвернулась, вы умудрились снова заснуть.

— Правда? — теперь он вспоминал. Амадео проснулся среди ночи от кошмара. Роза, которая спала очень чутко, слышала, как хлопнула дверь, и поспешила проверить, что за барабашка решил побродить по дому. Видимо, сон взял свое, едва он опустился на стул, и Амадео задремал, ткнувшись лбом в столешницу.

— Держите, — Роза протянула воду. — Выглядите так, будто не спали неделю.

— Чувствую себя точно так же, — он несколькими большими глотками опустошил стакан. — Спасибо, Роза.

Стало немного легче. Оба сна отступали, растворяясь в подсознании, чтобы вернуться позже. Дыхание выровнялось, учащенное сердцебиение успокаивалось, в голове наконец начало проясняться. Амадео потер глаза, прогоняя остатки сна.

— Росита, скажи, — негромко спросил он. — А Лукас... Каким он был до того, как я появился в этом доме?

— Хотите знать, стал ли он таким маленьким гадом лишь благодаря вам?

Амадео не удержался от улыбки. Роза, как всегда, смотрела в самую суть.

— Можно я не буду произносить это вслух, Роза, он меня и так недолюбливает. И если тут есть какое-нибудь подслушивающее устройство...

Шутка рассмешила ее. По крайней мере, уголки тонких губ чуть приподнялись.

— Молодой господин, я работаю в этом доме уже больше тридцати лет. Единственное подслушивающее устройство тут я.

Настал черед Амадео смеяться, однако смех вышел напряженным. Роза же достала из шкафчика одну из многочисленных коробочек с травами и насыпала пару чайных ложек в заварочный чайник.

— Господин Лукас с самого детства показывал неординарный характер. Я бы не назвала его жестоким мальчиком, у многих детей есть такой период, когда они отрывают крылья мухам или сжигают муравьев с помощью лупы, это скорее детское любопытство. Однако он всегда вел себя как хозяин. Отчасти это объяснялось тем, что Кристоф позволял ему многое, как-никак Лукас — все, что осталось у него после смерти жены, — Роза пожала плечами. — Ничего удивительного в том, что он вырос таким избалованным. Когда Кристоф понял это, перевоспитывать сорванца уже было поздно.

Амадео внимательно слушал. Раньше он не слышал о том, каким Лукас был в детстве, как ничего не знал о его матери. Кристоф никогда не говорил о своей жене, а Амадео не спрашивал, считая расспросы неуместными.

— Лукас привык, что за ним ходят, как за королевичем, — Роза налила в кружку охристого цвета отвар и поставила перед Амадео. — При малейшем желании выполнялся любой каприз, он всегда получал то, что хотел, никто не отказывал ему ни в каких милостях. Кристоф сам признавал, что допустил ошибку, окружив мальчика чрезмерной заботой, позволяя делать все, что вздумается. Поэтому когда появились вы, Лукас прямо на дыбы встал. Но не вините в этом себя, молодой господин, — едва заметная улыбка появилась на тонких губах. — Для господина Кристофа вы очень много значите. Не стоит обвинять его в том, что дал вам новую жизнь.

Амадео потрясенно уставился на нее. Горячий отвар обжигал ладони сквозь стекло, но он этого не замечал.

— Обвинять Кристофа? Роза, о чем ты говоришь? Я никогда не думал ни о чем подобном! Он подобрал меня на улице, ввел в свою семью, не постеснявшись моего происхождения, я всю оставшуюся жизнь буду ему благодарен за это!

— Я знаю, молодой господин. Поэтому и говорю — не вините никого в том, что ваш брат не питает к вам особо теплых чувств, — она кивнула на его руки. — У вас кожа покраснела, не заставляйте меня лечить еще и ожоги.

Амадео отдернул ладони и подул на них, совсем как в детстве. И тут уже Роза не удержалась от настоящей улыбки.

— Пейте и ложитесь спать, молодой господин, — мягко произнесла она. — Гарантирую, что спать вы будете крепко.

Роза не соврала. Едва голова коснулась подушки, Амадео крепко уснул. На этот раз ему ничего не снилось.

Утром следующего дня Амадео спустился на кухню. Роза уже была там, хлопотала, занимаясь завтраком и не забывая переругиваться с телевизором, по которому показывали новости. Амадео поздоровался и налил себе кофе. Сел за стол и раскрыл газету, по привычке даже не взглянув на первую полосу. Пробежав глазами интересующую его информацию, с благодарностью принял от Розы тарелку с завтраком.

— Отец еще не вставал? — спросил он с набитым ртом.

— Встал, но от завтрака, по обыкновению, отказался, — она всплеснула руками. — Ну что за беда, он слушает только вас!

— Нет, Росита, если бы он и меня не слушал, это была бы беда, — со смехом ответил Амадео. — Допью кофе и отнесу ему завтрак, не переживай...

Взгляд скользнул по экрану, и Амадео в недоумении застыл. Молодой человек с темными, тщательно зализанными волосами говорил что-то в микрофон репортера, беспрестанно поправляя воротник рубашки. Амадео не понимал, что же его зацепило, пока не услышал то и дело слетавшее с губ говорившего имя.

— ...кто бы мог подумать, что Ксавьер, мой собственный брат пойдет на такую низость. Да, он сейчас носит другую фамилию, и вы ее прекрасно знаете. Санторо.

Амадео вскочил, опрокинув чашку с кофе. Роза возмущенно вскрикнула, а он, схватив пульт, увеличил звук.

— Да, я со всей ответственностью заявляю, что мой брат — самое низкое и подлое существо, которое только можно встретить. Я не держу на него зла за все, что он совершал по отношению ко мне, но не могу простить того, как он поступил с моими родителями. Оставил их, когда они больше всего нуждались в помощи, основал собственную империю, но поделился ли с ними? Нет! Они живут в нищете, а он разъезжает на дорогих автомобилях, обедает в лучших ресторанах...

— Молодой господин, это же... — начала Роза.

— Тише, — шикнул на нее Амадео, чего раньше себе никогда не позволял.

— Думаете, все богатство он нажил честным путем? Как бы не так. Этот низкий человек не способен на честность. Он абсолютно бесчеловечен, он — робот, который ничего не чувствует, даже по отношению к людям, которые его родили и воспитали! Я хотел бы снова увидеться с ним, чтобы посмотреть в глаза и задать один-единственный вопрос: разве это правильно?

Амадео слушал, и внутри закипала ярость. Как смеет этот человек врать на весь город? Кто этот странный тип? Зачем он это делает? Хочет нажиться на славе Ксавьера?

На экране появилась телеведущая.

— Итак, все наши представления об одном из самых могущественных людей города оказались ошибочными. Но так ли это на самом деле? В следующем выпуске вас ждет эксклюзивное интервью с родителями Ксавьера Санторо, то есть, простите, Ксавьера Перейры.

— Молодой господин! — воскликнула Роза, но Амадео уже выбежал из кухни.

Мотор взревел, и джип, выбрызгивая из-под колес струи гравия и ошметки недавно выпавшего снега, выехал с подъездной дорожки. Руки дрожали, и Амадео сжал руль сильнее, чтобы удержать автомобиль на скользкой дороге. Машинально потянулся к радио и включил.

Бодрый голос диктора вещал об ухудшении погодных условий, даже высказал предположение о возможном штормовом предупреждении. Амадео переключил станцию.

— ...последние новости. Сегодня стало известно, что известный предприниматель Ксавьер Санторо...

Амадео в раздражении ударил по кнопке. К черту все эти слухи. Пока он не получит объяснений лично от друга, ничего и никого слушать не будет.

Ксавьер никогда не рассказывал о своей семье и пресекал любые попытки что-то

выяснить. Даже Ребекка отказывалась давать информацию, но, возможно, она просто ничего не знала. Откуда взялся новоявленный брат, который к тому же бросался ужасными обвинениями?

Амадео знал Ксавьера не так давно, но не мог поверить, что он способен на такое. Строгость и беспощадность по отношению к подчиненным регулярно оправдывала себя, бессмысленной жестокостью он никогда не отличался. Наоборот, всегда действовал рационально, без лишних движений.

Пальцы, стискивающие руль, слегка расслабились. Наверняка это просто недоразумение либо попытка вытрясти деньги. Но, как бы там ни было, Амадео заставит друга рассказать все, что произошло. И на этот раз уйти от ответа ему не удастся.

Ксавьер выключил телевизор и мрачно уставился в газету, разложенную перед ним на столе. Кричащий заголовок резал глаза, огромные черные обвинительные буквы отпечатывались на сетчатке.

«КСАВЬЕР САНТОРО: беспощадный мучитель».

Раздраженно фыркнув, он скомкал газету и швырнул в мусорное ведро. Мало было проблем, так еще объявился какой-то самозванец. Ничего удивительного, если в ближайшее время выплывут и родители, потрясая кулаками и требуя долю от дохода.

— Черта с два, — он потянулся за сигаретной пачкой.

Дверь распахнулась, и Ксавьер поднял голову.

— Доброе утро, Амадео.

— Ксавьер, что происходит? — тот подошел и оперся на стол, наклонившись вперед. Капли с мокрых волос падали на полированную поверхность. — Я видел по телевизору твоего брата...

— Это не мой брат. Не стоит обращать внимания на такие мелочи, — спокойно ответил он. — У нас полно работы, сегодня должна быть крупная поставка на твоей ли...

— Мелочи? — перебил Амадео. — Он обвинил тебя в том, что ты бросил своих родителей, что...

— Неважно, — отрезал Ксавьер. — Полнейшая чушь, которая не стоит даже упоминания. Не верь всему, что говорят по телевизору, Амадео. У бара есть бумажные полотенца, вытри волосы. На улице сильный снег?

— Но если это самозванец, как он мог узнать обо всем, если не...

— От моей семьи? — Ксавьер презрительно фыркнул. — Да они душу продадут за пачку банковских бумажек, не то, что собственного сына.

Амадео пораженно выпрямился. Поведение Ксавьера обескураживало.

— Как ты можешь так говорить? Они же твои родители...

— Они мне никто. Стали никем, когда мне едва исполнилось четырнадцать. Впрочем... — Ксавьер задумался. — Намного раньше. Года этак на четыре.

— Я ничего не понимаю, — Амадео потер лоб. — Не понимаю, о чем ты говоришь. Ты и в самом деле бросил семью? Почему?

Ксавьер не удержался от вздоха. Этот парень был таким любопытным.

— Зачем тебе это знать? Не хватает своих проблем?

— Значит, это все же проблема, — Амадео скрестил руки на груди и уселся в кресло. — Я никуда не уйду, пока не расскажешь обо всем.

Ксавьер мрачно смотрел на него. Вполне в характере Амадео — заикнуться на чем-то и не отступить, пока не получит ответы. Или контракт для своего отца, невзирая на первичный отказ. Ксавьер еще никому не рассказывал о своем прошлом, опасаясь предательства, но Амадео заслуживал особого отношения.

— То есть, ты не оставляешь мне выбора, — он достал из пачки сигарету. — Что ж, ты будешь первым, кто услышит эту историю, Амадео. И, надеюсь, единственным. Потому что я доверяю только тебе.

Фредерик втолкнул его в кладовку. Швабра, прислоненная к стене, покачнулась и больно ударила Ксавьера по лбу.

— Сиди здесь и не высовывайся, — зашептал брат. — Он видел только меня. Как только сможешь выйти, позвони в полицию еще раз, на всякий случай, все ясно? — он оглянулся через плечо, вздрогнув от шума внизу. — Что бы ни услышал, не выходи, понял?

Дверь захлопнулась. Опомившись, Ксавьер налег со всей силы, но она не поддавалась — брат изо всех сил подпирает ее спиной.

— Фред! — он ударил по двери кулаком. — Как так?! Я ведь старший, мне уже десять, а тебе всего семь! Это я должен тебя защищать, Фред! — он стучал и стучал в дверь, но брат будто не слышал. — Открой и зайди сюда, а я побегу к соседям и позвоню папе, я быстро бе...

— Да, дом восемь! — выкрикнул вдруг Фредерик, заглушая увещевания Ксавьера. — И побыстрее, пожалуйста, он вот-вот...

— Ты с кем там разговариваешь, пацан?

Ксавьер отскочил, словно его ударило током. Сквозь щель он видел, как ноги брата оторвались от пола. Трубка разрядившегося радиотелефона с глухим стуком упала на ковер.

— Я... говорил по теле... фону... — Фред взбрыкнул ногами. — А ну отпусти меня, здоровенный кабан! Скоро тут будет полиция, ты никуда не уйдешь!

Ксавьер протянул руку к двери, но тут же отдернул. Зажал рот, боясь, что звук дыхания выдаст его, и в ужасе таращился через крошечную щель. Фредерик казался таким маленьким по сравнению с проникшим в дом грабителем, но смотрел без страха.

— Мы еще посмотрим, кто не уйдет, — мужчина достал нож и щелчком раскрыл его. — Говори сейчас же, где в вашем чертовом доме деньги?

— Вот еще, — Фредерик отнюдь не выглядел испуганным, хотя сердце бешено колотилось, а голос предательски дрожал. — Чтобы какой-то безработный мужик приказывал мне, что делать? И нет тут никаких денег, папа держит все сбережения в банке. А тебе туда попасть слабо! Жалкий неудачник!

За окном послышался вой сирен, приближаясь с каждой секундой. Мужчина отвлекся на мгновение, и Фредерик изо всех сил пнул его по колену. Тот взвыл, но не выпустил мальчика.

— Ах ты, щенок!! И в самом деле вызвал полицию?!

— Да... — прохрипел Фредерик. — Я же сказал... Тебе долго не протянуть...

— Это тебе долго не протянуть, мелочь.

Ксавьер прижал руки ко рту, чтобы не закричать, когда лезвие глубоко вошло в живот брата. Бросив мальчика на пол, грабитель сбежал вниз, грохоча массивными ботинками по ступенькам.

Только когда шаги бандита стихли внизу, Ксавьер наконец осмелился толкнуть дверь. Руки дрожали, тело не слушалось, но он все же заставил себя сделать несколько шагов. На

последнем ноги подкосились, и он опустился на колени.

— Фред... — он потряс брата за плечо. — Очнись, сейчас п-придут мама с па... папой....

Тот не шевелился. Ледяной холод сковал пальцы Ксавьера, в горле пересохло. Страх затянул внутренности в тугий узел.

— Фред, ну хватит... Н-не пугай меня... - он схватил брата за рубашку и сильно встряхнул. — Фред! Фред!! Прекрати...

Горячие слезы обожгли щеки и закапали на мертвое тело брата.

Амадео потрясенно молчал, не зная, что сказать. Брата Ксавьера убили на его глазах, но кто же тогда тот человек, который только что вещал о том, что вновь хочет увидеться со своим братом и не держит на него зла за причиненную боль? Какие мерзкие слова, какая чудовищная ложь!

— После случившегося родители совершенно потеряли ко мне интерес, — Ксавьер смотрел перед собой, не замечая ничего. Сигарета, зажата в пальцах, дымилась, тон голоса был настолько будничным, что казалось, он рассказывает о снежной погоде за окном. — Будто меня никогда не существовало. Будто у них был всего один сын.

— Но родители, — робко попытался возразить Амадео, — любят своих детей одинаково.

— Ошибаешься. По-настоящему они любили только Фреда. И едва не заставили меня возненавидеть его за это.

Ксавьер сидел за столом и уныло ковырялся в еде. Вилка гоняла опостылевшую тушеную капусту туда-сюда, пережаренные ребрышки сдвинуты к краю тарелки.

— Долго мы еще будем есть это, мам? — протянул он, бросая вилку.

— Это любимое блюдо Фредерика, — бесцветным голосом ответила она, садясь напротив. — Будь добр съешь.

— Но я ненавижу капусту! — Ксавьер раздраженно скрестил руки на груди. — И ты всегда это знала, мама. В морозильнике есть рыба, почему бы не приготовить ее для разнообразия?

— Будешь препираться — останешься без ужина вообще, — все тот же безразличный тон.

Ксавьер вздохнул и снова уткнулся в тарелку. После смерти Фредерика родители словно забыли о его существовании. Он мог творить что угодно, хоть на голове стоять, но им на все было наплевать. Фредерик Перейра, мальчик семи лет, едва выписавшийся из больницы после тяжело перенесенной болезни — и погибает такой ужасной смертью. Да, это потрясло весь городок, но минуло уже четыре года. И не проходило ни единой недели, когда на ужин не было бы этой тошнотворной капусты с ребрышками.

Мать повернулась к мужу, и голос слегка оживился.

— Постарайся больше не задерживаться на работе, мне тяжело содержать этот огромный дом одной.

— Я работаю, чтобы обеспечить тебя же! — отец швырнул газету на стол. — Ты могла бы не предъявлять мне претензий?

Ксавьер вздрогнул, привычно пропустив мимо ушей свое отсутствие в этом диалоге.

— Мам, пап... — несмело начал он. — Хватит, вы постоянно ссоритесь. Мои одноклассники ходят семьями на пикник, а на выходных будет хорошая погода, может, мы могли бы тоже?.. Побросать фрисби или мяч... — голос становился все тише, пока не

перешел в шепот.

На кухне воцарилась такая тишина, что обычно незаметное тиканье настенных часов казалось оглушающим. Ксавьер уткнулся взглядом в стол, стараясь не дышать и молясь, чтобы буря прошла стороной.

Мать с такой силой ударила ладонями по столешнице, что вся посуда подпрыгнула. Вилка соскользнула с края тарелки и зазвенела о плитку пола.

— В эти выходные годовщина смерти Фредерика! — взвизгнула она. — Как ты можешь веселиться, зная, что твой брат мертв?!

И тут в голове Ксавьера что-то щелкнуло. Этот цирк предстал перед ним во всей красе, и это так рассмешило, что он расхохотался в голос, откинувшись на спинку стула.

Мать шокированно уставилась на него, вероятно, думая, что он сошел с ума. Отец зашарил руками по столу, нащупывая свалившиеся с носа очки.

— Он мертв уже четыре года, мама! — воскликнул Ксавьер, отсмеявшись. — За это время вы оба могли бы заметить, что у вас есть еще один сын! Не заставляйте меня ненавидеть моего брата только за то, что меня похоронили вместе с ним!

— Как ты разговариваешь с матерью?! — заорал отец, водружая найденные очки на нос. Мать же вскочила и отвернулась к раковине, закрывая синим фартуком лицо. — Живо в свою комнату и не высовывайся оттуда!

— Не пойду я ни в какую комнату! Зачем мне комната, куда никто не заходит даже прибраться, потому что там когда-то спал Фред? Вы что, храните эту годовую пыль, чтобы не потерять о нем память?! — Ксавьер встал из-за стола, едва не наступив на вилку. — Сделайте себе нового ребенка, назовите Фредериком и живите счастливо без всяких ненужных вам Ксавьеров!

Схватив куртку, он выбежал на улицу. Никто его не остановил. В то время как Амадео обрел дом, Ксавьер его навсегда потерял.

— Домой я не вернулся. И своих родителей больше никогда не видел. — Ксавьер затушил в пепельнице очередную сигарету. — Сомневаюсь, что они меня искали, да это и неважно. Я привык считать, что их никогда не существовало. Так началась моя вторая жизнь, о которой ты уже знаешь. Как-то я читал один рассказ, где человек избавляется от своей тени, потому что она неподобающей формы. Так и я. Словно избавился от ненужной тени, чтобы обрести другую. Но, похоже, первая тень меня нагнала, — он бросил взгляд на выключенный телевизор.

— Но это не твой брат. Значит, ничего выжать из тебя ему не удастся.

— Ты прав. Но он всего лишь актер. Режиссера этого спектакля еще предстоит найти. У меня много недоброжелателей, но единицы из них способны так изощренно отомстить.

Амадео наклонился вперед и выхватил из пальцев Ксавьера новую сигарету.

— Хватит. Ты слишком много куришь. Я понимаю, что тебе тяжело вспоминать эту историю, но загонять себя в гроб тоже смысла не имеет.

В глазах Ксавьера мелькнуло удивление, затем он грустно улыбнулся.

— Ведешь себя в точности как мой брат. Знаешь, вы с ним похожи. Оба хорошие парни, только если доходит до дела, то упертые, как скала. Оба слабы здоровьем... Перед тем, как его убили, Фредерик только-только выписался из больницы, куда слег с воспалением легких. Храбрости ему было не занимать. Как и тебе, — он перегнулся через стол и положил ладонь на макушку Амадео. — Поэтому прошу: не лезь в это дело. Я не могу потерять и тебя.

Домой Амадео возвращался в полной задумчивости. Водитель несколько раз

переспросил, не желает ли он заехать пообедать, но Амадео лишь рассеянно отмахивался.

— Хотя... Останови, пожалуйста, у газетного киоска.

Он купил свежую газету и, усевшись на заднее сиденье, погрузился в чтение. Заявление лже-Фредерика было на первой полосе, и Амадео стискивал зубы, чтобы не разорвать ни в чем не повинную бумагу на мелкие клочки.

Ужасная ложь, отвратительные слова, грязь, которой «брат» поливал Ксавьера — это никак не укладывалось в голове. Сколько же ему заплатили за этот спектакль? И почему родители молчат? Почему не опровергнут этот кошмар, им же самим наверняка не слишком приятно, что память их любимого сына омрачают таким отвратительным образом...

Амадео перевернул страницу и изумленно застыл. Фотография семейной пары в годах, одинаковое скорбно-негодующее выражение на лицах — и подпись: «Ханна и Эдвин Перейра обвиняют старшего сына в покушении на убийство».

Амадео ходил туда-сюда по кабинету Ксавьера, заложив руки за спину. Во вчерашней газете сообщалось, что супруги Перейра наконец отыскали старшего сына, который пропал много лет назад, и теперь требуют, чтобы он ответил за свои преступления. Согласно их показаниям, в детстве Ксавьер сильно ревновал к Фредерику и несколько раз пытался убить его.

Амадео пришел в ужас. Как могут родители говорить такое о собственном сыне? На следующее утро он поспешил к Ксавьеру, чтобы убедить его официально опровергнуть эти обвинения, однако тот оставался невозмутим. Спокойно решал дела, подписывал документы и делал вид, будто ничего не происходит. Однако Амадео видел, как порой он стреляет взглядом за окно, на улицу, на которой, четырьмя этажами ниже, то и дело появлялись репортеры.

— Долго ты будешь делать вид, что тебя это не касается? — Амадео щелкнул пультом телевизора, и лицо лже-Фредерика исчезло с экрана. — Тебя сознательно травят, Ксавьер, неужели ты не желаешь этого замечать?

— Амадео, я уже сказал, со мной все в порядке. Волноваться не стоит. Это лишь мелкие неприятности, никто не посадит меня в тюрьму на основании лишь их слов... — его прервал писк интеркома. — Да, Серджио, в чем дело?

— К вам посетители, господин Ксавьер.

— Я никого не принимаю.

— Они говорят, что их вы непременно примете, — молчание. — Сказали, что они ваши родители.

Ксавьер стиснул зубы. Амадео потянулся к интеркому.

— Может, не стоит...

— Впусти их, Серджио, — Ксавьер откинулся на спинку кресла. — Не знаю, чего они добиваются, но если им нужны деньги, пусть получают и проваливают.

Амадео хотел возразить, но не успел. В кабинет стремительно влетела сухощавая дама лет шестидесяти. Губы презрительно поджаты, редкие волосы стянуты в пучок на затылке. Маленькие крысиные глазки стреляют по углам, выискивая добычу. За ней, явно смущаясь, вошел высокий поджарый мужчина с торчащими ежиком седыми волосами. Он нервно теребил отворот теплой зимней куртки и оглядывался вокруг с таким видом, будто зашел в змеиное логово.

— Зачем мы сюда пришли, Ханна, — ворчал он. — Думаешь, мы чего-то добьемся от этого неблагодарного...

— И вам здравствуйте, — презрительно сощурился Ксавьер, — Каким ветром вас сюда занесло?

Мать уставилась на него цепким взглядом. Амадео стало не по себе — так смотрят на курицу, примериваясь, как бы половчее отрубить ей голову.

— Ты только послушай, как он нас приветствует, Эдвин! — взвизгнула она, и Амадео подавил желание зажать уши. — Мы его вырастили, а он...

— Не надо сейчас этих спектаклей, — резко оборвал Ксавьер. — Говорите, что вам надо, и убирайтесь отсюда.

Его тон на мгновение вогнал Ханну в ступор. Она покраснела от злости, тонкие пальцы сжались, губы затряслись. Амадео с отвращением подумал, что эта женщина похожа на ведьму, которая обнаружила, что ребенок, которого она собиралась съесть, обманул ее и сбежал.

— Да ты хоть знаешь, как мы сейчас живем?! В полнейшей нищете! Иногда даже есть нечего, а он тут жирует, торгуя своими сигаретками!

— Что-то я не заметил, чтобы вы нищенствовали, — Ксавьер окинул их взглядом. — Одежда на вас недешевая.

— Нет, ты полюбуйся, каков знаток! — вознегодовал на этот раз отец. — Что творит! Бросил нас, а теперь и на порог пускать не хочет!

— Бросил? — Ксавьер расхохотался. — Кто бы говорил! Вы попросту забыли меня, когда умер Фред!

— Не смей упоминать Фредерика, ты! — завизжала мать. — Ты пытался убить его, и нам пришлось его прятать, чтобы ты не попытался снова!

Ксавьер раскрыл рот.

— Что? Ты хоть думаешь, что говоришь? Я пытался убить Фреда? Что за бред ты несешь?

— Да! — крикнул отец. — Все было именно так, и теперь все узнают о том, какой ты хороший!

Ксавьер сжал зубы. Желваки на скулах играли, кулаки сжимались так, что ногти впивались в ладони. Ханна торжествующе задрала нос.

— Ничего не хочешь сказать? Оправдаться? Или, наоборот, признать свою вину? Давай, сознайся, что ты всегда желал ему смерти!

Амадео задохнулся от негодования и выступил вперед, чтобы осадить зарвавшуюся нахалку, но Ксавьер опередил его, шагнув к сейфу. Распахнул его и достал оттуда пачку банкнот.

— Этого хватит? — он швырнул деньги на стол. — Хватит, чтобы вы оставили меня в покое?

Глаза Ханны жадно блеснули. Она протянула руку, но Амадео схватил ее за запястье.

— Вы ни цента от него не получите. А ты, — он повернулся к Ксавьеру, — прекрати. Это не поможет.

Ханна дернула руку в попытке освободиться.

— Да ты... Что себе позволяешь? Кто ты вообще такой?!

— Финансовый директор. Еще раз повторяю — вы не получите ни монеты. Уходите.

Эдвин положил ладони на плечи жены, сверля Амадео презрительным взглядом.

— Пойдем. Похоже, от этого убудка уважения нам не добиться, как и от его помощника. Я-то надеялся, он будет благодарен.

— Прежде чем предъявлять какие-то претензии вашему сыну, последите за собой, — Амадео выпустил руку Ханны. — А теперь покиньте, пожалуйста, кабинет.

Немного помявшись для вида (Ханна не сводила взгляда с толстой пачки денег, все так же лежавшей на столе в окружении бумаг), они в сопровождении Серджио ушли.

Амадео повернулся к Ксавьеру.

— О чем ты думаешь, черт побери? Дашь денег — они явятся снова! Считаешь, от них так легко отделаться?

— Ты прав, ты прав, — Ксавьер запустил пальцы в волосы и усмехнулся уголком рта. — Они сведут меня с ума. Что еще за разговоры о том, что я пытался убить Фреда?

Еще никогда Амадео не видел Ксавьера настолько потерянным. Он-то считал, что этого человека невозможно вывести из себя. Какой бы острой ни была ситуация, он сохранял хладнокровие и всегда принимал верные решения. Но эти люди смогли пошатнуть его уверенность. Похоже, впервые в жизни Ксавьер не знал, что делать.

Амадео подошел к другу и положил руку ему на плечо.

— Им не удастся довести тебя до сумасшествия. Кто-то нанял их, это же очевидно. Найдем заказчика — и они исчезнут из твоей жизни раз и навсегда.

Ксавьер выпрямился. Из глаз исчезло затравленное выражение, будто и не появлялось вовсе.

— Ты прав, — повторил он. — Тогда не стоит терять времени. Езжай домой, а я займусь этой проблемой.

Но, сев за руль, Амадео повернул не к дому, а к зданию телеканала. После ухода родителей Ксавьер вел себя, как ни в чем не бывало, отмахивался от сыпавшихся на него беспочвенных обвинений, однако Амадео нутром чувал — тут нечто большее, чем желание просто нажиться на бизнесе непутевого сыночка. И не понимал поведения Ксавьера. Неужели у того не возникло ни малейшего желания выяснить, чем вызван небывалый ажиотаж вокруг его персоны?

Показав охраннику особый пропуск, которым снабдил его Ксавьер, он прошел к лифту и через несколько головокружительных мгновений — Амадео никак не мог привыкнуть к стеклянной коробке, хотя бывал тут уже много раз — молодой секретарь доложил о его приходе. Амадео шагнул в черно-белый кабинет, не отдающий ни уютом, ни теплом. Только холодной строгостью.

— Чего тебе? — не слишком любезно приветствовала хозяйка, хотя обычно общалась с ним в снисходительно-ласкательной манере. По-видимому, дел у телеканала хватало, потому что она то и дело хваталась за трубки радио- и мобильного телефонов и ворошила бумаги, в беспорядке раскиданные на столе. Многие из них были исполосованы желтым и зеленым маркером, кое-где строчки закрашены мертвым черным.

Амадео сел напротив, проигнорировав грубое обращение.

— Я не могу ждать, пока ты закончишь, Ребекка, так что отложи свои дела.

Она замерла и, приоткрыв губы, уставилась на него. Дым от незатушенной сигареты, небрежно валяющейся в пепельнице, вился между ними, немного оживляя застывшую, будто фотография, картину. Взгляд его черных глаз и раньше казался Ребекке слишком серьезным для милостивого лица, но сейчас их выражение заставляло чувствовать себя не в своей тарелке. Будто это она пришла к нему в гости, а не наоборот.

Затрезвонил телефон, и Ребекка очнулась. И тут же накатила злость на этого мальчишку. Он что, поставил свою персону выше ее работы? Еще никто не смел говорить с

Ребеккой в таком тоне, разве что Ксавьер, но с ним особые счеты. А этот маленький принц уже который раз строит из себя короля.

— Мальчик, ты зарываешься, — она грохнула радиотелефон на базу, предварительно проорав «Я занята!», и пронзила Амадео взглядом, от которого у рядовых сотрудников кровь стыла в жилах. Однако наглец и бровью не повел.

— Если бы это касалось меня, я бы вел себя иначе, — он указал на газету, наполовину скрытую бумагами.

— А, так ты тут из-за этого? — она двумя пальцами вытащила газету, с первой страницы которой улыбался Фредерик. — Велика важность. Скажи Ксавьеру, что это не стоит внимания.

Газета ударилась о его грудь и упала на колени, но Амадео не обратил на это ровным счетом никакого внимания.

— Он не знает, что я здесь. Ты наконец выслушаешь?

Ребекка удивилась. Чтобы этот мальчик действовал без ведома Ксавьера? Да еще в его интересах? Обычно он даже почесаться не смел без указки, а тут на тебе.

— Хорошо, — она вынула заколку, скрепляющую белокурые волосы, и устало потерла затылок. — Так что ты хотел?

— Установи истинную личность этого парня, — Амадео щелкнул по газетному листу. — Узнай, кто за этим стоит.

— А разве его родители просто не хотят срубить денег? — она подожгла новую сигарету. — По-моему, все очевидно, это старая отработанная схема. Многие влиятельные люди в свое время разрывали контакты с семьей, и...

— Тут другой случай, Ребекка, — Амадео наклонился к ней, даже не поморщившись от порции табачного дыма, ударившего в лицо. — Брат Ксавьера мертв. Погиб, когда ему было семь.

Глаза ее расширились. До нее наконец дошло.

— Хочешь сказать, это сознательная травля?

— Именно. Кто-то нанял этих людей, чтобы выбить почву из-под ног Ксавьера. Его родители не проявляли себя столько времени, они даже не знали, где их сын. Тем более он сменил фамилию, чтобы его наверняка не нашли. Разве двум пожилым людям под силу развернуть подобную деятельность?

Ребекка задумчиво постукивала карандашом по ярко окрашенным губам. Сигарета безучастно дымилась в пальцах.

— Знаешь, а ты прав. Ксавьер не просил меня ничего разузнать об этих людях. Но он не из тех, кто обратится за помощью в подобной ситуации. Возможно, он просто считает это мелочью...

— Это не мелочь, Ребекка, — перебил Амадео. — У окон его офиса день и ночь толпятся репортеры. А сейчас, когда я отъезжал, в толпе мелькнул небольшой плакат. И знаешь, что на нем было написано? «Ксавьер Санторо — детоубийца и торговец смертью». Откуда только-только приехавшим из провинции людям знать о подпольной деятельности Ксавьера? Это сознательная и хорошо подготовленная травля.

Ребекка задумалась. Обычно она не лезла в дела клиентов, лишь добывала заказанную информацию, и самоустранялась, предоставляя им возможность самим распоряжаться доставленными материалами. Однако сейчас на кону стояла репутация человека, которому она была обязана всем, что имела. Именно Ксавьер Санторо помог ей, тогда еще неопытной

девчонке, занять нишу в жизни, ту, которой она владела сейчас. Помог сесте в это кресло, сжать в железных тисках подчиненных, недовольных сменой власти, и, в конце концов, упрочить ее шаткий трон.

— Хорошо, принц, — медленно произнесла Ребекка. — Убедил. Тогда объясни, что требуется от меня.

— Установи личность этого лже-Фредерика, — он снова указал на фото. — Если мы узнаем, кто его нанял, то выйдем и на заказчика. Пока это все.

С удивлением Ребекка поняла, что, хоть на языке и вертится куча колких замечаний, ни одно из них не спешит прорваться наружу. Этот мальчик ее удивил.

— Хорошо, — покладисто согласилась она. — Что-нибудь еще?

На секунду Амадео задумался.

— Не говори Ксавьеру, что я был здесь. Ни к чему лишний раз его дергать, у него и так слишком много проблем.

— Лучше информаторов тайны умеют хранить только мертвецы, — криво усмехнулась Ребекка.

Поблагодарив, Амадео поднялся. Газета соскользнула на пол, и он машинально поднял ее, сунув под мышку. Как только за ним закрылась дверь, Ребекка схватила трубку телефона.

Ксавьер швырнул пачку купюр обратно в сейф и раздраженно фыркнул. Разумеется, после заявления лже-брата родители не замедлили явиться, однако их наглость просто поражала. Обвинить его в попытке убийства Фредерика? Выдумать несусветную историю о героическом спасении несчастного ребенка из кровожадных когтей старшего брата? Они что, сценариста для такого дела наняли?

Ксавьер приказал себе успокоиться. Ничего доказать они не смогут, Фредерик мертв, а тот, кто с упоением обзывал его братоубийцей с экрана телевизора — всего лишь актер. Одно слово Ребекки — и журналисты подавятся собственными обвинениями. А у него есть более важные дела, чем разбираться с самозванцем. Даже если дело дойдет до суда, в его родном городе остались записи о смерти Фреда, и могила наверняка в полном порядке. До такой степени Эдвин и Ханна еще не обнаглели.

— К черту вас, — прошептал Ксавьер. — Ничего святого.

Он и раньше замечал за матерью особую любовь к деньгам. Ханна не работала, прикрываясь уходом за детьми, однако мужа пилила регулярно, требуя от него все больше и больше, чего обычный клерк позволить себе не мог. Эдвин часто задерживался на работе, что выливалось в скандалы — Ханна хотела и денег, и внимания, не понимая, что таким образом ничего не получит. Когда умер Фред, ситуация только обострилась. Ксавьер боялся просить у нее денег на карманные расходы — это было чревато крупным скандалом. Приходилось подрабатывать после школы, чтобы иметь хоть какие-то финансы. Но однажды мать нашла его копилку и вытряхнула оттуда все до последней монеты. Вскоре после этого и разразился скандал, в результате которого Ксавьер навсегда покинул дом, так и не ставший ему родным. Он не испытывал сожалений, а радовался, что не потерял время впустую, ублажая истеричную мать и опасаясь регулярных подзатыльников отца. В двадцать восемь лет он уже владел компанией по производству табачной продукции, имевшей несколько филиалов по всей стране, заключал договоры на развитие бизнеса, а также организовал стабильный и доходный наркотрафик. Добился бы он этого, если бы не ушел из дома? Вероятность стремилась к нулю.

Еще и этот мальчишка. Ксавьер вбил себе в привычку никому не доверять, однако

Амадео вывел его на откровенный разговор, чему немало способствовала их дружба. Ранес Ксавьер считал, что выходить за рамки деловых отношений означает подписать бизнесу смертный приговор, однако на этот раз все пошло не так. И отнюдь не в худшую сторону.

— Именно поэтому тебе не стоит соваться в мои личные дела, — вполголоса проговорил Ксавьер, поджигая сигарету.

— Господин Санторо, к вам Анри Шеридан, — раздался из интеркома голос Серджио.

— Впусти, — Ксавьер положил сигарету в пепельницу и захлопнул папку, документы в которой безуспешно пытался прочесть вот уже полчаса.

Дверь немедленно распахнулась, и в кабинет вкатился невысокий, практически лысый колобок. В одной руке он держал неизменную пачку бумаг, другой же размахивал так, будто собирался сбить все вазы, которые попадутся на пути. Круглые очки то и дело съезжали на кончик носа, и мужчина постоянно шмыгал, водружая их на место. Человек он был суетливый и, на первый взгляд, склонный к панике, однако когда дело казалось бухгалтерии, равного ему найти было сложно.

— Господин Санторо, — деловито проговорил он, грузно усаживаясь в кресло. — Бог видит, я не хотел сюда приходить, однако ситуация того потребовала.

— Похоже, и правда произошло нечто исключительное, раз вы по доброй воле явились в мой кабинет, Анри, — без тени сарказма ответил Ксавьер. — В чем дело?

— Для начала позвольте спросить, — он положил бумаги на край стола и подпихнул их к Ксавьеру. — Вы в последнее время заключали какие-то крупные сделки, о которых мне неизвестно?

— Какой период включает определение «в последнее время»?

— Два месяца.

— А размер «крупных сделок»?

— Посмотрите сами, — Шеридан кивнул на поданные документы.

Ксавьер взял их. По лицу пробежала тень.

— Огромная сумма. Так в чем дело, Анри?

— Эти деньги поступили на ваш счет только что, господин Санторо, — бухгалтер достал из кармана огромный платок и принялся протирать очки. — Поскольку меня не предупредили о платеже, я тут же отправился к вам. Деньги-то немаленькие.

— Я вижу, — брови Ксавьера сдвинулись к переносице. — Я всегда сообщаю вам о грядущей оплате, Анри, но сейчас понятия не имею, что это за деньги. Вы не пытались выяснить, откуда они поступили?

— В смысле — с чьего счета? Разумеется, я сделал это сразу же. Однако он находится за рубежом. Это офшор.

— А обратный перевод?

— Счет заблокирован. Мне не удалось пробиться.

Ксавьер поднялся и подошел к окну. Внизу толпились люди, кто-то выкрикивал лозунги, где-то мелькнули плакаты, но он их не замечал. Никаких сделок в последние два месяца он не заключал, помимо поставки сигарет, но на такую сумму? Абсурд. Такие деньги могли заплатить лишь за крупную партию наркотиков, однако подобную сделку Ксавьер точно бы запомнил. Далеко не каждый посредник способен расстаться с немаленькой суммой. Еще и за пустое место, так как наркотики он не поставлял. Какова вероятность ошибки? Здравый смысл подсказывал, что ничтожно мала, однако всякое могло случиться. В таком случае, владелец скоро объявится, просто так огромными суммами не

разбрасываются.

— Что мне следует сделать, господин Санторо? — Шеридан наконец убрал платок в карман и водрузил очки обратно на нос.

— Вы же сказали, что связаться с владельцем счета не получается. Значит, не делайте ничего. Рано или поздно хозяин даст о себе знать.

— Хорошо. Разрешите идти?

Ксавьер махнул рукой, отвернувшись от окна. Анри Шеридан подхватил документы, которые принес с собой, и бодрым коlobком покатился к выходу.

Кристоф резко опустил чашку на блюдце. Посуда жалобно звякнула.

— Лукас! Посмотри на меня сейчас же!

Мужчина с трудом оторвал пылающий негодованием взгляд от картины на стене и вперил взгляд в отца.

— Я слушаю, — процедил он сквозь зубы.

— Я ясно дал тебе понять, что собираюсь передать управление компанией твоему брату, разве не так? К чему сейчас этот скандал?

— Черт побери, отец! — не выдержал Лукас. — Я старший, и именно я должен унаследовать ее! И потом, он даже не твой родной сын! И ты готов отдать компанию этому подобранному на улице выродку?!

— Не говори так о нем, я люблю вас одинаково, Лукас, — Кристоф снова взял чашку и отпил чай. — Но Амадео куда способней тебя. Вы оба — мои лучшие помощники, и оба хорошо себя зарекомендовали, пока я оправлялся о болезни. Я знаю, ты был бы хорошим главой, но Амадео тебя превосходит.

Лукас стиснул кулаки.

— И что же такого есть у него, чего нет у меня? Смазливое бабское личико и шикарные волосы? Это сейчас нужно, чтобы стать главой компании? Ее рекламным лицом? Я не понимаю, отец, почему ты так поступаешь со мной!

Кристоф вздохнул и прикрыл глаза. Он ждал такой реакции, но не думал, что решение вызовет такое отторжение только потому, что преемником оказался именно Амадео.

— Ты совсем меня не слышишь, Лукас. Я так надеялся, что ты когда-нибудь примешь его как родного брата, — горько усмехнулся он. — Жаль, что я ошибался. Внешность не имеет значения, есть и другие причины. Например, умение за короткое время решать сложные задачи и находить выход из ситуации. Если того требуют обстоятельства, он готов задействовать любые средства и время для достижения цели, но в пределах разумного. А ты... Ты ленив, Лукас. Бросаешь дела, если они не приносят выгоды, не получают с первого раза без применения силы. Вдобавок, ты очень вспыльчив, и чаще всего по совершеннейшим пустякам. Я очень люблю тебя, но ты не настолько хорош. Извини.

— Я... — Лукас задохнулся от возмущения, но быстро овладел собой — еще один из его немногочисленных талантов. — Я понимаю, отец, — он поклонился, скрыв злобную гримасу, и быстрым шагом вышел из кабинета.

В дверях он едва не налетел на Амадео, который приветливо улыбнулся ему.

— Брат, ты еще не уехал? Вы с Викторией собирались...

— А тебе бы только этого и хотелось. Прочь с дороги! — Лукас оттолкнул его.

— Что это с ним? — Амадео проводил мужчину удивленным взглядом, хотя отлично знал ответ.

— Идея передать компанию тебе пришла явно не по вкусу твоему брату, — Кристоф отставил пустую чашку.

Амадео виновато опустил глаза.

— Простите, отец. Я знал, что так будет, и отговаривал, но вы все равно решили по-своему. Может, все же лучше было бы уступить Лукасу, ведь я вовсе не стремлюсь занять

ваше место, и...

— Нет, — твердо ответил Кристоф. — Мое решение неоспоримо. Если я посчитал тебя более достойным кандидатом, значит, так тому и быть. Лукас успокоится рано или поздно. Лучше думай о том, сколько всего тебе предстоит сделать.

— Да, отец, — Амадео сел напротив. — Вы уже знаете о ситуации с Ксавьером?

— Да, я смотрел новости, — Кристоф протянул чашку, и Амадео наполнил ее из изящного чайника. — Но не переживай по этому поводу, малыш, Ксавьер Санторо не тот человек, которого можно запугать.

— Но все же, даже для него эта проблема необычна. Я видел, что ему не по себе от всего этого, и хочу помочь, — Амадео провел рукой по волосам. — Только не знаю, как.

— Иногда просто достаточно быть рядом, малыш, — Кристоф улыбнулся. — Вы с ним сдружились, и я рад этому. У тебя никогда не было близких друзей, и, признаться, я переживал. Но теперь я спокоен. В трудной ситуации ты не останешься один.

Амадео хмуро смотрел в сторону. Отец был прав, но проблема не давала покоя. Ксавьера мало что могло вывести из себя, никто никогда не замечал его злым, взбешенным или хотя бы выведенным из равновесия. Сегодня Амадео впервые увидел друга растерянным, и это изрядно напугало. Он попросил о помощи Ребекку, но этого недостаточно. Но что он еще может?

После того, как оба сына покинули кабинет, Кристоф поднялся и подошел к окну, за которым, не переставая, падал снег. Да, он предполагал, что Лукас встретит эту затею в штыхы, однако иного выхода Кристоф не видел. Он тщательно взвешивал все «за» и «против», тысячу раз перебирал в уме достоинства и недостатки подобного решения и, в конце концов, убедился в собственной правоте. Лукаса нельзя назначать главой «Азар». Иначе компания канет в Лету.

Мыслями Кристоф устремился в тот далекий жаркий июньский день пятнадцать лет назад, когда неосторожный водитель засмотрелся по сторонам и сбил мальчика-бродягу. Реакция Лукаса тогда ударила Кристофа в самое сердце, в первый момент он даже не смог крикнуть и остановить его, так сильно сдавило горло. Лукас пинал несчастного ребенка, а Кристоф просто тупо таранился на это, не в силах произнести ни слова.

Однако не зря о его самообладании ходили легенды. Распахнув дверцу, он резко окрикнул Лукаса. И испытал второе потрясение — глаза повернувшегося к нему сына были ледяными. Полное равнодушие. Во время войны Кристоф повидал немало ребят, выполняющих чужие приказы с холодной отстраненностью, что ничуть не уменьшало их жестокость. Напротив — придавало ей еще более ужасающую оболочку. Глаза Лукаса напомнили Кристофу тех самых парней, и страх окатил его с головы до ног.

Но затем Лукас попытался возразить, и наваждение ушло. Перед ним был его сын, который игрался с ребенком, словно со сломанной игрушкой, жестокий подросток, но его вины в том не было. Лишь Кристоф, который слишком избаловал Лукаса, был виноват в его поведении.

С этого дня в душе зародились первые ростки сомнения. Раньше Кристоф был слишком ослеплен любовью к сыну, чтобы замечать явные огрехи и недостатки, поэтому закрывал глаза на его совсем не детские проказы, даже когда он сломал однокласснику руку.

Это произошло незадолго до того, как Амадео попал в больницу. Из закрытой школы, где обучался Лукас, поступил тревожный звонок. Сын Кристофа подрался с неким Рафаэлем Кендро и столкнул его с лестницы, в результате чего тот сломал руку в двух местах. Дело

пахло большими неприятностями, Кендро был сыном видного политика, однако Кристофу удалось замять это дело деньгами и обещанием забрать Лукаса на домашнее обучение.

В тот самый день они возвращались из школы, теперь уже навсегда. В багажнике были аккуратно уложены чемоданы с вещами Лукаса, сам виновник, насупившись, смотрел в окно. Кристоф специально попросил водителя проехать через Старый квартал, надеясь хоть как-то объяснить сыну цену того, что он сейчас имеет. Но неблагодарный ребенок лишь бурчал что-то в ответ, пропуская мимо ушей увещевания отца.

В конце концов, тот сдался. Лукас, похоже, даже был рад перспективе уехать из опротивевшей школы, поэтому никакие слова не смогли бы заставить его раскаяться в неблагоприятном поступке. И в этом не было его вины. Такое воспитание он получил, таким и останется.

И затем произошел этот инцидент, который позже Кристоф называл самой большой удачей в своей жизни. Впервые мальчик поразил его в больнице, когда принялся уверять в своей честности и отрекаться от помощи. Не такого поведения ждал Кристоф, совсем не такого. И тогда впервые в нем шевельнулось давно забытое благодаря проказам Лукаса чувство — надежда. Надежда на то, что он сможет воспитать кого-то достойного, кого-то лучшего, чем он сам. Чем его родной сын.

Как ни горько было это признавать, но Лукас не оправдал надежд и в дальнейшем. Кристоф думал, что благодаря здоровой конкуренции с Амадео Лукас рано или поздно продвинется вперед, но он лишь трепыхался, как злая, но абсолютно бесполезная комнатная собачка. Когда Ксавьер Санторо впервые произнес эти слова, Кристоф оскорбился. Однако чем дальше, тем больше уверялся в том, что компаньон прав.

Лукас не способен возглавить «Азар».

Проходя мимо комнаты брата, Амадео в нерешительности остановился. Хоть отец и сказал, что Лукас остынет через какое-то время, Амадео все равно чувствовал себя виноватым перед ним. На протяжении многих лет сводный брат не уставал напоминать ему о происхождении, называл помойной крысой, уличным оборванцем и еще двумя десятками нелестных эпитетов. И сейчас взятый с улицы щенок отбирал место, которое изначально было уготовано ему. На его месте Амадео тоже сильно разозлился бы.

Хотелось или нет, но с Лукасом надо было поговорить, иначе снова от его нападков пострадает отец. Амадео мог стерпеть какие угодно оскорбления, но в отношении Кристофа не желал такого допускать.

Амадео подошел к двери и уже занес руку, чтобы постучать, но из-за двери донесся раздраженный донельзя голос брата. Похоже, он разговаривал с кем-то по телефону.

— Я больше не могу ждать. Он должен быть у меня как можно быстрее, и неважно, сколько денег на это уйдет. Ты понял меня? Отлично. И не задавай больше таких вопросов, если хочешь жить!

Пиканье мобильного, ругань брата, шаги. Амадео едва успел отпрянуть, как дверь распахнулась, и Лукас, злой, как тысяча чертей, уставился на него.

— Чего тебе тут надо?!

— Я... — Амадео растерялся. — Я хотел поговорить с тобой...

— Нам не о чем разговаривать!

Дверь со стуком захлопнулась.

— Отец окончательно решил передать «Азар» мне, — Амадео мрачно перебирал бумаги на столе Ксавьера. Вчерашний вечер закончился очередным грандиозным скандалом, в

результате которого Лукас поклялся, что ноги его больше не будет в особняке. Амадео с трудом сдержался, чтобы не вздеть руки к небесам и не возблагодарить их, однако при отце не следовало разыгрывать подобных спектаклей. Хотя позлить Лукаса очень хотелось, в отместку за то, что Кристоф из-за его выкрутасов отказался от ужина, и даже Амадео не смог уговорить его поесть.

— Глядя на тебя, можно подумать, что ты этому несколько не рад, — съязвил Ксавьер, указав на него незажженной сигаретой.

— Вовсе нет, я рад такому доверию. Но Лукас меня пугает, — Амадео сложил листы в стопку и постучал по столу, чтобы выровнять. — Из-за постоянных ссор с Викторией он стал вести себя абсолютно неадекватно. Как маленький ребенок, который со злости поджигает папин сарай.

— Только на этот раз сараем может оказаться «Азар», я прав? Знаешь, тебе повезло, что не надо начинать с нуля. С другой стороны, удержать уже готовый бизнес на плаву иногда бывает куда сложнее.

— Но для этого ты и заключил договор с моим отцом, разве нет?

— Ты считаешь меня всемогущим. А я всего лишь учу тебя всему, что ты должен знать, чтобы бизнес твоего отца не потерял былого величия, прекрасный принц.

Амадео привычно поморщился от прозвища, которым наградил его Ксавьер с первого же дня знакомства, а тот довольно ухмыльнулся.

— Можешь задать вполне уместный вопрос, зачем тебе торговля, если «Азар» специализируется на азартных играх и гостиницах, и будешь прав. Но я без промедления отвечаю: чтобы тебя не могли надуть. Чтобы ты научился распознавать людей. Кристоф — великолепный управленец, он видит людей насквозь. Он и в тебе разглядел что-то, не зря же принял тебя в семью.

— Это был не расчет, — Амадео помотал головой, и выбившаяся из небрежно собранного на затылке хвоста прядь упала на лицо. — Какой расчет может быть с восьмилетним бездомным мальчишкой?

— Я привык видеть расчет во всем. Но ты можешь тешить себя мыслью, что он тебя просто пожалел.

— Не ехидничай, Ксавьер, ты просто тоже не знаешь причину, — фыркнул Амадео, взяв со стола газету, с первой полосы которой яростно кричали обвинительные слова в адрес друга. — Вижу, ты так и не выступил с опровержением.

— Меня это не интересует.

— Однако за ходом событий ты, тем не менее, следишь, значит, тебе не настолько безразлично, что происходит, — не сдавался Амадео.

Ксавьер оторвался от бумаг. Сигарета дымилась в уголке рта, едкий дым заставлял щуриться, мешая грозному взгляду, и он ткнул ее в пепельницу.

— Что тебе надо, Амадео?

— Я хочу, чтобы ты начал действовать, а не сидел, сложа руки, наблюдая, как все больше людей устраивают пикеты под твоими окнами, — Амадео отодвинул жалюзи свернутой газетой. — Посмотри, какая толпа собралась. И они все верят тому, что им вливают в уши. Тебя нагло оклеветали, а ты и пальцем не шевельнул. Представляешь, во что это может вылиться?

— Рано или поздно им надоеет мусолить эту тему, и они от меня отстанут, — Ксавьер снова склонился над бумагами. — Не мешай, пожалуйста, у меня вечером важная встреча. И

хотелось бы, чтобы она закончилась заключением договора.

Амадео замолчал, постукивая газетой по ладони. Ксавьер недвусмысленно попросил его не лезть не в свое дело, и Амадео подчинился бы, если бы не видел, насколько сильно происходящее отражается на друге. Ксавьер мог сколько угодно храбриться и делать вид, что ему все равно, однако Амадео видел, как яростно вспыхивают обычно непроницаемые, как сталь, глаза, когда он слышит об очередном ужасном вранье родителей либо видит лжебрата. Амадео мог поклясться, что заметил промелькнувшую на мгновение боль от старой, незаживающей раны.

Однако Ксавьер не зря славился самообладанием. Во всем остальном он не выказывал ни малейшего беспокойства. Но Амадео, заглянув в бумаги, которые разбирал, обнаружил пару-тройку глупых ляпов, которых не допустил бы даже зеленый клерк.

Так дальше продолжаться не могло.

— Что за важная встреча вечером? — спросил он.

Ксавьер бросил на него сердитый взгляд, но все же ответил:

— Как ты знаешь, я поставляю наркотики из других стран. Со мной работает несколько надежных поставщиков. Еще один предложил мне сотрудничать.

— Если у тебя уже есть проверенные люди, зачем еще? Это огромный риск.

— Понимаю. Но этому человеку нельзя отказать. Тебе знакомо имя Валентайна Алькараса? — Амадео задумчиво покачал головой. — Он является одним из самых крупных поставщиков наркотиков в мире. Разумеется, это лишь один из его заработков, но самый доходный.

— Если так, то как тебе удалось заполучить его себе в партнеры?

— Не я. Это он, — легкая усмешка показалась на губах Ксавьера и тут же исчезла. — Он сам связался со мной и предложил контракт. Насколько мне известно, он тщательно отбирает тех, с кем ведет дела, и оказаться в числе кандидатов — большая честь.

— Удивительно, что кто-то может диктовать тебе условия, — Амадео бросил газету на стол и скептически скрестил руки на груди. — И ты согласился? Может быть, стоит перенести встречу и обдумать все еще раз? Сейчас не самое подходящее время, чтобы заключать новые контракты.

— Эту встречу нельзя ни перенести, ни отменить, — Ксавьер поднялся и прошелся по кабинету из угла в угол. Амадео с удивлением заметил, что друг слегка нервничает. — Есть такие люди, которым не рекомендуется отказывать. Остается только гордиться тем, что они решили вести с тобой дела, хотя до этого ты думал, что твое внимание и есть самое большое сокровище для других партнеров. И Валентайн Алькарас из числа таких небожителей. Тем более, у него можно многому научиться. В отличие от тебя и Кристофа, я своей выгоды не упущу, — он сдернул со спинки кресла галстук и протянул Амадео. — Знаешь, как справиться с этой штукой?

Амадео едва удержался от смеха. Со дня их знакомства Ксавьер задавал этот вопрос уже четырежды, и каждый раз Амадео удивлялся тому, что могущественный бизнесмен так и не овладел искусством завязывания галстука.

Справившись с возложенной на него задачей, Амадео протянул руку к раскрытой на столе папке.

— Это проект вашего с ним договора? Дашь прочесть?

— Пожалуйста, — Ксавьер подал ему папку. — Однако не думаю, что ты найдешь тут что-то необычное.

Амадео быстро пробежал глазами страницы. В самом деле, контракт был составлен предельно четко и сжато, особенно в нем подчеркивался пункт о сроках выполнения. Не допускался ни день, ни даже час просрочки. Если одна из сторон нарушит эти условия, то должна выплатить неустойку, сумма которой поражала. Амадео вспомнил презрительные слова Ксавьера о мошенниках, пытающихся содрать три шкуры с будущих партнеров, и удивился тому, как он вообще мог пойти на заключение подобного договора. Амадео пролистал контракт трижды, но так и не нашел интересующую его информацию.

— Что ж, — он вернул папку другу. — Меня здесь ничего не настораживает, кроме одного. Где пункт об обстоятельствах форс-мажора? Этот Алькарас считает, что не может возникнуть никаких причин, которые помешают выполнению условий контракта? И почему такие жесткие сроки? Указано даже время перевода денежных средств. Он настолько опасается, что его кинут?

— В наркобизнесе такое часто случается. Либо не поставляют товар, либо поставляют, но отвратительного качества, когда было заплачено за высший сорт, — Ксавьер закрыл папку и убрал ее на край стола. — Думаю, он просто перестраховывается. Как бы там ни было, я должен дать ответ сегодня.

— Но...

Интерком на столе ожил.

— Господин Санторо, к вам Валентайн Алькарас. Впустить?

Сигарета выпала изо рта и приземлилась точно в пепельницу, которую Амадео успел подтолкнуть к хозяину кабинета. Ксавьер кашлянул пару раз, однако совладал с собой и нажал на кнопку.

— Разумеется,пусти, Серджио, — он отодвинул пепельницу в сторону, в глазах светилось удивление. — Он сам приехал в мой офис?

— Может, мне... — начал Амадео, но тут дверь открылась, пропуская в кабинет мужчину лет сорока на вид. Темно-каштановые волосы были аккуратно подстрижены и уложены волосок к волоску. Ни полоски седины не проблескивало в их ровном цвете. Вокруг глаз не виднелось морщинок, будто он не привык улыбаться и шутить. Предельно серьезный, с первого взгляда создающий впечатление сверхделового человека, он скользнул взглядом по кабинету, и глаза его на мгновение остановились на Амадео. Необычного ярко-голубого оттенка, они будто пытались заморозить. Амадео с трудом сдержался, чтобы не поежиться под леденящим взглядом.

— Добрый день, господин Санторо, — проговорил он. В словах слышался едва заметный акцент.

— Добрый день, господин Алькарас, — Ксавьер поднялся из-за стола и протянул гостю руку. — Я не ждал вас так рано, мы собирались встретиться...

— В семь, в холле «Азарино», — кивнул тот, отвечая на приветствие. — Но мне захотелось посмотреть на ваш офис. Он многое говорит о своем хозяине. Вы так не считаете?

— Не задумывался об этом, господин Алькарас, — Ксавьер указал на кресло. — Присаживайтесь, пожалуйста. Сигарету?

— Благодарю, но я не курю, — сухо отказался тот. Ледяной взгляд снова упал на Амадео, окатив его холодом с головы до ног. — С кем имею честь...

— Амадео Солитарио, — представился тот, протягивая руку. Он ожидал, что пальцы Валентайна окажутся такими же холодными, но ошибся. Сухие, теплые ладони. — Владелец

«Азарино» — мой отец, Кристоф.

— Как же. Кристоф Солитарио. Единственный, кто отказался заключить со мной контракт десять лет назад, — на похожем на маску лице, однако, не скользнуло и тени досады.

— Уверен, у него были причины для такого шага, — Амадео с трудом сдерживал торжествующую улыбку, понимая, что собеседнику она не понравится.

Валентайн предпочел не отвечать. Вместо этого раскрыл небольшой дипломат, который принес с собой, и достал оттуда договор в двух экземплярах.

— Окончательный вариант. Полагаю, с предварительным соглашением вы уже ознакомились. Но все же вам лучше все внимательно прочесть, прежде чем подписывать. Мои условия не каждому по плечу, я выбираю партнеров не из слабаков и не терплю, когда идут на попятную. Если поставите свою подпись, должны будете выполнить условия любой ценой.

— Я понимаю, господин Алькарас, — Ксавьер взял предложенный документ и внимательно прочел, не упуская ни одной мелочи. — В ваших условиях нет ничего неординарного, я тоже требую от своих партнеров четкого соблюдения сроков.

Он поставил свои подписи на каждой странице договора, затем проделал то же самое со вторым экземпляром и протянул листы Валентайну.

Воспользовавшись тем, что Алькарас отвлекся, Амадео округлил глаза и одними губами произнес, глядя на Ксавьера: «Мой отец ему отказал!». Тот лишь покачал головой и устремил взгляд на занятого подписями Валентайна в ожидании, пока тот закончит.

— Могу я задать вопрос? — спросил Ксавьер, когда они с Алькарасом обменялись рукопожатием в честь успешного заключения сделки.

— Разумеется, хотя вам, наверное, следовало это сделать до того, как вы поставили свою подпись под контрактом, — без тени улыбки ответил тот.

— Он не имеет отношения к соглашению, — Ксавьер опустил обратно в кресло. — Почему именно я? Насколько мне известно, наши пути никогда не пересекались.

— Как я уже сказал, господин Санторо, — Валентайн сцепил пальцы перед собой, не сводя пронзительного взгляда с новоприобретенного партнера, — я очень тщательно подбираю компаньонов. Изучаю сотни кандидатов, не доверяя этого помощникам. Предпочитаю знать, с кем имею дело, от и до. И очень редко меня все полностью устраивает.

— Выходит, я — победитель на конкурсе талантов, — Ксавьер не удержался от усмешки. — Мне остается только расплакаться от счастья.

Амадео едва заметно покачал головой, сам с трудом сдерживая ухмылку.

— Я жду от вас четкого выполнения всех условий, — Валентайн сделал вид, что не заметил сарказма. — Ваша репутация не оставляет сомнений, что вы их выполните, но я не терплю ни дня просрочки. Вам хорошо известно, что время — деньги. Впрочем, об этом мне беспокоиться не стоит, — он положил свой экземпляр договора в дипломат и с тихим щелчком закрыл замки. — Не так ли?

— Будьте уверены. Если вы хоть иногда будете вспоминать, что я ваш партнер, а не раб, — Ксавьер зажег сигарету, не обратив внимания на легкое неудовольствие, отразившееся на лице мужчины, — и от другой стороны договора требую практически того же, что и она от меня.

— Мне это прекрасно известно, — не остался в долгу Алькарас. — Всю необходимую

документацию по экспорту товара оформят позже и пришлют вам. Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

— Наверное, мои партнеры так же не любят встречи со мной, — констатировал Ксавьер, когда за Валентайном закрылась дверь. — И крестятся от счастья, когда наконец избавляются от моего присутствия.

Амадео скривился.

— Понимаю, почему отец не захотел заключать с ним соглашение, и дело вовсе не в его сфере деятельности. Чересчур самонадеянный. Может, он и умопомрачительный бизнесмен, но... Есть в нем что-то неприятное.

— Как бы там ни было, контракт заключен, — Ксавьер выглядел донельзя довольным. — И теперь никакие обвинения и глупые сплетни мне не помешают.

Следующим утром Амадео бежал по парку. В наушниках звучала любимая музыка, однако он ее не слышал. В голове роились события последних дней: прошлое Ксавьера, истерики родителей, обвинения лже-брата, Валентайн Алькарас — все смешалось в один большой ком. Еще Ксавьер рассказал ему о поступлении крупной суммы на счет, с целью выяснить, не причастен ли к этому Амадео, однако тот ответил отрицательно и высказал предположение об ошибке. Ксавьер согласился, однако что-то тут было не так. Слишком много всего произошло за последнюю неделю, и Амадео нутром чуял, что все события могут быть связаны. Вот только как?

Амадео остановился, опершись ладонями на колени, и перевел дыхание. Утро выдалось морозным, облачка пара вырывались изо рта и клубились вокруг. Ксавьер может сколько угодно делать вид, что все происходящее его мало беспокоит, однако Амадео за время их дружбы успел неплохо его изучить. Обычная холодность и равнодушие, которые отличали Ксавьера в общении с подчиненными, теперь уступили место раздражительности. Он шпынял всех по поводу и без повода, требовал большего подчинения, не желал слушать ни слова возражений, даже если замечания оказывались конструктивными. Вчера, после встречи с Алькарасом он разозлился на Серджио, чего раньше никогда не бывало. Серджио служил ему верой и правдой уже четыре года и, по его словам, Ксавьер ни разу ни в чем его не упрекнул.

Амадео выпрямился и откинул собранные в хвост волосы за спину. Мелодия, игравшая в наушниках, закончилась, и он услышал неясный гул, становившийся все ближе. Прежде чем началась следующая песня, утренний морозный воздух прорезал чей-то вопль:

— Господин Солитарио!

Амадео обернулся и моментально оказался в кольце репортеров. Они тыкали диктофонами ему в лицо, что-то вопили, глаза их жадно блестели. Кто-то дернул провод наушников, едва не оборвав его. Амадео отодвинул настырного журналиста и сам вынул «ракушки» из ушей.

— Я не разговариваю с репортерами, прошу прощения, — он попытался выскользнуть из кольца, однако оно лишь сжалось сильнее, вызвав легкий приступ клаустрофобии. Отовсюду на него нацелились диктофоны, жадные до сенсации взгляды ощупывали его с ног до головы.

— Господин Солитарио, что вы думаете о той ситуации, в которой оказался ваш друг, Ксавьер Санторо? — выкрикнул кто-то.

— Я же сказал: без комментариев, — голос звучал ровно, однако настырные гиены уже начали раздражать.

— Он ваш приятель, так? — вторил первому другой. — Как вы можете мириться с тем, каким лицемером он оказался?

Только не нервничай, напомнил себе Амадео. Профессия этих стервятников — вывести из себя и выудить ответы на интересующие их вопросы, при этом перевернув все так, как им удобно.

— Я не желаю с вами разговаривать, — спокойно повторил он. — Дайте пройти.

Невысокий мужчина, похожий на крысу, с жесткой щеткой усов под носом, сунул диктофон к самому его лицу и пропищал:

— Он пытался убить своего брата и бросил родителей. Вы считаете, что с вами он не поступит так же?

Амадео разозлился. Кулаки сжались, и он с трудом сдержался, чтобы не ударить наглого проныру.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — процедил он сквозь зубы. — Дайте пройти.

Он оттолкнул репортера и сделал шаг вперед. Кто-то, особо наглый, схватил его сзади за хвост в попытке остановить и сдернул резинку. Черные волосы разлились по плечам, и их тут же взметнул ветер, швырнув Амадео в лицо.

Он в ярости обернулся и схватил наглеца за запястье.

— Никогда. Не смейте. Трогать мои волосы, — прошипел он, вырывая резинку из ладони пораженного репортера. — А теперь пошли прочь. Все до единого, пока я не заявил на вас в полицию.

Развернувшись, он пошагал к дому. Стая стервятников осталась стоять позади, однако мгновением позже ринулась за ним, держась, однако, на почтительном расстоянии.

Амадео зашел в дом, кивнув охранникам, которые подобрались, заметив преследующую его толпу. Однако на территорию особняка ни один репортер не рискнул зайти — вид грозных здоровяков, руки которых скользнули под пальто за оружием, остановил их.

— Быстро на кухню, молодой господин, — безапелляционно заявила Роза, схватив его за руки. — Вы совершенно ледяной, совсем не думаете о своем здоровье!

— Чуть позже, Роза, я сначала переоденусь и приму душ, — скороговоркой выпалил он.

Захлопнув дверь в свою комнату, Амадео зло сдернул спортивную куртку, швырнув ее на кровать. Следом полетела футболка. Пройдя в ванную, он включил душ, затем проверил мобильник. Звонков от Ксавьера не было, зато светился пропущенный вызов от Ребекки.

— Принц не берет с собой телефон на утренние пробежки? — раздалось в трубке вместо приветствия.

— Мне некогда, Ребекка, давай по существу.

— Фредериком притворяется некто по имени Майлс Салливан. Довольно посредственный актер, иногда появляется в качестве статиста на подмостках театра в Клэнси. Несмотря на то, что до мировой известности ему далеко, как до луны, его хорошо загримировали. Когда-то он был блондином, сейчас — темный шатен, как и Ксавьер.

— Дальше, Ребекка, меня не волнует, как он выглядел раньше. Ты выяснила, кто его нанял?

— Я связалась с его агентством, но они отказываются давать информацию. Списывают на защиту персональных данных. Дай мне еще немного времени, и я все узнаю.

— Постарайся быстрее. Нужно найти заказчика, пока пресса не раздула эту историю еще сильнее, — Амадео отключил телефон и, оставив его на кровати, прошел в ванную.

На кухне его ждала большая кружка горячего шоколада, приготовленного заботливой

Розой.

— Садитесь, молодой господин, — не терпящим возражений тоном приказала она. — Кажется, Стефан запретил вам заниматься спортом на улице в такую погоду. Сегодня слишком холодно.

— Я не люблю бегать в спортзале, — скривился Амадео. Кружка приятно согревала ладони. — Тем более на беговой дорожке.

— Ваша беспечность дорого вам встанет, помяните мое слово, — сварливо проскрипела Роза. — О, господин Кристоф, какой приятный сюрприз! Неужели вы проголодались?

— Нет, Роза, благодарю, — улыбнулся хозяин дома. — За окном толпится народ, я пришел узнать, не приманил ли их запах твоих бесподобных пирогов?

Та фыркнула, однако щеки чуть порозовели.

— Этих птиц приманивает нечто другое, господин Кристоф. Мои пироги тут ни при чем. От еды можете отказываться сколько угодно, однако шоколада выпьете.

Кристоф с благодарностью принял чашку и уселся напротив Амадео. Тот задумчиво водил по столу пальцем, следя за ним отсутствующим взглядом.

— Что тебя беспокоит, малыш? Это все из-за Ксавьера?

Амадео провел пальцем по скатерти прямую линию и взял кружку.

— Во время пробежки ко мне привязались журналисты. Хотели знать, какое отношение я имею к Ксавьеру, и не заботит ли меня, что он обойдется со мной так же, как со своими родителями, — Амадео бросил презрительный взгляд за окно, где за забором, невзирая на холод, толпились репортеры.

— И что ты ответил?

— Сказал, что не собираюсь ими разговаривать.

— Молодец, — улыбнулся Кристоф. — Этих падальщиков не стоит удостаивать даже взгляда. Как дела у Ксавьера?

— Не очень. Он, конечно, делает вид, что контролирует ситуацию, но я вижу, что ему нелегко, — Амадео подпер голову ладонью.

— Только не загоняй себя, малыш. Помощь помощью, но если с тобой что-то случится, Ксавьеру от этого легче не станет. И мне тоже.

— Я знаю, отец.

На кухне повисла тишина. С улицы доносился едва слышный гул — толпа и не думала расходиться. Амадео смотрел за окно, но ничего не видел, погружившись в невеселые мысли. Если Ксавьер и дальше продолжит игнорировать все, что происходит, ничем хорошим это не кончится. Пресса способна раздуть все до немислимых масштабов, и даже Ребекка не сможет этому помешать.

— Ты уже несколько дней как в воду опущенный, — снова заговорил Кристоф. — Что-то случилось?

— Ничего критичного. Думаю, кто же мог организовать такую тщательно подготовленную травлю. Рядовые конкуренты не смогли бы, у них недостаточно информации.

— В нашем городе есть торговцы.

— И все они работают на Ребекку. А она ни за что не перейдет дорогу Ксавьеру, — он сделал глоток шоколада. — Одно меня удивляет — почему Ксавьер делает вид, что ничего не происходит? Он мог бы опровергнуть всю чушь, которую о нем пишут и говорят, однако...

— Возможно, это наилучший вариант в данной ситуации. Журналисты абсолютно не

вникают в тонкости бизнеса, не утруждают себя проверкой фактов, а лишь кидаются на свежие кости, выпавшие из шкафа, и при желании Ксавьер может легко себя оправдать. Но, как я понимаю, он не обращался к Ребекке за помощью, иначе ты не просил бы ее.

Амадео кивнул.

— Именно. Он предпочитает закрывать глаза, невзирая на последствия. И это приводит меня в недоумение. Почему?

— Ксавьер Санторо относится к тому типу людей, которые никому не доверяют и не желают показывать даже малейшую слабость.

— Я думал, он доверяет мне, но...

— Да, вы с ним стали добрыми друзьями, — Кристоф погладил Амадео по плечу. — Но силу привычки не так-то легко победить. Ты можешь пытаться помочь ему, но не жди, что он так просто примет твою помощь. И потом, скорее всего, он просто не хочет впутывать тебя в этот скандал.

— Но теперь это касается и меня, — Амадео хмуро указал за окно. Один из репортеров что-то скандировал, остальные нестройным хором подхватывали. — И я разберусь, хочет Ксавьер того или нет.

— Не в моих силах запретить тебе, однако, — Кристоф сжал его плечо, — будь осторожней, малыш. Иногда пули рикошетят. И я не прощу себе, если хоть одна попадет в тебя.

— Агентство Салливана так и не предоставило мне информацию, — говорила Ребекка, потягивая кофе. — Пришлось ее выкрасть.

Амадео взял тонкую папку и внимательно просмотрел, оставив в сторону чашку. Официантка подошла спросить, не желает ли он чего-нибудь еще, однако он отрицательно покачал головой. Это кафе оказалось единственным, где удалось скрыться от назойливых репортеров. Они, будто сговорившись, оккупировали большинство ресторанов неподалеку от «Азар» и «Камальон», изучали каждого посетителя цепким взглядом и держали наготове блокноты и диктофоны.

— Его нанял некто Энтони Николс? Никогда раньше не слышал этого имени, — Амадео закрыл папку и отдал ее обратно Ребекке. — Попахивает подставой. А кто нанял этого человека?

— Я работаю в этом направлении, — недовольно поморщилась Ребекка. — Ты слишком торопишь, и...

— Секрет твоего успеха заключается в своевременной поставке информации, не так ли? — Амадео наклонился к ней. — Промедлишь хоть минуту — и упустишь выгодного клиента. Так что прекрати пудрить мне мозги, Ребекка. Ты уже знаешь, кто за этим стоит, просто не собираешься мне говорить. Так?

Ребекка швырнула сигарету в пепельницу. Этот чертов мальчишка видел ее насквозь, даже соврать по-человечески не получалось.

— Хорошо. Ксавьер запретил мне давать тебе информацию. Так понятней, прекрасный принц?

Амадео выругался про себя. Можно было догадаться, что Ребекка не станет молчать о его расследовании и немедленно доложит Ксавьеру.

— С каких пор ты выполняешь его указания, да еще бесплатно? — съехидничал он. — Если откажешься мне помогать, я начну копать самостоятельно. Считаешь, мне это не по силам? Отнюдь. У меня есть предположение, что за всем этим стоит недавно вышедший из

тюрьмы Крейг Беррингтон. Бывший чиновник, работороговец, педофил и экспериментатор. Но как он связан с Ксавьером?

Ребекка пораздовалась, что в полумраке кафе он вряд ли разглядел замешательство, промелькнувшее на ее лице. Откуда этот мальчишка узнал о Беррингтоне?

— Это, — осторожно произнесла она, — секретная информация, и не таким желторотым юнцам, как ты, совать туда свой клюв.

— То есть я прав, — Амадео торжествующе улыбунулся. Это был выстрел наугад, имя, выхваченное из отчета Ребекки полугодовой давности, однако он достиг цели. Прямо в яблочко. — Беррингтон вряд ли действует один. Слишком масштабная акция для одного человека. Кто еще работает с ним?

— Послушай! — рывкнула Ребекка. Посетители начали оборачиваться, и она сбавила тон. — Ты хоть представляешь себе, куда пытаешься влезть? Представляешь, какого уровня птицы там летают? Это не безобидные голуби. Это огромные, хищные ястребы, готовые в мгновение ока заклевать такого воробья, как ты, возомнившего себя...

— Ладно, — Амадео поднялся. — Не желаешь мне помочь — узнаю сам. Мне Ксавьер ничего не запрещал.

Ребекка, стиснув зубы от досады, наблюдала, как он надевает пальто. Ксавьер недвусмысленно приказал ей держать принца подальше от всего этого, однако упертый красавчик не собирался сдаваться. И без присмотра наверняка влезет туда, откуда его вынесут вперед ногами.

Ксавьер ей этого не простит.

— Подожди, — наконец произнесла она.

Амадео снова сел напротив. И сделал заказ у миловидной официантки.

Через полчаса Амадео подъехал к зданию «Камальон». Волосы были спрятаны под шапкой, воротник пальто поднят. Припарковав автомобиль за пару домов, он неспешной походкой направился к главному входу.

А там, как и несколько дней подряд до этого, толпились люди. Репортеры попеременно с обычными людьми, которых нелегкая выгнала в морозный день из теплого дома. Мужчины, женщины, даже несколько детей — все они плотной стеной выстроились у главного входа «Камальон».

— Убийца! — выкрикнул один, и его вопль тут же подхватили остальные. В воздух взметнулось несколько плакатов. Грозно потрясая ими, люди орали, требуя Ксавьера лично выйти к ним. Амадео зло усмехнулся, представив, как Ксавьер спускается сюда, невозмутимый, как всегда, и все просто замолкают, не зная, что с ним делать. Толпа гораздо только лаять, и лишь единицы способны укусить. И Амадео искренне надеялся, что среди этих громко лающих шавок не найдется ни одного добермана, который дал бы сигнал к нападению.

— Убийца!! Вон он! — заорал Амадео, перекрывая гул толпы, и указал на окна верхних этажей. Взгляды моментально метнулись вверх, и Амадео, никем не замеченный, скользнул внутрь здания. Охрана шагнула вперед с намерением преградить путь, однако, узнав его, отступила.

— Просто ужасно, — констатировал он, стягивая шапку. Волосы черным потоком скользнули на плечо. — Каждый раз таким способом проникать сюда... Неужели тебе приятно выслушивать такое дни напролет? По-моему, это отвратительно, не находишь?

— Только когда в толпе слышится твой голос, принц, — Ксавьер не отрывался от бумаг.

Судя по мятой рубашке, пробившейся на щеках щетине и красным глазам, он не уезжал домой со вчерашнего вечера. — Для меня это как ножом по сердцу. Зачем ты пришел?

— Несмотря на то, что Лукас вчера клялся не переступать порог дома, сегодня он снова явился. На этот раз под ручку с Викторией, которая вела себя чрезвычайно мило. Видимо, Лукас надеялся, что отец смягчится, но он, как и я, эту женщину терпеть не может, — Амадео поставил перед Ксавьером пакет. — Это тебе от Розы, похоже, ты со вчерашнего дня ничего не ел.

— Не стоило так беспокоиться. Я в порядке.

— Если упадешь в голодный обморок, то пропустишь день расчета с Валентайном, — поддел Амадео. Ксавьер, недовольно поморщившись, взял пакет. — Сегодня Виктория просто превзошла саму себя. Строила глазки всем без исключения, начиная с Дэвида и заканчивая Кристофом. Пыталась убедить всех в том, что она — ангел небесный. Насквозь лживая змея. Ты знаешь о ее «особом» отношении ко мне, поэтому я предпочел сбежать на пару часов. Не хочу снова ругаться с братом из-за нее.

— Лукас ставит личные отношения выше бизнеса. Это неверный подход. Возможно, поэтому Кристоф и отказался отдавать компанию ему, — Ксавьер поднялся и с наслаждением потянулся. — Жена не должна ничего спрашивать, не должна встречать в бизнес. Если уж угораздило жениться, то твой брат должен был в первую очередь составить грамотный брачный контракт, чтобы держать Викторию подальше от своих денег.

— Я предлагал помощь. Он отказался. А в результате оказался виноват я, и все из-за того, что Виктория положила на меня глаз с самой первой встречи, — Амадео подошел к мини-бару и достал бутылку минеральной воды.

— Лукас слишком глуп, чтобы поставить ее на место. Жена не должна знать ничего о бизнесе, о деловых партнерах, ни о чем. Ее дело — дом и дети. Если бы Викторик изначально ориентировали на это, никаких проблем бы не возникло, — Ксавьер открыл пакет и с видимым удовольствием вдохнул запах свежеприготовленной еды. — Лукас сам виноват, что обожествил ее, поэтому сейчас и валяется в грязи у ее ног. У него даже не хватит духа развестись.

Некоторое время Амадео терпеливо ждал, пока Ксавьер расправлялся с содержимым пакета. Шум на улице то стихал, то вновь возобновлялся, когда очередной несдержанный пикетчик в порыве гнева выкрикивал оскорбления. Сидели бы они все дома, ни у кого не возникло бы желания бунтовать, невесело подумал Амадео. Этих несчастных переполняла злость на то, что приходится мерзнуть, сжимая ледяными пальцами плакаты, а вовсе не на Ксавьера Санторо. Но уйти сейчас означало расписаться в своем бессилии. Боязнь того, что их могут засмеять за проявленную слабость, заставляла их торчать на холоде, держа за руку детей, которые даже не понимали, против чего или кого они бунтуют.

— Не думаю, что Виктории нужны его деньги, — осторожно произнес Амадео, когда Ксавьер закончил с обедом. — Ее отец достаточно богат...

— Женщинам всегда нужны деньги, Амадео. Они — опасные и коварные существа. Доверять им нельзя ни при каких обстоятельствах.

— Даже Ребекке?

— Она мне должна. Я уверен, что она меня не предаст, но не исключая этого. Поэтому хочу тебя предупредить — никому не доверяй. Особенно женщинам. Вести с ними дела — нет. Никогда. Они очень опасны, Амадео, запомни мои слова.

— Откуда у тебя такое недоверие? Неудачное партнерство?

Ксавьер внимательно посмотрел на него. Амадео придал лицу выражение легкой заинтересованности, хотя на самом деле сгорал от нетерпения и надеялся, что бессонная ночь и сытная еда притупили проницательность партнера.

— Долгая история, — наконец ответил Ксавьер, и Амадео мысленно поздравил себя с победой.

— Я никуда не тороплюсь, — он поудобней устроился в кресле. — Не хочу появляться дома, пока Виктория там.

Друг задумался, вертя в руках сигаретную пачку.

— Что ж. Раз тебе так хочется узнать, расскажу. Но предупреждаю — история долгая, поэтому наберись терпения. Ты уже знаешь, что я ушел из дома в четырнадцать.

Амадео кивнул, на этот раз нетерпеливо, но Ксавьер этого не заметил. Мысленно он уже перенесся в прошлое.

Пиковая дама

— Э! А ну стоять, ворюга!

Самый обычный окрик, полный растерянности, возмущения и ярости. Так всегда бывало, и главное сейчас — дать деру, пока не поймали.

Кошелек исчез в свободной куртке, и Ксавьер, завернув за угол, замедлил шаг, разве что посвистывать не начал. Обитатели Грязного района не удостаивали его даже взглядом, всего лишь очередной мальчишка, коих были здесь десятки, если не сотни.

— Сегодня меня ждет знатный ужин, — пропел он под нос, нащупывая украденное.

Улов оказался удачным — бумажник прямо-таки лопался от переполнявших его купюр. Распихав деньги по карманам, Ксавьер швырнул бесполезный кусок кожи в мусорку.

Уже третий месяц он промышлял воровством, и его все устраивало. Гнуть спину за жалкие гроши? Вот еще. Он за день зарабатывает больше, чем несчастные мальчишки в бакалейной лавке старика Пита за неделю! Еще никому не удавалось так ловко обчищать карманы, с такой профессией он точно с голоду не умрет.

— Эй, Пол! — он плюхнулся за шаткий столик в забегаловке «Вкуснятина». — Дай мне большой кусок мяса и выпить чего-нибудь.

— Мелкий еще, чтобы пить! — отозвался пожилой хозяин. — Бабки есть?

— Ну конечно! — оскорбился Ксавьер. — Я всегда плачу, ты же меня знаешь!

— Ладно, ладно, — Пол добродушно усмехнулся в густые усы. — Сейчас будет тебе еда.

Через несколько минут Ксавьер с аппетитом уплетал пережаренное мясо и подгоревшую картошку. Стол то и дело норовил завалиться набок, от жаровни за стойкой несло прогорклым маслом, но все было отлично. Он был свободен. Он мог делать, что хочет, есть то, что хочет. Сам себе хозяин. Не жизнь, а мечта!

— И долго ты так болтаешься? — спросил Пол, протирая заляпанные стаканы. — Месяца два, не меньше, да?

— Три, — с набитым ртом ответил Ксавьер. — А что?

— Родители-то где?

— Нету.

— Ни у кого нету, — понимающе сощурился Пол. — Ладно, дело твое. Налить что?

— Колы.

В стакане даже оказался лед. Пол был неплохим мужиком, хоть и жутко ворчливым. Но никогда не отказывал в помощи, и даже в первые дни кормил Ксавьера бесплатно. Но тот с ним рассчитался в полной мере после первого же улова — добрые дела нельзя забывать. Кто знает, когда в следующий раз придется голодать.

Закончив, Ксавьер положил на стол купюру и прижал ее пустым стаканом.

— Сдачи не надо. Я сегодня добрый, — широкая ухмылка осветила лицо.

— Иди ты! — рявкнул Пол. — Добрый тут выискался! Скажи спасибо, что вообще кормлю!

— Я ж тебе плачу, ты не можешь мне отказать, — усмехнулся Ксавьер. Любимая фраза, которая будет сопровождать его всю жизнь.

На улице небо заволочло сизыми облаками. Задул душный ветер, гоняя мелкий мусор по серому, в трещинах, асфальту, вот-вот собирався хлынуть дождь. Ксавьер быстро зашагал по

улице к дому, который считал своим укрытием на этой неделе. Он часто их менял, опасаясь полиции.

— Эй, смотри, куда прешь! — завопил молодой парень, едва не налетев от случайного тычка Ксавьера на пожарный гидрант.

— Простите, извините, — виновато пробормотал Ксавьер, опустив голову и скрыв лицо за воротником куртки. Проскользнув мимо, ускорил шаг, стремясь поскорее скрыться за углом, и там можно будет нестись во весь опор.

— Извините, тоже мне... Эй! Эй!! Мои бабки! А ну вернись, ты!

Ксавьер перешел на бег и наконец повернул за вождеденный угол, но дорогу преградили двое парней, отличающиеся от первого более мощным телосложением.

— Ну-ка гони то, что стырил, щенок, — пробасил один из них.

— Ничего я не тырил, дайте пройти, — набычился Ксавьер, попытавшись обогнуть их, что на узкой улочке оказалось невозможным.

Сзади подошел тот, на кого он наткнулся. Щуплый, низкого роста, похожий на крысу. Сходства добавляли щегольские, как ему казалось, усики, тщательно размазанные под носом.

— Ты спер мои деньги, мразь! — пискляво крикнул он. — Думаешь, можно обмануть вора, а?

— Так ты вор? — заинтересованно повернулся Ксавьер.

— Нет, блин, хрен собачий! Ну конечно вор!

— Хреновый их тебя вор, раз позволил себя обокрасть.

— Че сказал?! Майки, держи-ка его.

Кулак врезался в челюсть Ксавьера, но тот успел немного отклониться, и серьезного ущерба не получил.

— Ты еще и дергаться будешь?! — мелкий прыгал вокруг него, как разъяренный тушканчик. — Майки, я сказал, держать, какого черта он уклоняется?!

— Держу! — рыкнул тот. — Я виноват, что ли, что он вертлявый, как змея.

— Э, парни, а может, договоримся? — обезоруживающе улыбнулся Ксавьер. — Я не знал, что вы тоже воры, правда. Давай так, я верну все, что у тебя украл, плюс пять процентов. Идет?

Мелкий задумался. В голове защелкали счеты, усики слегка подергивались, как у крысы, почуявшей что-то вкусненькое.

— А ты дело говоришь. Только я согласен на десять.

— Семь, — не моргнув глазом Ксавьер. — Семь процентов, и разойдемся по домам.

Тот прищурился, подозрительно оглядывая его с головы до ног. Вид Ксавьера доверия не внушал — высокий, как каланча, худой, да и смазливый для такого места, как Грязный район. Видать, жизнь еще попортить не успела.

— А ты меня не надуешь? Может, мне просто тебя обыскать и вытрясти все, что у тебя в карманах? Откуда у такого шпендика деньги?

— Я бы спросил то же самое, если бы пятью минутами раньше тебя не обокрал.

— Ах ты... — мелкий рванул было к нему, но затем вдруг рассмеялся. — А ты, однако, любопытный, очень любопытный. Слушай, — он сдвинул кепку на затылок, — я тут подумал, раз у тебя такие ловкие руки — почему бы нам не подружиться?

— Дружба с самым профессиональным вором Грязного района? — Ксавьер изобразил на лице ошеломленную радость. — Да ты шутишь!

Лесть попала в цель. Мелкий смущенно потупился.

— Ну ты сказал, самым профессиональным... Так, могу кое-что.

— А можешь научить меня?

Воришка задумался. Такой прыти от мальчика он не ожидал, но ему это понравилось. Может выйти толк, если правильно воспитать.

— А что, у меня никогда ученика не было. Почему нет? Но ты отдаешь мне десять процентов с добычи.

— Мы договорились на семь, — безмятежно улыбнулся Ксавьер. — Или благородные воры не держат слово?

— Ах ты ж! — мелкий в досаде бросил кепку на землю. — Ладно! По рукам. Майки отпусти ты его уже, он теперь со мной. А ты, — он ткнул Ксавьеру пальцем в кончик носа. — Попробуешь меня обмануть — достану из-под земли. Ты себе не представляешь, с какими людьми я знаком. Поверь, их лучше не злить.

Так Ксавьер вступил в банду, которую местные называли не иначе как «прозрачные руки». Стоило кошельку попасть к ним, и он словно растворялся в воздухе, и к чистоте рук было не придраться. В банде существовала своя иерархия, и, по счастливой случайности, мелкий, который носил кличку Щипач, оказался одним из приближенных большого босса. Сам он на дела не ходил, предпочитая лишь отдавать приказы да контролировать воровские точки. В тот день, когда Ксавьер наткнулся на него, он совершал обход по своему району. Нелегалезованные воры, как объяснил Ксавьеру Щипач, находились в жуткой немилости у большого босса, и им лучше было не попадаться на глаза. То, что Ксавьера приняли в банду, не сломав ему ни единого пальца, Щипач называл не иначе как удачей. Естественно, удачей он именовал самого себя.

— Теперь ты мне обязан, пацан, — любил повторять он, глядя на Ксавьера снизу вверх. — Я за твою задницу поручился, так что она моя.

— Моя задница никому не принадлежит, дурак ты мелкий, — ласково отвечивал Ксавьер, похлопывая Щипача по макушке. — Но сердце я тебе, пожалуй, отдам.

— Иди ты! — отбивался тот. — Вечные шуточки... Марш на дело, и без добычи не возвращаться!

Ксавьер быстро продвигался по карьерной лестнице, если можно было так называть череду званий сомнительной почетности. Он научился куче способов кражи, начиная от отвлечения внимания клиента и выуживания из кармана добычи и до разрезания сумок и карманов тонким ножом, который всегда носил в рукаве. Щипач нарадоваться не мог, насколько талантливый вор ему достался, и не уставал хвалить его перед большим боссом, с которым Ксавьер имел несчастье скоро познакомиться.

Прошло три года с момента присоединения к банде. В один прекрасный день Щипач известил Ксавьера о том, что сам Десмонд Перальта желает с ним увидеться. На вопрос, кто это вообще такой, Ксавьер получил подзатыльник и наказ не задавать глупых вопросов.

Жилище этого Десмонда неприятно поразило Ксавьера. Старый дом, в котором сломали половину этажей и перегородок, был безвкусно оформлен в стиле английского особняка девятнадцатого века. На стенах видели картины, написанные художниками с явными психическими отклонениями, скульптуры тоже оставляли желать лучшего. Ксавьера затошнило, когда он решил задержать взгляд на одной из них, изображавшей обнаженную женщину. Змея охватывала ее бедра, а хвост твари терялся во рту женщины.

— Да, вкус у него отвратный, я знаю, — бормотал Щипач, явно нервничая. — Но что тут поделаешь, спорить с ним никто не смеет.

Десмонд спустился к ним. Светловолосый, уже начавший полнеть мужчина, бордовый халат неприлично распахнут. Бокал вина, который он успел наполовину опустошить, явно был не первым — мужчина покачивался, глаза безумно сверкали.

— Ах, Ксавьер! — воскликнул он, откидывая бокал в сторону. Стекло зазвенело, разбиваясь о каменный пол, но Десмонд не обратил на это ровным счетом никакого внимания. — Значит, ты и есть тот самый талант, о котором мой дружок все уши прожужжал? — он обхватил Ксавьера за плечи идохнул ему в лицо замечательным винным паром.

— Да, — Ксавьер с трудом подавил желание отстраниться и выбежать на свежий воздух. — Это я.

— Отлично! — Десмонд, казалось, трезвел прямо на глазах. — У меня есть для тебя работа. Щипач, пошел вон.

— Что?! — возмутился тот. — Но я...

— Я сказал, пошел вон, Щипач, — дождавшись, когда за вором закроется дверь, он снова приобнял Ксавьера за плечи. — Видишь ли, в чем дело. Ты очень талантливый паренек, насколько я слышал. Как ты смотришь на то, чтобы сменить сферу деятельности?

— Простите? — Ксавьер не понимал, чего хочет от него этот странный тип. Взгляд снова натолкнулся на одну из тошнотворных картин, и его замутило.

— Воровство, конечно, прибыльный бизнес, но не такой прибыльный, как некоторые другие. Я хочу предложить нечто большее, то, что соответствует твоим нераскрытым талантам.

— И что же это? — Ксавьер усиленно делал вид, что его это слабо интересует.

Десмонд заглянул ему в глаза. Для этого ему пришлось приподняться на цыпочки.

— Торговля дурью, мой друг. Торговля дурью.

— А чего так дорого? — возмутился очередной прожженный наркоман, почесывая сгиб локтя. — Раньше стоило всего четверть сотни!

— Полтинник. Не меньше, — твердо стоял на своем Ксавьер. — Не я устанавливаю расценки, вы все прекрасно это знаете. Можешь, конечно, сходить к другому толкачу, но кто даст гарантию, что он не продаст еще дороже?

Тот, помявшись, вытащил из кармана грязных джинсов засаленную мятую бумажку и сунул ее в руку Ксавьера. Обратнo перекочевал небольшой пакетик.

Уже больше полугода Ксавьер «работал с людьми». Десмонд выделил ему точку на пересечении двух улиц неподалеку от особняка, и теперь каждый день нестройными рядами сюда тянулся весь пестрый контингент Грязного района: проститутки, воры, местные бандиты. Подбегало даже несколько детей, но Десмонд строго-настрого запретил продавать наркоту им, что вполне устроило Ксавьера. Взрослые хотя бы сами делают свой выбор, дети же смотрят на взрослых, когда еще не имеют собственного мнения, и учатся на их примере. Девять из десяти, что в будущем они все равно подсядут, но, по крайней мере, это будет их собственный выбор.

Дури в кармане оставалось доз на десять. Если повезет, через полчаса он закончит. Десмонд приказал зайти после работы. Намечается одно мероприятие, и он хочет отправить туда Ксавьера в качестве своего представителя. Что за мероприятие, Ксавьер даже спрашивать не стал. Наверняка очередной слет местных главарей — от наркодельцов до воров. Примерно раз в месяц они собирались и обсуждали различные вопросы, связанные с управлением Грязным районом, распределяли точки, договаривались о процентах от

прибыли. Ксавьер побывал уже на трех таких заседаниях и жадно внимал каждому слову. Перед ним открывался целый новый мир, в котором он вполне мог подыскать себе местечко.

Последний пакетик переключался в руки очередного страждущего, и Ксавьер прогулочным шагом направился к особняку. Стояла отменная погода, солнце ласково припекало, несмотря на позднюю осень. Опасаться было некого — мало кто из копов совался в Грязный район, да и взять его было не за что — наркотиков при себе не осталось.

Охранник у особняка приветливо кивнул ему. Ксавьер ответил тем же и зашел под мрачный свод отвратительной гостиной.

Десмонд уже ждал его, наливая в высокий бокал вино. Из такого же пьют лишь шампанское, подумал про себя Ксавьер, но вслух препираться не стал. Пусть этот хрыч убивает себя чем угодно.

— Вы хотели меня видеть, господин Перальта? — он склонил голову в вежливом поклоне.

— А, Ксавьер, — Десмонд поднял бокал. — Твое здоровье. Переоденься, — он указал на диван, на котором была сложена одежда. — Сегодня вечером у тебя выход в свет.

— Простите? — Ксавьер взял предложенную одежду и несказанно удивился: строгий костюм и белоснежная рубашка. Совсем не та форма, что была принята на заседаниях администрации Грязного района.

— Сегодня состоится прием, на котором соберутся влиятельнейшие дельцы этого города. Смекаешь? Не района. Всего города, — Десмонд залпом осушил бокал и не замедлил его снова наполнить. — Сам я поехать не могу, но ты зарекомендовал себя просто потрясающе. Такой хваткой никто не может похвастаться. Твои продажи практически вдвое превосходят доходы других, представляешь, насколько это сумасшедшая цифра?

— Вполне представляю, господин Перальта, и все же...

— Тебе всего лишь нужно будет ходить, улыбаться, здороваться, все, как у богачей обычно происходит, — Десмонд махнул рукой, и часть вина выплеснулась на ковер. — Надо же, какая досада... Пробудешь там где-то час-полтора, а потом можешь уезжать. Ничего важного делать не придется, это просто визит вежливости. А теперь переодевайся. Прием начинается через час.

Для такого дела Перальта даже выделил машину — отполированный до блеска «кадиллак» лохматого года выпуска. Ксавьер чувствовал себя очень важной птицей, когда сел на заднее сиденье и скомандовал, чтобы водитель трогался. Ему все больше начинало нравиться играть в наркоторговца.

В одном Десмонд оказался прав: Ксавьеру даже не пришлось ни с кем разговаривать.

Он ловко лавировал между нарядно одетыми гостями, иногда улыбаясь и кивая. Только напускная вежливость, только неизменный ответ «отлично» на вопрос «как дела», и больше ничего. Никто не приставал с расспросами, что он тут делает, кто он вообще такой. Всем было наплевать.

Ксавьер наконец добрался до стойки и заказал стакан виски. По закону он уже имел на это право: на прошлой неделе ему исполнилось восемнадцать. Пригубив напиток, облокотился о стойку и вперил взгляд в толпу.

Какие же они отвратительные, эти люди-жабы, с омерзением думал он. Квакают ненужные приветствия, лыбятся, растягивая губы в подобие улыбок, строят из себя святых, а после приема снова пойдут вершить грязные дела. Неужели и ему когда-то придется стать таким, чтобы выжить в этом опасном бизнесе? Ксавьер раздраженно фыркнул. Вот еще.

Разумеется, они должны скрываться от закона, но что их заставляет скрываться от таких же, как они?

Глаз выхватил стремительно блеснувшее золото где-то в глубине толпы, и Ксавьер тут же насторожился, как пес, почуявший жирного фазана. Всех без исключения дам украшали золотые кольца, браслеты, бриллиантовые колые, серьги, но не это привлекло внимание. Попробуй, сними украшение в такой толпе, да еще и так, чтобы жертва не сразу хватилась пропажи! Нет, здесь намечалось кое-что поинтересней.

Ксавьер поставил стакан на стойку и, стараясь не привлекать внимания, двинулся сквозь толпу к объекту вожделения. Красивая рыжеволосая женщина в струящемся до пола платье изумрудного цвета демонстрировала собравшимся вокруг нее мужчинам красный бархатный футляр, блеск из которого и привлек Ксавьера.

— Это потрясающе, госпожа Жаклин! — с легким акцентом воскликнул лысеющий мужчина в безвкусном бордовом пиджаке и галстук в тон. — И где вам удастся доставать такие редкие вещи?

— О, мсье Жерар, вам лучше этого не знать, — она ослепительно улыбнулась, закрывая крышку. — Но я не могла не похвалиться им. К сожалению, мой сегодняшний наряд не располагает к ношению такого громоздкого украшения, но обещаю, на следующем приеме вы обязательно увидите его на мне.

— Будем ждать, госпожа Жаклин, будем ждать, — рассмеялся тот. — Уверен, он будет смотреться еще ослепительней на вашей прелестной ручке, — он склонился и коснулся губами тыльной стороны ладони женщины.

Жаклин открыла сумочку и сунула туда футляр. Глаза Ксавьера вспыхнули от радости. Проще не бывает! Уж из сумок он наловчился таскать ценности, как заправский невидимка!

Видеокамеры, напомнил он себе. Тут наверняка везде видеокамеры. Поэтому стоит пропустить нескольких человек вперед, чтобы обеспечить прикрытие.

Вот он. Тот самый момент. Жаклин чуть отклонилась назад, запрокидывая голову, чтобы посмеяться очередной сальной шутке лысеющего кавалера. Ксавьер шагнул вперед одновременно с какой-то очень толстой дамой, разряженной в пух и прах, и ее молодым спутником, который явно не понимал, что он здесь делает.

Осторожно. Главное в таком деле — не торопиться. Спешка всегда только вредит. Конечно, в спину подгоняет страх, что его вот-вот засекут, повсюду полно охраны, но ведь всегда можно обратить все в шутку, верно?

Через мгновение пальцы обхватили заветный футляр. Ксавьер сунул его под пиджак, вознося хвалу богам и Десмонду за то, что одежда чуть велика, и спокойно пошел дальше, кивая и улыбаясь всем встречным.

Полицейский сильно пихнул Ксавьера в спину. Тот едва устоял на ногах, и если бы не решетка, точно загремел бы на пол.

— Попался наконец, крысеныш, — выплюнул коп, помахав перед носом парня пакетиком с порошком цвета слоновой кости. — Будешь знать, как торговать этой дрянью посреди улицы. Посиди и подумай о своем поведении. Лет этак восемь!

— Могли бы просто попросить дозу, я бы сделал большую скидку служителям закона, — усмехнулся Ксавьер, сплевывая кровь.

— Че сказал, малец? — мгновенно вскинулся полицейский. — Побереги свой острый язык для суда, парень. Тебе светит до хрена лет в каталажке, так что не советую корчить из себя героя.

— Пошел ты, — Ксавьер вытер губы. — Некоторым нужно сильно постараться, чтобы набить такое же огромное пузо, как у тебя, свинья в форме, — он сел на пол, прислонившись спиной к стене — даже продавленной койки в камере не оказалось. — Не визжи и дай мне отдохнуть.

— Видать, сильно ты устал, торгуя этим дерьмом! — полицейский достал дубинку и теперь постукивал ей по ладони. — Но я тебя научу уважать старших, ох как научу...

— Ортис, — прервал его сунувшийся в дверь сержант. — Тебя шеф требует. Срочное дело, говорит.

Тот презрительно плюнул в сторону Ксавьера.

— Потом с тобой закончу, мартышка.

— Камеру вымоешь? — ехидно отозвался тот.

Его взяли прямо посреди улицы. Похоже, облаву готовили давно, иначе Ксавьер успел бы смыться. Ни машины, ни подозрительных людей он не заметил, лишь один тип подошел и попросил курнуть. Не успел Ксавьер опомниться, как уже сидел на заднем сиденье полицейской машины, руки были скованы наручниками, а под носом размазались кровавые потеки. Полицейский, такой толстый, что между пуговицами форменной рубашки проглядывала белая майка, измывался над арестованным, пока того везли в участок.

Так глупо попасться! Ксавьер в отчаянии пнул решетку. Если за него не вступится Десмонд, а тот не станет, ему светит очень долгий отпуск в тюрьме. И никакой надежды на досрочное освобождение.

Ксавьер опустил голову на скрещенные руки. Остается лишь ждать чуда, а, как известно, чудес не бывает.

Но не успел он погрузиться в невеселые мысли до конца, как грохот дубинки по решетке заставил вскинуть голову.

— Ты, — недовольно прорычал Ортис. — На выход.

— Что? Куда?

— На свободу, — еле выдавил из себя полицейский. Видимо, никак не мог с этим смириться. — Выпускают тебя под залог.

— Серьезно? — Ксавьер не мог поверить ушам. Неужели Десмонд все-таки решил помочь?

— Серьезней некуда, ты выходишь или тебе тут понравилось?! Выметайся отсюда, отброс, чтобы духу твоего тут не было через три секунды. Живо!

— Что, правда? — Ксавьер выскочил из камеры, опасаясь, что страж закона передумает. — Ну тогда верни мне мои вещи и — adios!

— Заберешь у своего дружка, — выплюнул полицейский. — Пошел вон.

Ксавьер бодрой ланью проскакал к выходу, оглядываясь в поисках Десмонда. Того видно не было, однако какой-то мужчина в строгом костюме подошел к нему, протягивая руку:

— Ты поедешь со мной, Ксавьер, или как там тебя.

Тот покосился на ладонь, но руки не подал.

— Кто вы? Я вас не знаю и не собираюсь садиться в машину к каким-то левым типам.

— Джейкоб меня звать. Хочешь узнать, кто тебя освободил, или как? — железные пальцы сомкнулись на запястье, и Ксавьер инстинктивно дернулся, угодив прямо в объятия подошедшего громилы.

— Какая мне разница, пусти! И ты тоже отвали! — рявкнул он на второго. — Откуда вы

вообще взялись, черт...

Джейкоб с напарником подтащили его к припаркованному у управления полиции автомобилю и зашвырнули на заднее сиденье. Джейкоб, опершись о крышу, наклонился к Ксавьеру.

— Я бы не советовал дергаться. Если не едешь с нами — топаешь обратно в тюрьму. Что выберешь?

— А ты как думаешь, — обиженно хмыкнул Ксавьер. — Кто захочет снова лицезреть жирную тушу того хряка.

— Умный мальчик, — Джейкоб обошел машину и сел за руль.

Всю дорогу Ксавьер пытался выяснить, куда его везут, но Джейкоб и его напарник молчали, как рыбы. В конце концов, он бросил это бесполезное занятие и начал следить за дорогой на случай, если придется бежать. Мимо мелькали вывески дорогих магазинов, ресторанов, кажется, попался даже какой-то элитный клуб... Ксавьер с интересом вытягивал шею — в таком богатом районе он еще не бывал. Вот бы прогуляться тут с часик... На улов, который удастся добыть, можно безбедно жить полгода! А то и год, если сильно не раскидываться.

Сладкие мечты прервал пронзительный автомобильный сигнал, и Ксавьер высунулся из-за сиденья. Высокие кованые ворота распахнулись, пропуская машину, и парень раскрыл рот. Они въезжали на частную территорию.

Выйдя из машины, Ксавьер застыл, пытаясь охватить взглядом сразу все. Безуспешно, поместье, а иначе назвать это было нельзя, поражало своими размерами. Огромный сад был весь в цвету, мощные булыжником дорожки разбежались в разные стороны, насколько хватало глаз. Где-то слышался плеск воды, похоже, за кустарником пробегал ручей. А может, там располагался и пруд.

— Топай, — Джейкоб не слишком вежливо подтолкнул в спину, и Ксавьер подчинился.

У входа его обыскал охранник, несмотря на заверения Ксавьера, что у него все отобрали еще в тюрьме. Джейкоб подтвердил его слова, помахав бумажным пакетом, где должен был находиться лишь нож — неизменный атрибут любого, кто рисковал выйти на улицы Грязного района.

Изнутри дом поражал еще больше, чем снаружи. Ксавьеру даже показалось, что он попал во дворец какой-то знатной особы, если бы такие водились в городе. Вокруг было полно антикварных вещичек, по виду — очень дорогих, стены украшали картины весьма странного, но привлекательного содержания. Ксавьера провели по длинному коридору, заставили подняться на второй этаж — и вот он уже стоит перед изящными резными дверями. Они были чуть приоткрыты, и оттуда доносился чей-то красивый переливчатый голос.

Пол устилал мягкий голубой ковер, и Ксавьера заставили разуться, прежде чем впустили внутрь.

Кабинет порастил Ксавьера куда больше, чем роскошь остального дома. По-деловому строгий, без излишеств, только букет дельфиниумов в высокой вазе выделялся ярким фиолетовым пятном. У большого окна, подернутого полупрозрачными занавесками, стоял светлого дерева стол, гладкий, без ненужной и неуместной резьбы.

За ним сидела женщина. Рыжие волосы вспыхивали огнем в лучах полуденного солнца, голубое платье без рукавов обтягивало большую грудь и стройную талию. Изумрудные глаза слегка сощурились, когда она поднесла к губам бокал с вином и с видимым наслаждением

сделала глоток.

— Ксавьер Перейра, — пропела она. — Наконец-то выпала возможность встретиться с тобой лично.

— Ты еще кто такая? — презрительно спросил Ксавьер, но тут до него дошло. Глаза расширились, он отступил, но наткнулся спиной на Джейкоба. Тот ткнул его кулаком в спину.

— Стой на месте.

— Вижу, ты меня не забыл, — обворожительно улыбнулась Жаклин. — И я тебя тоже. Иначе не стоял бы ты сейчас на этом месте, а гнил бы в тюрьме, — она демонстративно покрутила рукой. Запястье охватывал массивный золотой браслет, изумруды, искусно вделанные в оправу, перемежались с бриллиантами, вспыхивая на солнце. — Тебе знакома эта вещь?

Ну конечно, черт побери, она мне знакома, зло подумал Ксавьер. Сам же загонял ее три месяца назад в ломбард. Выручил хорошие бабки, просто отличные, да еще и гордился тем, что его никто не засек. Серьезный просчет. Вслух же он сказал:

— Никогда раньше не видел. Дорогая вещь?

— Даже не представляешь, насколько. Хотя куда тебе с твоим доходом в несколько сотен в неделю, — она отпила еще вина. — Я приказала выкупить его из ломбарда. Признаться, ты продешевил.

— Выкупить собственную вещь? — Ксавьер ничего не понимал. — Но... но зачем?

— Я могла бы засадить тебя в тюрьму до конца дней за эту выходку, однако у меня появились другие планы. Ты куришь?

Ксавьер кивнул.

— Угощайся, — она протянула серебряный портсигар, и Ксавьер несмело взял сигарету. Вкус оказался даже лучше, чем он мог мечтать, несравним с той смоляной соломой, которую можно было достать в Грязном районе.

Короткая передышка дала время подумать. Эта женщина не просто так решила потыкать его носом в собственный проступок, нет. Здесь кроется что-то еще. Стоит ли признаваться в краже или стоять до последнего? Еще тогда, на приеме она показалась опасной, и сейчас это чувство только усилилось.

Лгать ей явно не стоило. Поэтому Ксавьер покаянно опустил голову и пролепетал:

— Я не знал, я... Простите, что украл вашу вещь, наверняка это был подарок но... Я подумал, что такой красивой женщине лишние украшения ни к чему, — он нарочито громко шмыгнул носом. — Если хотите меня убить, сделайте это прямо сейчас, пока я готов.

Джейкоб издал недоуменный возглас. Жаклин же поднялась из-за стола и подошла к нему. Ксавьер не поднимал головы и просто ждал, удастся задумка или нет. Если разыграть жертву, не сумевшую справиться со своей тягой к прекрасному, то все еще может обойтись. Тем более Жаклин — женщина, а они падки на лесть.

— Прекрати этот дешевый спектакль, Ксавьер Перейра, — сказала она, и тот с отчаянием понял, что трюк не удался. — Думаешь, ты первый? Я много повидала пареньков вроде тебя, но еще ни один не решался на такой смелый шаг. Ты ведь отлично знал, что там были камеры, не так ли? И, тем не менее, обокрал меня. Что ж, иногда риск действительно оправдан.

Ксавьер поднял голову.

— Почему вы сразу не подняли бучу? Вы же могли схватить меня и...

— И — что? Избить до полусмерти, а потом утопить в море? Нет, я была просто поражена наглостью твоего преступления, и это мне даже в голову не пришло, — она усмехнулась, слегка искривив полные губы. — Поэтому я просто установила за тобой наблюдение. Ты работаешь на Десмонда?

— Да, — Ксавьер решил не скрывать ничего.

— С сегодняшнего дня будешь работать на меня. Забудь о Десмонде, ты ему больше не принадлежишь, — она вынула из серебряного портсигара тонкую сигарету. — Ты принадлежишь мне.

Ксавьер едва не скривился от подобной формулировки, но вовремя сдержался. Быть чьей-то собачкой, хоть и на длинном поводке? Да никогда в жизни он не позволит обращаться с собой так!

— Я украл у вас очень ценную вещь, а вы решили меня приютить? В чем подвох?

Она удивилась. Изящные брови чуть приподнялись, сигарета застыла на полпути к губам.

— Подвох? Я предлагаю работу, а ты ищешь подвох? А ты не так прост, Ксавьер Перейра. Отправив тебя в тюрьму, я ничего не теряю, но оставив при себе, приобретаю отличного работника и приносимую тобой прибыль. Впрочем, у тебя есть выбор.

— А если я откажусь?

Глаза Жаклин превратились в два застывших изумруда.

— Тогда отправишься в тюрьму. Все обвинения вернутся на свое законное место, и ты отсидишь положенный срок. А он немалый, учитывая, в чем тебя обвиняют.

Ксавьер задумался. Он хорошо рассмотрел поместье Жаклин, когда его вели сюда, и понимал, что так просто отсюда не сбежать. Но из тюрьги выбраться куда сложнее, да и не хотелось проводить всю молодость в четырех стенах. Тут хотя бы открывались новые перспективы.

— Ответ очевиден, — он взял со стола зажигалку и поднес к сигарете Жаклин. — Моя госпожа.

— Улица — слишком тесное место для такого перспективного молодого человека, как ты, — твердила Жаклин. — Попался на наркотиках, так? Что ж, больше не попадешься. Я научу тебя всему, что знаю, а взамен ты будешь работать на меня и приносить прибыль. Устраивает тебя этот вариант?

Ксавьера все устроило. Работы значительно прибавилось, с утра до ночи он разъезжал по городу, ведя переговоры, заключая соглашения, распространяя товар такого качества, что разбавленный всякой дрянью порошок Десмонда ему и в подметки не годился. Он действительно вел дела, а не изображал бурную деятельность, лишь бы угодить начальству. Ему хотелось, чтобы Жаклин похвалила его, и Ксавьер всеми силами пытался заслужить это.

— Если попробуешь сбежать — я найду тебя везде. Хоть на Северном полюсе.

Но Ксавьеру и в голову не приходило сбежать. Он нашел свое место в жизни, тщательно учился, схватывая все, даже мелочи, буквально на лету, как ловит птица насекомых.

И Жаклин хвалила его. Но и спуску тоже не давала, нещадно браня даже за мелкие провинности. Однажды он поддался на уговоры одного из своих спутников и скрыл от нее факт употребления наркотиков, которые должны были идти на продажу, но Жаклин быстро его раскусила. Ксавьер не понимал, из-за чего она так взбеленилась. Сотрудник отдал деньги за порошок, Ксавьер присоединил их к общей кассе. Убытка не было. Так почему Жаклин так разозлилась?

— Наркоманам доверять нельзя, — выговаривала она, возвышаясь над съездившимся на стуле Ксавьером. — Ты понимаешь, что за дозу он предаст даже родную мать? А уж про работодателя и говорить нечего. Мне не нужны ненадежные люди, я немедленно его уволю. А ты, если впредь станешь скрывать от меня такую важную информацию, повторишь его судьбу!

Таким образом, правило, что работающие с наркотой люди сами не должны употреблять, Ксавьер усвоил намертво и больше не допускал таких промашек.

— Новый партнер согласился сотрудничать, нам обеспечена доставка товара на запад, — Ксавьер положил перед Жаклин подписанный договор.

— Великолепно. Ты хорошо поработал. А как обстоят дела с компанией «Фарго»? Их новый директор неоднозначно отнесся к моему предложению.

Он улыбнулся и смущенно затеребил футболку.

— Я поговорил с его заместителем и, кажется, смог убедить в правильности решения присоединиться к нам. Он обещал перезвонить завтра утром.

— Вот как? — удивилась Жаклин. — Однако... С ним непросто договориться. Если его заместитель слышать ничего не желает, то до директора информация вообще не доходит. Но тебе удалось. И кстати, — она смерила взглядом футболку и джинсы, в которые был одет Ксавьер. — Почему ты в этой одежде? Кажется, еще неделю назад я приказала тебе проехаться с Джейкобом по магазинам.

— Мисс Жаклин, я не считаю нужным так тратить ваши деньги. Я еще не заслужил...

— Что за глупости ты говоришь? — раздраженно дернула плечом Жаклин. — Ты работаешь на меня, а значит, должен выглядеть презентабельно. Что скажут партнеры, увидев моего представителя в этих обносках? Немедленно бери Джейкоба и отправляйтесь по магазинам. О деньгах не волнуйся, я за все плачу.

Ксавьер впервые почувствовал себя беспомощным сыночком. Ощущение не из приятных, но Жаклин была права. Он уже не зеленый юнец, убегающий от полиции из-за кражи кошелька, он — настоящий делец. Когда-то надо начинать вести себя, как подобает статусу.

— Спасибо за все, что вы делаете, мисс Жаклин. Не знаю, что бы я делал без вас. Наверное, вам уже надоело слушать это каждый день, но вы представить себе не можете, от чего спасли меня, — он взял ее руку и поцеловал.

Хитрый расчет. Она тут же оттаяла и одарила его улыбкой.

— Маленький льстец. Сегодня вечером придет моя подруга. Постарайся выглядеть достойно.

Ксавьер тщетно пытался завязать галстук. Не хотелось ударить в грязь лицом перед подругой Жаклин, но он впервые этим занимался, и пока ничего не выходило. Тяжко вздохнув, он распутал узел, который наворотил, и начал снова.

Этот конец сюда, этот сюда... Вроде бы так показано на схеме... Нет! Снова не то, ну как так может быть? Он с легкостью вникал во все премудрости бизнеса Жаклин, но не мог завязать чертов галстук!

Спокойно, все получится. Надо просто повторить, не торопясь.

Уже год как он работал на Жаклин Коллинз и за это время многому научился. Она сдержала слово, обучая Ксавьера всему, что знала, гоняла его по поручениям, наблюдая, как он справляется с работой, поправляла или хвалила. И Ксавьер старался изо всех сил, чтобы не разочаровать свою спасительницу. Если бы не она, гнить ему сейчас в тюрьме. А в ее

мире полиции можно было не опасаться — с такими связями его даже за неправильную парковку не тронут.

— Долго ты там будешь копошиться? — Джейкоб заглянул в комнату.

— Наверное, до второго пришествия, — мрачно ответил Ксавьер, демонстрируя злополучный галстук.

— Ну что ж ты, — Джейкоб подошел к нему и ловкими, точными движениями затянул петлю. — Вот так это делается. Запомнишь?

— Вряд ли, скорее, найму тебя в учителя, — простонал Ксавьер. — Спасибо. Ненавижу эту удушку.

— Респектабельный господин и выглядеть должен соответственно. Запомни это. Встречают всегда по одежке, а уже потом смотрят, чего ты стоишь.

Ага, именно поэтому все, с кем Ксавьер имел дело за этот год, относились к нему с недоверием. Мальчишкой он выглядел, вот почему. А сейчас, в этом костюме... Ксавьер накинул на плечи пиджак. Черт побери, да он вылитый Джеймс Бонд!

Довольная улыбка расползлась по лицу. Еще один урок выучен.

— Сколько мы уже не виделись, Жаклин, дорогая! — Изабелла, скинув с необъятных плеч меховое манто прямо в руки дворецкому, кинулась обниматься с подругой. — Неужели прошел уже год? А ты все так же прекрасна!

— Не могу сказать того же и о тебе, моя милая, — поддела Жаклин. — А почему же?

— Потому что вы стали еще красивей, госпожа Изабелла, — вступил в разговор Ксавьер, до этого скромно стоящий у двери в гостиную.

Та обернулась к нему. Огромная грудь и не менее огромный живот всколыхнулись под чрезмерно обтягивающим платьем.

— Кого я вижу, — прокватила она. — Это же тот паренек, которого ты подобрала на помойке, не так ли? — она критично осмотрела Ксавьера с ног до головы. — А он хорош, ты только глянь, как изменился!

— Разумеется, он хорош, ты сомневалась в моем вкусе? — усмехнулась Жаклин. — Но давай же пройдем в гостиную.

— О, разумеется, разумеется. — Изабелла проплыла мимо Ксавьера, одарив его соблазняющим взглядом. — Каков красавчик...

Тот вежливо улыбнулся, мысленно содрогнувшись. Изабелла в своем зеленом платье больше всего напоминала жабу. Огромную, жирную жабу. Сходства добавлял клокочущий голос, который будто шел из утробы. Но она — подруга мисс Жаклин, поэтому придется быть с ней вежливым.

— Да, этот паренек оказался просто находкой. — Жаклин присела в кресло. — Невероятно способный ученик.

Ксавьер открыл заранее приготовленную бутылку и разлил вино по бокалам.

— Я всего лишь ваш недостойный помощник, мисс Жаклин.

Изабелла взяла бокал и посмотрела поверх него на Ксавьера.

— Очень, очень приятный молодой человек. Не считите за грубость, я просто не могу удержаться от комплимента в ваш адрес.

Ксавьер изобразил смущение.

— Что вы, я совершенно обычный. Ваши слова заставляют меня краснеть, госпожа Изабелла. Может быть, желаете перекусить? Мисс Жаклин, по моему мнению, питается одним вином.

— Как ты это тонко подметил, — Изабелла рассмеялась. Смех у нее оказался еще хуже внешности. Будто хомяк одновременно захлебывается и задыхается под собственным весом.

С этого дня дела Ксавьера резко пошли в гору, что в очередной раз подтвердило утверждение «встречают по одежке». Больше с ним никто не смел обращаться пренебрежительно, одним своим видом он ясно давал понять, что настроен на основательный разговор и ведет серьезные дела. Ксавьеру были подотчетны практически все линии наркоторговли, он наведывался в лаборатории по производству героина и следил за тем, чтобы качество товара было на высшем уровне. Немало народу уволил за халтурную работу, а от тех, кто был не согласен с существующим порядком, пришлось избавиться окончательно. С его помощью всего за три года империя Жаклин разрослась, приобрела еще большее влияние, подмяла под себя мелкие и начинающие компании. Некоторые Жаклин уничтожила, некоторые сделала своими вассалами. Никто не смел перечить ей. А Ксавьер, как верный рыцарь, всегда был рядом, набрасываясь на непокорных с поистине звериной жестокостью. Его не любили. Его боялись. Но его уважали.

И Ксавьера это полностью устраивало. Жаклин могла гордиться им.

— Господин Перейра, — поклонился охранник на входе. — Вы сегодня рано.

— Образовалось окно между двумя делами, — кивнул тот. — Мисс Жаклин у себя?

— Нет, но она вот-вот будет. Подождете?

— Разумеется.

В офисе Жаклин Ксавьер не без оснований считал себя полноправным хозяином. Она разрешала пользоваться практически всем, разве только не трогать сейф, код от которого он, естественно, не знал. Но эта мера не причиняла никаких неудобств — денег было достаточно, счет в банке с трудом вмещал то количество нулей, которое шло после цифры один, а вся нужная для работы информация была предоставлена. Что Жаклин хранила в сейфе, его не интересовало.

В кабинете он привычно направился к компьютеру, намереваясь поработать немного, пока ждет Жаклин. Ксавьер предпочитал не тратить ни минуты своего времени впустую, за что многие прозвали его «швейцарскими часами». Являлся на встречу минута в минуту, и требовал того же и от партнеров. Хотите завоевать уважение — приходите вовремя, не тратьте ни мое, ни ваше время, любил повторять он. Еще одно неизменное правило, которому он будет следовать в дальнейшем.

Заставка на мониторе исчезла. Ксавьер потянулся мышкой к нужной папке, но внимание привлек мерцающий значок в углу экрана — непрочитанное сообщение. Чтобы мисс Жаклин не вышла из своей почты перед тем, как уехать? Нечто неслыханное. Она была очень осторожна.

Хотя, вполне возможно, она и не ждала Ксавьера сегодня. Перерыв выдался совершенно неожиданно, а ключи от кабинета были лишь у него. Посторонним тут делать нечего.

Ксавьер тряхнул головой и открыл нужную папку, стараясь сосредоточиться на работе. Но мерцающий значок так и притягивал взгляд, отвлекая и умоляя прочесть то, что прислано.

— Нет, — тихо пробормотал он под нос. — Это не мое дело, это касается лишь мисс Жаклин.

Но, допустив пару грубых ошибок в своей собственной работе, все же навел мышь на сообщение и открыл его двойным щелчком.

«Поставка сегодня в 19:00», — сообщал некто по фамилии Сориано. Ксавьер

недоуменно сдвинул брови. Среди партнеров Жаклин человека с таким именем не было, он это точно знал. И что за поставка? Память изменяет или Жаклин внесла какие-то изменения?

Он открыл график и сверился с ним. Никакой поставки в это время не намечалось, что вполне логично — очередная партия еще в процессе, он только сегодня был в лаборатории. Наркотик будет готов лишь через два дня, тогда же и стояла ближайшая дата. Тогда что за поставка? Мисс Жаклин решила без его ведома наладить новые торговые отношения?

Хмурясь, Ксавьер снова щелкнул по сообщению от Сориано. И только сейчас заметил прикрепленный документ.

Он даже раздумывать не стал и открыл его. На экране высветилась таблица из нескольких граф. В первой стоял порядковый номер. Во второй шли имена и фамилии. В третьей — возраст со значком «примерно». В четвертой...

Ксавьер вытаращил глаза.

«Воздействующее вещество».

В каждой строчке химическая формула героина с различными добавками и разной концентрацией.

Ксавьер быстро пролистал документ. Больше пятидесяти имен, возраст колеблется от шести до десяти лет. Это же, черт побери, дети! Быть не может, чтобы мисс Жаклин...

В коридоре послышались шаги и недовольный голос хозяйки:

— Альберт, я, кажется, просила, чтобы ты нанял еще двоих человек для охраны. Где они?

Извиняющийся голос охранника. Затем дверь открылась, и мисс Жаклин предстала на пороге, одетая в легкий летний лиловый костюм. В руке она держала шляпу.

Взгляд изумрудных глаз стрельнул в Ксавьера, невозмутимо сидящего на диванчике возле бара.

— Что ты тут делаешь? Разве у тебя нет работы? — раздраженно произнесла она.

Ксавьер молился про себя, чтобы оттенок подозрительности, прозвучавший в голосе, ему лишь показался.

— Мисс Жаклин, у меня выдалось свободное время, и я решил навестить вас, — как можно вежливее сказал он. — Разве это так плохо?

Выражение лица немного смягчилось.

— Нет. Вовсе не плохо, Ксавьер. На улице ужасная жара, ты не нальешь мне выпить? — она прошла к столу.

Нет, только не садись за компьютер, только не сейчас, взмолился про себя Ксавьер. Но вслух лишь произнес.

— Что желаете, мисс Жаклин?

— Минералку, и побыстрее. У меня куча дел, — она дернула плечом и положила шляпу на стол.

— Слушаюсь и повинуюсь, — улыбнулся он, хотя внутри все кипело от злости. — Какие у вас сегодня планы? Может, мы могли бы поужинать вечером?

— Нет, я занята, — она раскрыла сумочку и достала оттуда помаду.

Конечно, занята. Принимаешь детей для испытания новых сортов героина. Бутылка звякнула о край стакана, и Ксавьер изо всех сил постарался унять дрожь в руках.

Жаклин подняла голову и прищурилась.

— Что с тобой? Ты нездоров?

— Все в порядке, — он протянул ей стакан. — Просто на улице и в самом деле чрезвычайно жарко. Может быть, получил легкий тепловой удар. Но это не мешает мне закончить дела, мисс Жаклин.

— Что ж, ладно, — она сделала глоток. — В таком случае, не теряй времени. У тебя назначено еще три встречи.

— Слушаюсь, мисс Жаклин, — Ксавьер слегка склонил голову и вышел из кабинета.

Лишь удалившись на безопасное расстояние от офиса, он наконец дал волю гневу. Бил руками руль, сжимал кулаки, кусал губы, рычал. Но ничего не помогало. Внутри будто что-то оборвалось. Мисс Жаклин использует детей для того, чтобы тестировать новые наркотики.

К вечеру он без всякого удивления понял, что не хочет возвращаться в квартиру, которую купила ему Жаклин. Никакого желания видиться с ее охраной. Никакого желания звонить и отчитываться о проделанной работе.

Ксавьер сразу же полез под душ, надеясь, что горячая вода смоет чувство унижения. Но ничего не помогало. Он все равно чувствовал себя так, будто вывалился в грязи.

Жаклин не все рассказала о своем бизнесе, но это-то как раз и не удивляло. Поражало другое — его покровительница спасла ему жизнь, но вместе с тем ставила бесчеловечные опыты на детях, которые еще не могли сами себя защитить! Ксавьер потерял младшего брата, и ему вдвойне было больно осознавать, что было бы, окажись на месте одного из этих несчастных Фредерик.

Выйдя из ванной, он обнаружил на мобильнике несколько пропущенных звонков от Жаклин. Интересно, поняла ли она, что в ее почту залезли?

Игнорировать не получится. Иначе она что-нибудь заподозрит.

Один гудок. Второй. Третий.

— И чем же ты был так занят, что не отвечал на мои звонки? — осведомился холодный голос.

— Я был в ванной, мисс Жаклин, простите. Телефон оставил в спальне.

— Два часа? Что можно делать в ванной два часа?

— Кажется, я там заснул, — Ксавьер смущенно хихикнул. — Слишком устал сегодня.

— Ты предлагал ужин. Пожалуй, я приму твоё предложение.

Ксавьера словно ледяной водой окатило. С чего бы это? Она же сказала, что занята, и на семь часов должна быть поставка несчастных детей, планы изменились? Или она все же обнаружила, что Ксавьер узнал то, чего не следует?

Так или иначе, отказываться было нельзя.

— Разумеется, мисс Жаклин, — вежливо ответил он. — Как насчет ресторана «Летний дождь»?

— Ты совсем ничего не ешь, — заметила Жаклин, пригубив вино. — Не голоден?

— Аппетита нет, простите. Наверное, слишком устал, вот и все, — уголки губ Ксавьера чуть приподнялись.

— Странно, — Жаклин посмотрела на него поверх бокала. — Обычно ты ешь за троих. Ты не заболел?

— Говорю же, я всего лишь устал, — Ксавьер взял свой бокал. — А как прошел ваш день, мисс Жаклин?

— Неплохо. Относительно неплохо, — она не сводила с него глаз. — Скажи, ты закончил дела с Реджинальдом? Урегулировал разногласия?

— Разумеется, тут даже особого дара убеждения не потребовалось, — Ксавьер постарался придать голосу оживленности. — Только услышав о планируемой прибыли, он сразу же уцепился за возможность, которую мы собирались предоставить. Даже торговаться не стал.

— Отлично, — она опустила взгляд на полную тарелку Ксавьера. — И все же тебе стоит поесть. Никогда не знаешь, когда удастся насытиться в следующий раз, — легкая усмешка пробежала по губам.

Она знает, вдруг мелькнуло в голове у Ксавьера. Она каким-то образом узнала и теперь просто издевается. Но что с ним сделают за то, что он случайно приоткрыл завесу страшной тайны? Самое вероятное — избавятся. Увезут в лес в пяти мешках и закопают глубоко-глубоко.

Но, с другой стороны, он не мог поверить, что Жаклин способна на такое. Да, она бывала беспощадной к подчиненным, но Ксавьер оставался ее верным другом и соратником уже на протяжении четырех лет. Ему она доверяла больше остальных.

Разве? Ксавьер с трудом подавил желание горько усмехнуться. Доверяла бы — не стала бы скрывать, что занимается делами погрязнее наркоторговли.

— У тебя и в самом деле усталый вид, — Жаклин аккуратно промокнула губы салфеткой. — Езжай домой и хорошенько отдохни. А завтра к девяти часам будь в моем офисе.

— Мне проводить вас до дома? — Ксавьер почти физически ощущал, насколько невыносимой становилась вежливость в отношении этой дамы. Еще немного, и он просто взорвется.

— Не надо. Меня отвезет Джейкоб, — она поднялась, а Ксавьера накрыла волна облегчения.

Ксавьер вбежал в кабинет Жаклин, прижимая к себе стопку бумаг. Она вызвала его не в девять, как говорила вечером, а на час раньше. Он едва успел собрать все имеющиеся отчеты. Сводную ведомость не успел составить, но это ерунда.

— К чему такая срочность, мисс Жаклин? Если вы насчет отчета за месяц, то я почти его закончил, дайте мне еще часик, я успею перепроверить и...

— Нет, — оборвала его Жаклин. — Ты больше на меня не работаешь. С сегодняшнего вечера ты отправляешься в дом к Изабелле.

Ксавьер изумленно раскрыл рот. Затем огромным усилием заставил себя улыбнуться.

— Мисс Жаклин, я люблю ваше чувство юмора. Вы ведь шутите, правда?

Но на прекрасном лице Жаклин не проскользнуло и тени улыбки. Глаза блестели, как два бездушных драгоценных камня.

— Вовсе нет. Я передаю тебя в собственность Изабелле. Еще какие-то вопросы?

Ксавьер нервно облизал губы. В голове все смешалось, он ничего не понимал.

— Но... — наконец выдавил он. — Я ведь работаю на вас. Мисс Изабелла не занимается никаким бизнесом, ее обеспечивают братья, и... Не понимаю, зачем я ей нужен...

— О, ты быстро поймешь, зачем нужен, — женщина усмехнулась. — Но не беспокойся, та работа явно полегче моей. Все. Можешь идти. Вечером Джейкоб заедет за тобой.

Она прошла к столу и потянулась за телефоном, ясно давая понять, что разговор закончен. Ксавьер так и остался стоять, как громом пораженный, не в силах вымолвить ни

слова, и только бессильно сжимал кулаки. Она сняла трубку и быстро набрала нужный номер.

— Реджинальд, это Жаклин. Сегодня вечером у нас запланирована встреча, надеюсь, вы о ней не забыли...

Ксавьер шагнул вперед и грохнул ладонью по рычагу, обрывая разговор.

— Мисс Жаклин!! Да как вы... Как вы можете меня так просто прогнать, это мой дом! Мое второе дыхание! Я нашел смысл жить дальше, а вы... Вы просто так меня продали!

— Не кричи, Ксавьер, ты только что прервал очень важный разговор, — холодно сказала Жаклин.

Но его было не остановить.

— Изабелла предложила вам огромную сумму? Настолько огромную, что ее деньги перекрыли все мои доходы для вас? И за что? За лишнего дворецкого? За уборщика? Газонокосильщика? Кого?

— За сексуального партнера, если тебе так важно это узнать! — повысила голос Жаклин. — И еще раз повторяю — не кричи. Это хорошее место, там ты не пропадешь. Пока не надоешь, естественно.

Ксавьера будто огрели по голове чем-то тяжелым. Раскрыв рот, он вытаращился на женщину, как на восьмое чудо света.

— Что... Кого?.. Мисс Жаклин, вы продали меня как уличную шлюху?! Поверить не могу! Я... Я считал вас матерью все это время! — он швырнул бумаги на пол, и листы рассыпались в разные стороны. — Черта с два я буду плясать под вашу дудку, я не для того пытался восстановить свою жизнь из руин, чтобы меня продавали, как мальчика по вызову!

— Я сказала не повышать на меня голос! — крикнула Жаклин. — Хочешь обратно в тюрьму — пожалуйста, не держу. Но сегодняшнюю ночь ты проведешь в доме Изабеллы. Я все сказала. Выметайся отсюда, — перегнувшись через стол, она нажала кнопку интеркома. — Альберт, Джейкоб, проводите его.

Ксавьер сжал кулаки и с ненавистью прошипел:

— Придет время, и вы крупно пожалеете о том, что обошлись так со мной. Даже не мечтайте, что это просто сойдет с рук, — он толкнул Альберта в широкую грудь. — Не трогай меня! Сам пойду!

В машине, по пути к дому, он беспрестанно прокручивал в голове состоявшийся разговор. Жаклин предала его. Выкинула на улицу, как только он заработал достаточно денег. И где в этом чертовом мире справедливость? Она вытащила его из тюрьмы, только чтобы использовать и выбросить?

Да. Так и есть. Иначе не складывалось.

Ксавьер наклонился и уперся лбом в переднее сиденье. Придется теперь ехать либо к Изабелле, либо в тюрьму. Об одной мысли о жирном, обрюзгшем теле его замутило. Спать с ней? Никогда в жизни!

— Эй, парень, — раздался с водительского места голос Джейкоба. — Тебе совсем хреново, да?

— Не сильно хорошо, — ответил Ксавьер, не поднимая головы.

— Жаль, конечно, когда такие молодые и перспективные так глупо уходят, — Джейкоб вздохнул. — Но что поделать, такова жизнь. Даже старушкам надо иногда развлечься.

Ксавьер выпрямился, будто ему дали под зад острой тупфлей.

— Что, прости? Что значит — глупо уходят?

Джейкоб уже понял, что проговорился, о чем не следовало, и словно воды в рот набрал. Ксавьер потряс его за плечо.

— Джейкоб! Мы же всегда были друзьями, ты можешь мне обо всем рассказать! Пожалуйста!

Тот глянул на парня в зеркало заднего вида и едва слышно вздохнул. Ксавьер был прав — с первого дня Джейкоб испытывал симпатию к пареньку, который ужом крутился на раскаленной сковородке, пытаясь выжить. И вот, когда ему наконец удалось соскользнуть в прохладный песок, его хватают и дожаривают. Печально это. Очень печально.

— Ну что ж, — сдался он. — Изабелла баба опасная. Среди наших парней это все знают. У них с мисс Жаклин вроде как договоренность. Если кто прокосячит — отправляет прямиком гостить к Изабелле. Это на нашем сленге означает — на плаху.

— Она что, — Ксавьер сглотнул, — убивает? Только не говори, что она — профессиональный киллер.

Джейкоб рассмеялся, однако смех вышел невеселым.

— Не она. Охранники. Признанные палачи ее Величества Жаклин, своих таких кровожадных она не держит. Как только ночь любви закончена — добро пожаловать на дно морское. Клеопатра, мать ее, — он приоткрыл окно и презрительно сплюнул на асфальт.

Ксавьер застыл, вцепившись в плечо Джейкоба. Пальцы похолодели, в животе угнездился противный липкий страх. Так вот что задумала Жаклин. Прознала, что Ксавьер влез в ее дела, и решила таким образом избавиться от него. Ничего удивительного, что она избрала этот способ — Изабелла уже давно приглядывалась к Ксавьеру, ни одного визита не проходило без того, чтобы она не сделала очередной пошлый комплимент.

— Очень... — он прокашлялся, — очень оригинальный способ избавиться от ненужных людей.

— Ну я и говорю — жаль, — снова вздохнул Джейкоб. — Способный ты парень, Ксавьер, жаль, если пропадешь.

Мысли с голове Ксавьера крутились с бешеной скоростью. Он не может позволить Жаклин осуществить задуманное. Не может разрешить Изабелле к себе прикоснуться, да он скорее умрет! Но отправляться на тот свет тоже не хотелось.

— Джейкоб, — он облизнул пересохшие губы. — Ты ведь знаешь, как можно этого избежать, да? Высади меня на дороге, а Жаклин скажешь, что я сбежал, ну!

— Прости, не могу, она с меня три шкуры спустит. Да и не поверит, что я тебя по доброте душевной не выпустил. Подозрительная она, сам знаешь. Нет, парень, не могу я так.

Ксавьер снова опустил голову, прислонившись лбом к сиденью. Должен быть какой-то выход, должен...

И тут как нельзя кстати вспомнилась книга, прочитанная им когда-то в детстве. «Граф Монте-Кристо». Если выбраться из тюрьмы живым невозможно — нужно покинуть ее мертвым.

— Джейкоб, — он снова схватил его за плечо. Водитель недовольно что-то проворчал. — А как именно избавляются от любовников Изабеллы? Можешь рассказать?

Тот обернулся и тут же снова уставился на дорогу.

— Зачем тебе это? Хочешь знать, как тебя убьют?

— Ну да, что-то вроде. Говори же!

— Насколько я слышал, этой старушенции надолго не хватает. Не тот возраст, хотя некоторые еще и фору молодым дают. Была у меня одна бабешка...

— Джейкоб, — почти простонал Ксавьер. До дома оставалось всего два квартала.

— А, так вот. Короче, провозится она с тобой максимум час. А затем позовет охрану, чтобы убрали тебя с глаз долой, — Джейкоб снова сокрушенно вздохнул. — И выпало же это на мое дежурство...

— На твое дежурство? — Ксавьер наострил уши. — Ты что, тоже там подрабатываешь?

— Ну конечно, ты ж сам сказал, что Изабелла бизнесом не занимается, на хрена ей много охраны? В такие вот ночи она нанимает моих ребят. Ну и мне иногда выпадает особая честь убирать мусор.

— Убирать мусор, — задумчиво повторил Ксавьер. — Слушай, а мусорный бак там какой?

Джейкоб нажал на педаль тормоза и развернулся к Ксавьеру.

— Ты что, всерьез вознамерился оттуда свалить? Мой тебе совет — не пытайся. Тебя ж убьют сразу!

— Да меня так и так убьют, какая мне разница? — вспыхнул Ксавьер. — А ложиться под жирную жабу мне напоследок не очень-то хочется! Вот была бы она красоткой лет тридцати, да похудее килограммов на двести, я бы, может быть, и подумал!

Джейкоб расхохотался.

— Ну ты сказанешь, приятель! Да, жаль такому парню пропадать...

— Так я и не хочу пропадать, Джейкоб, — наклонился к нему Ксавьер. — Просто скажи мне, как оттуда выбраться, отвернись в нужный момент — и ты больше обо мне не услышишь.

Тот задумался.

— Ну, по правде сказать, я могу это устроить... Однако, если об этом пронюхает Жаклин — не сносить мне головы.

— Не беспокойся, — Ксавьер улыбнулся, и впервые Джейкобу стало не по себе от этой обычно милой улыбки. — Ей будет совершенно не до этого.

Вечером Джейкоб заехал за ним. До этого Ксавьер заметил наблюдение за квартирой, но не придал этому особого значения — он не собирался сбегать, как трусливый заяц. Часом раньше его посетил старый знакомый Щипач. Проговорили они недолго. Ксавьер сунул приятелю толстую пачку денег и поблагодарил за все, чему тот научил. Вор в недоумении чесал затылок.

— Ты уезжаешь куда, что ли? Неужели нашел местечко потеплее?

— Может, нашел, а может, и нет, — уклончиво ответил Ксавьер. — Тебе знать не надо.

Щипач, к своей чести, лишних вопросов задавать не стал.

— Ну бывай. Если что понадобится, ты дай знать. С радостью помогу.

Ксавьер кивнул и пожал ему руку.

— Готов? — спросил Джейкоб, когда они ехали к особняку Изабеллы.

— Разумеется. Ты скажешь, как выбраться из спальни этой ведьмы?

— Трупы мы через парадный выход не выносим, — пояснил тот. — Прислуга задавала бы слишком много вопросов. Для этого приспособлен черный ход, прямо из спальни. Перед своими утехами Изабелла полчаса валяется в ванне, готовится. За это время ты вполне можешь смыться, я открою дверь. Только смотри, если об этом узнает Жаклин...

— Не беспокойся, она ничего не узнает, Джейкоб, — Ксавьер невозмутимо скрестил руки на груди. — Скажи, а меня обыщут? Не хотелось бы, чтобы чьи-то еще руки успели меня облапать, — он содрогнулся.

Джейкоб принял его интерес за чистую монету.

— Нет, обыскивать не будут. Большинство мальчиков Изабеллы понятия не имеют, что после ночи любви их убьют. Надеются пережить час позора и освободиться.

— Ну я-то переживу, да? — с надеждой спросил Ксавьер. — Ты ведь меня вытащишь?

— Не говори больше об этом, — простонал Джейкоб. — Я и так слишком многим рискую.

В особняке, который размерами не уступал дворцу Жаклин, Ксавьер то и дело ловил сочувствующие взгляды охраны. Ну конечно, они знают, кто он и зачем приехал. И таким образом прощаются с еще одним несчастным, перешедшим дорогу Жаклин.

Спальня новоявленной Клеопатры поражала своими размерами. Что, впрочем, нисколько не удивляло, учитывая габариты самой хозяйки. Роскошная, накрытая светло-розовым покрывалом кровать вызвала стойкую ассоциацию с большой, откормленной свиньей. В мягком ковре можно было утонуть, приглушенный свет призван был создать интимную обстановку, однако удушающее количество розового цвета сводило все усилия на нет. На туалетном столике, напоминавшем леденцовую карамель, алели лепестки розы. Ксавьер едва подавил рвотный позыв.

— Я буду за дверью, — сказал Джейкоб. — За той, другой дверью. Она слева, за ширмой. Постучи, когда Изабелла уйдет в ванну.

— Не сомневайся.

Ты сам откроешь дверь, подумал он.

Изабелла возлежала на кровати в бледно-розовом пеньюаре, который больше всего напоминал парашют. Ксавьера снова замутило, едва он глянул на обтянутые шелком бока. Если раньше Изабелла напоминала жабу, то сейчас перед ним лежала настоящая свинья.

— Почему ты до сих пор одет? — прохрюкала она. — Раздевайся, я хочу посмотреть на тебя.

— Терпение, госпожа Изабелла, — ослепительно улыбнулся он. — Куда вы так торопитесь?

— Мне не терпится завалить тебя, мой жеребец, — пошло хохотнула она. — Ну, давай же скорей.

Ксавьер начал расстегивать рубашку, нарочито медленно, будто дразня Изабеллу, но на самом деле стараясь успокоиться и скрыть дрожь в руках. Рубашка соскользнула с плеч, и Изабелла восхищенно залопотала, слегка подпрыгивая на кровати.

Ксавьер снова подавил тошноту. Успокойся, приказал он себе. Скоро все закончится. Самое главное — не нервничать.

— Вам нравится, госпожа Изабелла? — пропел он, заводя руки за спину, чтобы стянуть рукава. Рубашка упала на пол.

— Да! — восхищенно уставилась на него жабьими глазками Изабелла.

— Я рад, что смог доставить вам удовольствие, — Ксавьер выбросил руку вперед, хватая одну из многочисленных подушек.

Выстрел получился приглушенным, как надо, но руки тряслись, и первая пуля не достигла цели, врезавшись в спинку кровати рядом с головой Изабеллы. Ругнувшись, Ксавьер прицелился точнее, и во лбу женщины образовалась круглая дырочка. С выражением величайшего удивления на лице она рухнула на подушку, которая тут же пропиталась кровью.

— Все, — хрипло прошептал Ксавьер.

Ноги подкосились, и он чудом не упал, вцепившись в спинку кровати. Ты же не собирался оставлять отпечатков, пронеслось в голове, но мысль тут же ушла. Честно говоря, он не слишком верил в успех, но теперь, когда Изабелла лежала на кровати мертвая, все силы разом покинули его. До этого он никого не убивал.

Подождав, пока дрожь в ногах и руках уляжется, он на полусогнутых проковылял к ширме, за которой находилась дверь черного хода. Стук вышел неуверенным, слабым, однако панель мгновенно отодвинулась в сторону.

— Что тут произошло? — Джейкоб стремительно шагнул в комнату. — Мне показалось, или кто-то стрелял?

— Я стрелял, — с губ Ксавьера сорвался нервный смешок. — Это я, не обращай внимания.

— Как ты? Ты что сделал? — он выглянул из-за ширмы и тут же сунулся обратно. — Ты что, рехнулся, Ксавьер?! На кой черт ты ее пришил?

— А на кой черт она собиралась пришить меня? — Ксавьер наконец овладел собой и смог выпрямиться в полный рост. — У меня не было другого выхода.

— Но ты же собирался просто сбежать!

— Меня бы нашли.

— Тебя и так найдут, остолоп, ты хоть представляешь, что натворил?

— Еще как представляю! И если ты все еще хочешь мне помочь, то выводи меня отсюда! — он сорвался на крик. — Я старался приглушить выстрел, но раз ты его услышал, то слышали и другие! Джейкоб!

Он дернул охранника за рукав пиджака.

— Джейкоб, — Ксавьер смотрел ему в глаза. — Ты обещал помочь. Помнишь? Просто выведи меня из дома, а дальше я сам.

— Ну, парень, — присвистнул тот, вытирая пот со лба. — Ну, наворотил ты дел... Ладно, идем.

Ксавьер последовал за ним в темный коридор, заткнув пистолет за пояс. Нужно избавиться от оружия, и поскорее. Жаклин будет его искать, это неоспоримый факт. Но Щипач не зря пришел к нему сегодня. И деньги получил не только за чистый ствол, который невозможно отследить.

Он больше никогда не появится в этом городе.

— Так все и закончилось, — Ксавьер затушил истлевшую сигарету в пепельнице. — Благодаря тому, что Джейкоб не сразу поднял тревогу, мне удалось сбежать из города. Я сменил фамилию, уничтожил все следы своего существования. Лишь имя оставил тем же. Не смог расстаться с одной нитью, которая связывает меня с прошлым.

Амадео потрясенно молчал.

— Почти пять лет у меня ушло на то, чтобы стать тем, кем я сейчас являюсь. Владельцем сигаретной фабрики и одним из самых крупных наркоторговцев на этом побережье.

— Но почему Жаклин до сих пор не нашла тебя? Ты не слишком-то скрываешься...

— Дело в том, что в убийстве Изабеллы обвинили ее, — Ксавьер покрутил в руках полупустую пачку. — Все были в курсе, что я ее мальчик, и поэтому решили, что она специально подослала меня убить свою подругу. Насколько я слышал, у нее были очень серьезные разборки и с полицией, и с местной мафией, костяк которой составляли братья Изабеллы. Ей попросту было не до меня. А потом она, видимо, про меня забыла.

— Ты так в этом уверен? — с сомнением протянул Амадео. — Ты же ее фактически уничтожил.

— Как бы то ни было, мне наплевать. С женщинами я после этого деловых отношений не имею. Ребекка исключение, но, как я уже сказал, она мне должна, и поэтому предательство с ее стороны маловероятно, — Ксавьер положил пачку на стол и откинулся на спинку кресла.

Амадео молча смотрел на него. Ребекка оказалась права, когда посоветовала вывести Ксавьера на разговор о женщинах. Сама она сослалась на то, что не может нарушить приказ, поэтому в открытую рассказывать ничего не будет, но дать наводку не постеснялась.

— Если сам не додумаешься — не мои проблемы, — отрезала она. — Это все, что я могу сделать.

— Этого достаточно. Спасибо, — ответил ей Амадео. И, захав ненадолго домой, отправился в «Камальон».

И сейчас наблюдал за дремавшим в кресле Ксавьером, свесившим голову на правое плечо. Эта кутерьма началась всего несколько дней назад, однако друг выглядел так, будто прошел, по меньшей мере, месяц. На людях Ксавьер всегда выглядел безупречно, непошибаемым, уверенным в себе бизнесменом, которого ничто не может пошатнуть. И лишь Амадео видел, каких усилий ему стоят подобные перевоплощения.

Но теперь он знал, кто им противостоит. И почему Беррингтон, чья преступная деятельность не имела никакого отношения к торговле наркотиками, ополчился против Ксавьера. Как Амадео и предполагал, у Беррингтона был напарник, который жаждал мести.

И подготавливал почву для решающего удара.

К утру следующего дня Амадео собрал исчерпывающее досье на Крейга Беррингтона. Спасибо интернету, большинство материалов находилось в открытом доступе. Сорок восемь лет, бывший министр департамента по делам семьи и несовершеннолетних, три месяца назад вышел на свободу. Обвинения против него были выдвинуты достаточно серьезные: проведение незаконных экспериментов, педофилия, продажа детей из детских домов, которым он покровительствовал — этого вполне должно было хватить на пожизненное заключение, а то и сразу смертную казнь. Однако после семи лет, три из которых он провел в камере предварительного заключения, этот монстр преспокойно вышел. И собирался, по его словам, вновь попробовать себя в политической стезе.

Попался Беррингтон весьма оригинально. Его собственные приемные дети, брат с сестрой, пытались сбежать от него. В результате мальчик попал в больницу, а девочка исчезла, предварительно отправив изобличающее письмо в полицию и по редакциям местных газет. На следующее же утро за Беррингтоном явился конвой, препроводивший его в полицейское управление. Улик оказалось достаточно, чтобы засадить за решетку, однако слишком мало, чтобы удерживать там вечно. Деньги решают все. Даже самый отъявленный преступник может выйти на свободу, надо лишь помнить основное правило: длительность срока обратно пропорциональна сумме взяток.

С экрана компьютера на Амадео смотрел широко улыбающийся Крейг Беррингтон. Прирожденный политик, дающий заманчивые обещания, но почти никогда не сдерживающий их. Глаза лживо горели новыми свершениями, но всю лучезарность образа портил уродливый шрам, пересекавший лицо от правого виска через нос до левой щеки. Насколько удалось выяснить, эту живописную метку оставила Беррингтону его приемная дочь, когда он пытался к ней приставать.

Амадео поморщился и щелчком мыши закрыл фото. И этот мерзкий человек собирается забрать бизнес Ксавьера в угоду своей партнерше. Что ни говори, Жаклин выбрала весьма изощренный способ мести.

Кристофу не спалось. В последнее время такое нередко случалось, но он никому об этом не говорил. Стефан сразу начал бы пичкать его снотворным, чего Кристоф терпеть не мог — действие таблеток проходило слишком медленно, затуманивая разум и мешая работать. Поэтому, когда он не мог заснуть, то шел в кабинет и занимался делами компании. Это всегда его успокаивало, а если же нет, то, по крайней мере, время он терял не зря. Промучившись около часа и так и не заснув, он поднялся и, надев халат, неслышно прошел по тихому, темному коридору в кабинет.

С удивлением Кристоф увидел, что из-под двери пробивается тусклый свет. В этом доме, кроме него, только один человек мог взяться за что-то с таким упорством, что забывал про сон и еду, но когда такое случалось в последний раз? Когда сын бывал настолько увлечен чем-то, что засиживался допоздна? Если Кристофу не изменяла память, то лишь подготовка к экзаменам для поступления в университет, а потом и к выпускным заставляла мальчика так сильно выматываться.

Амадео спал за столом, положив голову на согнутую руку. Перед лицом рассыпалась груда распечаток, исчерканных красной ручкой, на раскрытом ноутбуке мерцала заставка.

Кристоф покачал головой, не удержавшись от улыбки. Упорству Амадео можно было позавидовать — в прошлый раз он чуть не довел себя до нервного истощения, заканчивая сразу два факультета. Несмотря на то, что Кристоф отговаривал его бросаться сразу на две амбразуры, малыш поступил по-своему.

— Не хочу терять времени, — сказал тогда он. — Вам в скором времени понадобится помощь, отец, а если я буду учиться одновременно и там, и там, то смогу начать раньше, не так ли?

Бесхитрость Амадео подкупила Кристофа с самого первого дня знакомства. И сейчас он не устоял и позволил сыну сделать так, как он хочет. Лукас к тому времени уже заканчивал обучение, и Амадео горел желанием начать как можно быстрее. Вечная конкуренция двух братьев не проходила бесследно ни для кого из них. Иногда Кристофу это нравилось, но чаще — пугало. Его настораживал злобный огонь в глазах Лукаса, когда тот слышал об успехах Амадео. Он завидовал младшему брату всей душой, завидовал всему подряд, вплоть до внешности, и это не могло не беспокоить.

Кристоф неслышно вздохнул и, протянув руку, убрал упавшую на лицо сына прядь волос. Такой незащитный мальчик, но вместе с тем очень целеустремленный. Опасно, очень опасно идти вперед, не замечая ничего вокруг, и не понимать, что этот мир жесток и раздавит тебя при первом удобном случае. Хорошо, что появился Ксавьер Санторо, который сможет защитить его сына лучше, чем кто-либо. В отличие от Лукаса, вокруг которого всегда вились постоянно меняющиеся приятели, Амадео предпочитал ни с кем не заводить близких отношений. Может быть, на него так повлияла смерть сразу двух близких людей в детстве, и он просто боялся потерь. Как бы там ни было, Кристоф порадовался за сына, узнав, что у него наконец появился хороший друг.

Какие же они с Лукасом разные. У каждого свои плюсы и минусы, но, постоянно размышляя об этом, Кристоф снова и снова уверялся в правильности своего решения передать «Азар» Амадео.

Он взял один из листков, над которыми уснул сын, и пробежал глазами. Затем шевельнул мышку, и на мониторе появился сайт, который Амадео изучал перед тем, как задремать. На лбу появилась глубокая складка, губы плотно сжались. Да, иногда его сын бывал слишком увлечен какой-то проблемой, чтобы замечать очевидное.

— Куда же ты ввязался, малыш, — прошептал Кристоф. — Куда я позволил тебе ввязаться.

Амадео спустился в подвал, где располагался тренажерный зал и небольшой бассейн. Несмотря на требование Стефана с осторожностью заниматься физическими нагрузками, он три раза в неделю после утренней пробежки проплывал несколько кругов. Вдобавок, изучая материалы по Беррингтону, он уснул за отцовским столом, и теперь шея и плечи безбожно ныли, требуя расслабления.

Он нырнул, наслаждаясь обволакивающими тело потоками воды. Быстрыми, ровными гребками пересек бассейн, затем оттолкнулся от стенки и поплыл обратно. Из головы не шел Крейг Беррингтон. Слишком опасный человек, чтобы связываться с ним, и Ксавьер должен это понимать. В конце концов, несмотря на выдающиеся способности, он лишь новичок. Пять лет после побега от Жаклин, разумеется, не прошли даром, однако выступить против Беррингтона в одиночку — чистое сумасшествие. Особенно если учитывать его связи в правительстве.

Отец сказал, что Беррингтон — покровитель наркоторговцев, и ни один наркобизнес не

выживет без его благословения. Однако от самого Ксавьера Амадео никогда не слышал о сотрудничестве с Беррингтоном, наоборот, друг гордился тем, что независим от внутренних поставщиков и имеет дело только с иностранными партнерами. Взятки чиновникам и таможенной службе, разумеется, имели место, однако с Беррингтоном Ксавьер не делился. Он не мог не знать о его сотрудничестве с Жаклин, это слишком очевидно, так не в этом ли причина?

Амадео вслепую протянул руку и ухватился за бортик. Мокрые волосы закрыли лицо, и сквозь их завесу он смутно увидел, что перед ним кто-то стоит.

Амадео опустил голову под воду, откидывая волосы назад. Вынырнул, провел рукой по лицу.

— На этот раз пришел меня утопить, Лукас? Уверен, что выйдет?

— До сих пор не понимаю, почему ты тогда не сказал отцу, что это я скинул тебя в бассейн, — брат стоял на плитке, сунув руки в карманы брюк, и угрюмо смотрел на него. — Я мог бы получить хорошую взбучку, однако ты промолчал.

— Не хотел, чтобы Кристоф переживал из-за тебя, — Амадео выбрался из бассейна и потянулся за полотенцем. Несмотря на то, что прошло полгода после того отвратительного случая, и Лукас больше не позволял себе ничего подобного, Амадео до сих пор чувствовал себя незащищенным перед братом. — По-твоему, недостаточная причина?

— Не верю я в твой альтруизм, — фыркнул Лукас. — Свалился, как снег на голову, и сразу забрал всю отцовскую любовь.

— И компанию? — Амадео вытирал волосы. — Ты это хотел сказать?

Брат скривился.

— Следовало тебя утопить, пока была такая возможность. По крайней мере, отец сделал бы верный выбор, и никакой Санторо, чертов наркоторговец и детоубийца не смог бы его очаровать. Да ты не заслуживаешь такой чести, уличный оборва...

— А где сегодня Виктория? — сладким голосом поинтересовался Амадео. — Почему вы не вместе? У нее новый инструктор по фитнесу?

Упоминание жены подействовало на брата, как красная тряпка на быка. Краска бросилась в лицо, из ушей едва не повалил пар. Кулаки сжались, и Амадео показалось, что Лукас сейчас ударит его.

— Не твое дело, где сейчас моя жена, — процедил он сквозь зубы. — Следи лучше за своим дружком, слишком много шумихи он поднял вокруг себя.

— Дела Ксавьера тебя тоже не касаются, — спокойно ответил Амадео. — Уж он-то знает, как вести бизнес без того, чтобы угрожать будущим партнерам. Если это все, о чем ты хотел поговорить...

Лукас круто развернулся, едва не поскользнувшись на мокрой плитке, и зашагал к лестнице.

— Мы еще посмотрим, кто из нас достоин возглавить компанию. И твой Санторо тебе не поможет, — негромко проговорил он, однако голос эхом разнесся по залу.

Амадео проводил его хмурым взглядом.

Дверь кабинета была открыта, и Амадео, перехватив поднос одной рукой, по привычке постучал в косяк, хотя мог этого не делать. Но в доме только Лукас входил без стука, а уподобляться ему не хотелось.

Сколько Амадео помнил, отец всегда откладывал дела ради него, даже если вопрос был лишь в том, можно ли взять из библиотеки новую книгу. Вот и сейчас он отодвинул ноутбук и ласково посмотрел на сына.

— Доброе утро, малыш. Как у тебя дела?

— Хорошо, — Амадео поставил поднос на освободившееся место. — Роза сказала, что вы снова не завтракали.

— Ох уж эта старуха! — всплеснул руками Кристоф. — Душу вынет, не своими руками, так чужими.

— Она просто беспокоится, — Амадео подал отцу вилку. — И я тоже. Вы хотите умереть голодной смертью?

— Это мне не поможет, — сокрушенно покачал головой Кристоф. — Ты и мертвого уговоришь.

Несколько минут Амадео наблюдал, как отец ест. Аппетит у него ухудшился с того дня, как случился инсульт, и иногда Кристоф мог целый день прожить на одном чае. Амадео приходилось почти насильно впихивать в него еду, а Роза не уставала сокрушаться по этому поводу.

— Все, больше не могу, — Кристоф отодвинул тарелку. — Я и так съел больше, чем обычно.

— Вы молодец, — одобрительно кивнул Амадео. — Я передам Розе, чтобы в следующий раз готовила побольше.

— Не смей этого делать, иначе завалю тебя работой по самые уши, — пригрозил отец.

— Думаете меня этим напугать? — рассмеялся Амадео, наливая чай. — Даже Ксавьеру это не удалось, хотя он очень строг.

— Этого у него не отнимешь. Он все еще не разобрался в этой нехорошей ситуации? — Кристоф взял чашку и отпил немного.

— Предпочитает делать вид, что ничего не происходит, — Амадео помолчал. — Отец, вам знакома Жаклин Коллинз?

— Нет. Кто это?

— Лет пять назад она была крупным наркоторговцем. А также... — Амадео запнулся, — проводила эксперименты над детьми. Тестировала на них новые наркотики.

Лицо Кристофа осталось спокойным, однако в глазах зажегся огонек беспокойства.

— Откуда ты об этом узнал, малыш?

— Ксавьер рассказал. Он когда-то работал на нее, но как только узнал, чем она занимается, тут же ушел. Благодаря ему, Жаклин пришлось несладко, и я подумал, могла ли она организовать все, что сейчас происходит.

— Только не в одиночку. Если Ксавьер уничтожил ее бизнес с помощью полученных сведений, так быстро восстановиться она вряд ли смогла бы, — Кристоф поднялся и подошел к окну. — Эксперименты над детьми, значит? Настоящая грязь. Даже сами наркотики не настолько грязны, как это.

— Согласен. И Ксавьер считает так же. Думаю, они с Беррингтоном работают вместе, и...

— Малыш, — Кристоф резко обернулся к нему. — Не лезь в это дело. Ты не представляешь, насколько опасно все, что связано с такой грязью. Я понимаю, что ты хочешь помочь другу, но можешь пострадать сам.

— Но...

— Я разужнаю что-нибудь о Жаклин Коллинз. Если она причастна к тому, что сейчас происходит, то я передам все материалы Ксавьеру, и он сам с ней разберется. Тебя устроит такой вариант?

— Но отец...

— Другого нет, Амадео, — твердо сказал Кристоф. — Линия, вверенная тебе Ксавьером, хорошо развита, поставки налажены отлично, все работает как часы. Он недавно говорил мне об этом. Теперь вспомни, что ты — мой наследник и займись делами «Азар». Они уже давно требуют твоего вмешательства, Лукас не справляется. Поезжай в казино, Валион хотел с тобой поговорить. Со следующего года он уходит с поста управляющего и собирается передать все дела тебе.

Амадео опустил голову, чтобы отец не заметил разочарования, отразившегося на лице. Ему пришлось смириться, когда Кристоф отстранил его от работы, но сейчас речь шла не о нескольких миллионах убытков, а о жизни его друга! Он прекрасно понимал, что отец беспокоится, но Амадео не мог оставить Ксавьера в беде!

Но он не посмел возразить. На лбу Кристофа залегла глубокая морщина, что означало: отец своего решения не изменит. Амадео может пойти ему наперекор, однако сделает этим лишь хуже.

— Да, отец, — сказал он. — Я сейчас же поеду в «Азарино».

— Добрый день, господин Солитарио, — с лживой подобострастностью приветствовал его начальник охраны, едва завидев у дверей. — Давно вас не было, какими судьбами? Решили проверить, не разворовали ли тут все в ваше отсутствие?

— Как ты разговариваешь с начальством, Гарсия? — рыкнул в ответ Амадео, ударив кулаком по кнопке вызова лифта. Мужчина удивленно уставился ему в спину. Обычно этот папенькин сынок был тихим, скромным и вежливым, какая муха его укусила?

Надеюсь, большая и волосатая, мстительно подумал начальник охраны. Вечно вставляет палки в колеса своей дотошностью, при этом всегда флегматично спокоен, когда как сам Гарсия обливается потом на допросах. Должно же хоть что-то вывести из себя эту амебу.

В кабинете управляющего никого не было. Похоже, Эмилио Валиона скрутил очередной приступ. В последнее время это случалось достаточно часто, и Кристоф много раз советовал ему уйти на покой. Судя по всему, Валион наконец внял совету, раз собрался передать все дела. Почему так не вовремя?

Амадео опустился в кресло, зло толкнув аккуратно сложенные папки. Пара соскользнула на пол, раскрывшись, документы с мягким шелестом разлетелись по полу.

— Здравствуйте, господин Амадео, — сунулась в дверь Чилли. — В чем дело, вы сегодня не в духе? — она критически обозрела устроенный им бардак.

— Нет. Все в порядке, — ответил он, поморщившись. — В полном.

— Ага, как скажете, — скептически протянула девушка. — Принести вам чего-нибудь успокоительного?

— Не помешает, — Амадео наклонился, собирая листы. — Все из рук валится.

Чилли ушла. Он вложил бумаги в папку, из которой они вылетели, и застыл.

На верхней странице стояло имя одного из постояльцев.

— Чилли! — позвал он. — Подойди, пожалуйста.

— Одну минуту, господин Амадео, чай еще не...

— Забудь о нем и иди сюда!

Он сам удивился тому, как резко прозвучал его голос. Чилли, видимо, тоже, потому что мгновением позже уже стояла рядом.

— Я же говорила, что вы не в духе, — съехидничала она. — В чем дело, поругались с вашим другом?

— Чилли, это что, новый постоялец? — он ткнул пальцем в фамилию.

— Разумеется, вы что, не видите? Анкета при въезде в отель, обязательная мера, вы же сами...

— Все данные. На мой стол, как можно быстрее.

Он взял телефон и набрал номер Ребекки.

— Чего тебе? — привычно рявкнула она. — Мне некогда!

— Мне нужен список всех звонков Беррингтона. Сейчас же.

— Мальчик, ты совсем...

— Я сказал, быстро, Ребекка!

Та изумленно замолкла. Амадео перевел дыхание, приказывая себе успокоиться. С самого утра он срывался на всех подряд из-за того, что ничего не мог сделать, но теперь кое-что начало проясняться. И он не собирался упускать этот шанс из-за глупой вспышки ярости.

— Ребекка, пожалуйста, это очень важно. Мне нужно знать, кому он звонил.

— За какой период? — осторожно спросила она.

— Последние две недели. Если можно, отправь их мне в «Азарино» с курьером. Никакой электронки. Об оплате не беспокойся.

— Поняла тебя, — в голосе звучала настороженность и странная покорность. — Ты что-то обнаружил?

— Пока не уверен. Точно скажу, когда получу данные.

— Вот, господин Амадео, — Чилли положила перед ним несколько листов. — Ксерокопии с документов, регистрационная карточка, все здесь.

— Спасибо, Чилли, — мягко поблагодарил он. Подобный тон дался ему нелегко. — Можешь идти.

Когда девушка ушла, он пролистал принесенные ей документы. Согласно им, постоялец въехал в отель два дня назад. Занял номер люкс, оплатив вперед трехнедельное пребывание. Если бы Амадео чрезмерно не увлекся игрой в частного детектива и хотя бы раз в день посещал «Азарино», заметил бы раньше, что еще два дня назад в город прибыла Жаклин Коллинз.

Раздалась резкая трель, и Амадео оторвался от изучения бумаг, присланных Ребеккой. Руки так дрожали, что сначала он уронил трубку, едва не попав на рычаг и не сбросив звонок. Выругавшись, поднес телефон к уху.

— Солитарио слушает.

— Тут возникла проблема за третьим столиком, в казино, — деловито доложил Гарсия, усердно делая вид, что не заметил брани. — Не могли бы вы подойти?

Еще не хватало. Кто-то снова посчитал, что казино его обкрадывает и непременно желает доказать свою правоту. Амадео накинул пиджак и стянул волосы резинкой. Какого черта Гарсия пренебрегает своими обязанностями? Обычно разговор был коротким.

Он спустился в цоколь. Вечер еще не наступил, однако первые игроки уже вовсю тратили деньги. В основном это были постояльцы гостиницы, но иногда сюда заходили и просто любители испытать удачу. В обязанности Гарсии входил контроль за посетителями, и обычно он мог справиться с возникшей неприятностью сам, просто вышвыривая зарвавшегося наглеца на улицу. Однако сейчас проблему составлял не заезжий игрок. Управляющего желал видеть кто-то из постояльцев, а это куда серьезней. Обычно в подобных ситуациях казино предоставляло право отыгаться вкупе со стопкой фишек. Этого оказывалось достаточно, чтобы клиент впал в благодушное настроение. И проиграл снова.

Стеклянные двери разъехались, и Амадео ступил на темно-красный ковер, которым был покрыт пол казино. Несмотря на то, что до вечерней жары оставалось еще два часа, почти все столы для игры в покер были заняты. Для блэк-джека же не пустовал ни один. Рулетки радостно трещали, то и дело слышался перестук фишек. Игровые автоматы сверкали разноцветными огнями, приглашая дернуть за ручку.

Амадео без труда нашел третий столик, который расположился в глубине зала. Крупье в белой рубашке и расшитом бордовом жилете повернулся к нему, на лице мелькнула растерянность.

— В чем проблема, Коул? — осведомился Амадео. Смотрел он при этом не на крупье.

— Мадам пожелала видеть вас, господин Солитарио, — шепнул ему мужчина, почти не разжимая губ.

— Я вижу, Коул, — ответил он. — Можешь пока быть свободен, я разберусь.

Крупье быстро ретировался. Амадео слегка склонил голову в приветствии, сохраняя на лице невозмутимое выражение, что удалось ему с трудом.

— Меня зовут Амадео Солитарио, я заместитель управляющего казино и гостиницей «Азарино». А вы, полагаю, мисс Коллинз.

Красивая женщина вынула изо рта тонкую сигарету и смерила его взглядом холодных, похожих на драгоценные камни, зеленых глаз. Медного оттенка волосы блестели в свете лампы, нависшей над игровым столом.

— Верно. Долго же вас пришлось ждать.

— Не прошло и минуты, — ответил Амадео тем же спокойным тоном, хотя внутри все горело от мрачной злобы. — Вы желаете поговорить здесь или пройти в мой кабинет?

— В ваш кабинет, — в голос выплеснулся яд. — Кажется, он еще не стал вашим, господин Солитарио.

— Раз вы так желаете, поговорим здесь. Зачем вы хотели меня видеть, мисс Коллинз? — Амадео, сделав вид, что не заметил издевательства, взял стул и сел напротив Жаклин. — У вас проблемы с...

— С вами, верно, — она затянулась сигаретой, выдохнув дым в его сторону. — Так мне казалось раньше. Теперь я вижу, что никакой проблемы нет.

Амадео едва успел скрыть удивление и охватившую его в следующее мгновение жгучую злость. Эта дамочка специально приехала в город, чтобы найти Ксавьера, в этом не было сомнений, но что ей нужно от него?

— Раз проблемы нет, то позвольте откланяться, мисс Коллинз, — он встал со стула.

— Мы не договорили, господин Солитарио, — резко прервала она, тоже поднимаясь.

— Проблема решена, разве нет? Вы сами только что сказали об этом.

— Я сказала, что вы не представляете проблемы. Но я не закончила разговор. Идемте в ваш кабинет, если вам так угодно, — в голосе явно прозвучала издевка.

Глаза Амадео слегка сощурились. Он злился, и сильно. Эта женщина выводила его из себя.

Спокойно, напомнил он себе. Нельзя поддаваться на провокации. Жаклин нужно, чтобы он разозлился, нужно выключить рациональную часть мышления, чтобы пробраться к нему в мозг и цепкими пальцами с длинными ногтями оставить в сознании незаживающие царапины.

Женщины опасны. А эта женщина — опасней их всех вместе взятых.

— Прощу за мной, мисс Коллинз, — он развернулся на каблуках и пошел к лестнице,

впервые в своей жизни нимало не заботясь о том, успевают за ним собеседник или нет.

— Неплохой отель, — прокомментировала Жаклин, опускаясь на предложенный ей стул. — Каков же годовой доход?

— Коммерческая тайна, — Амадео занял кресло управляющего и сцепил пальцы перед собой. — Так о чем вы хотели поговорить, мисс Коллинз?

— О Ксавьере Санторо, разумеется, — она раскрыла сумочку и вынула из нее серебряный портсигар. — Вы знаете, кем он бы до того, как сменил фамилию?

— Не понимаю, о чем вы.

Стекланный взгляд изумрудных глаз вперился в него, изучая. Но, как ни силился, Амадео не мог прочесть, чего же она на самом деле от него хочет.

— Неужели он скрыл от вас свое позорное прошлое? — она чиркнула зажигалкой и с видимым наслаждением втянула в себя дым. — Как на него похоже. Как думаете, откуда он взял капитал, чтобы основать собственную империю?

— Я не понимаю смысла нашего разговора, мисс Коллинз. — Амадео скрестил руки на груди. — Что вы...

— Он забрал у меня компанию. Убил мою подругу, свалил вину на меня и, когда меня прижали, подсуетился и завладел моей компанией. Несколько лабораторий по производству героина перешли в его владение.

Амадео с трудом совладал с собой, чтобы потрясение не отразилось на лице. Ксавьер не говорил ни о чем подобном, но Амадео даже не задумывался о том, что друг мог что-то утаить.

С другой стороны, перед ним сидел враг, который готов пойти на что угодно, чтобы уничтожить когда-то сильно насолившего зарвавшегося мальчишку. И Амадео, решив не принимать на веру ни слова, сдержанно улыбнулся:

— Простите, его дела меня не касаются, мисс Коллинз. Вы пришли сюда только за тем, чтобы рассказать об этом? Тогда вы ошиблись дверью.

Та наклонилась вперед и затушила недокуренную сигарету в кристально чистой пепельнице.

— Возможно. Но советую поразмышлять об этом на досуге, господин Солитарио. Насколько я знаю, он заключил контракт с вашим отцом. И что-то мне не верится в его благие намерения. Из ничего ничто не возникает. Любой бизнес легче построить на костях врагов, а судя по тому, как быстро взлетел Санторо...

— Если это все, то покиньте, пожалуйста, кабинет, мисс Коллинз, — Амадео не повышал голоса, но в нем явственно прозвучал металл.

Женщина спрятала портсигар в сумочку, за ним последовала зажигалка. Изящно поднявшись, она свысока посмотрела на Амадео.

— Всего доброго. Надеюсь, мы с вами больше не увидимся.

— Взаимно, мисс Коллинз, — хладнокровно произнес он, хотя внутри все пылало от злости. — Прощайте.

— Господин Санторо! — Анри Шеридан бодрым коlobком вкатился в кабинет. — Я пытался исполнить ваше поручение относительно компании «Алькарас», однако...

— Что, на моем счету недостаточно средств? — раздраженно отозвался Ксавьер, откидывая в сторону газету. — Недавно пришла крупная сумма неизвестно от кого, разве нет?

— В том-то и дело, — Шеридан плюхнулся в кресло и водрузил на нос очки. — Ваш

счет заблокирован. Я не могу провести ни одной операции.

Сигарета выпала изо рта, прожигая в дорогих брюках дыру, однако Ксавьер едва заметил это, небрежно смахнув окурок на пол. Он вцепился в подлокотники кресла и наклонился вперед, едва не коснувшись грудью стола.

— Повторите, что вы только что сказали.

— Счет заблокирован, — Шеридан тщательно перебирал неизменные бумаги. — Я позвонил в банк, они ответили, что это распоряжение...

— Господин Санторо! — раздался из интеркома голос Серджио.

— Что там еще?! — рявкнул он, ударив по кнопке. — Я никого не принимаю!

— Придется, Санторо, придется.

Надтреснутый голос прозвучал так, будто сломалась ветка. В кабинет зашел невысокий сухопарый мужчина, одетый в строгий костюм. На плечах свободно висело пальто. Маленькие, глубоко посаженные глазки стреляли по сторонам, подмечая каждую деталь.

— Детектив Байлес, — он сунул бляху под нос растерянно хлопающему глазами бухгалтеру. — Управление контроля за распространением наркотиков. У меня к вам несколько вопросов.

— У меня тоже. Это вы заблокировали мой счет?

Ожидая ответа, Ксавьер поднял сигарету с пола и кинул ее в пепельницу. Затем пригладил волосы в попытке успокоиться. Разумеется, он должен был когда-то попасться, это был лишь вопрос времени. Однако детектив явился сюда без конвоя и наручников, значит, у него нет ничего, кроме подозрений. И излишняя эмоциональность только повредит. В связи с событиями последних дней Ксавьер стал куда раздражительней, несдержанней, и подобные вспышки ничем хорошим не кончались. Когда он так выходил из себя? Лет пять назад?

— Ваш счет заморожен в связи с распоряжением моего управления, — снисходительно объяснил детектив, с любопытством оглядывая кабинет.

— На каком основании Наркоконтроль лезет своими лапами в мой счет?

— Неделю назад туда поступила огромная сумма. Мы отслеживаем подобные переводы, и в данном случае...

— Почему вы решили, что это деньги за наркотики? — перебил Ксавьер.

— Не за сигареты же, — страж порядка усмехнулся уголком рта. — Вот специальное распоряжение о блокировке вашего счета до выяснения всех обстоятельств, — он положил на стол документ.

— Это не будет рассматриваться как доказательство на суде. Вы не имеете права блокировать мой счет...

— Зато это является косвенным доказательством вашей причастности к наркоторговле, мистер Санторо. На суде оно, возможно, никакой роли не сыграет, однако это — достаточное основание для приостановки вашей деятельности.

— Тогда я добьюсь того, чтобы вас как следует вздернули за подобное проявление самодейтельности, — жестко сказал Ксавьер. — Попрошу вас покинуть мой кабинет. Немедленно.

— У меня есть вопро...

— Зададите их в суде. Прочь.

Ксавьер закрыл дверь за ушедшим детективом и запустил пальцы в обычно тщательно уложенные волосы. Дело принимало скверный, очень скверный оборот. Пока полиция его не

трогала, но если так пойдет и дальше, пострадает не только репутация, над разрушением которой усердно работали родители и самозванный брат.

Счет заблокирован, и никакой возможности рассчитаться с Валентайном Алькарасом больше нет. Амадео был прав, когда сказал, что условия контракта слишком жесткие, без обязательного пункта о форс-мажоре. Только чересчур самоуверенный дурак мог добровольно залезть в эту кабалу. И Ксавьер это сделал. Что из этого следует?

— Анри, — Ксавьер сел за стол и придвинул пепельницу. — Когда при самом хорошем раскладе я получу назад свои деньги?

Бухгалтер с бешеной скоростью листал толстую стопку бумаг, примостившуюся на коленях.

— Пока не закончится расследование, полагаю. Самое меньшее два месяца.

Вот оно. Срок выплаты неустойки в случае нарушения условий договора — одна неделя, ни днем больше. Ксавьер слишком хорошо знал Алькараса, чтобы понять: ждать он не станет. Он попросту раздавит партнера, как муху. И не физически, нет, это было бы слишком просто. Сначала уйдут все партнеры и компаньоны. Затем бизнесмены откажутся заключать новые контракты с таким ненадежным человеком, как он. И в конце концов, все рухнет, не останется даже камушка. При этом самому Алькарасу никаких действий предпринимать не нужно — слухи разносятся быстрее пожара, тем более что к Ксавьеру сейчас приковано внимание многих тысяч человек.

— Спасибо, Анри. Можете идти. Дайте знать, как только что-нибудь прояснится.

Бухгалтер ушел, бесконечно вороша свои бумаги. Ксавьер невидящим взглядом таращился в стену, когда лежащий на столе телефон требовательно завибрировал.

— Это я.

— Здравствуй, Ребекка. Обычно ты сама не звонишь, что-то случилось?

— У меня появилась очень любопытная информация, Ксавьер. Думаю, тебе стоит приехать в мой офис, телефон могут прослушивать, учитывая недавние события.

— Хорошо, буду через десять минут.

Ксавьер сунул мобильник в карман и надел пальто.

— Серджио, машину, немедленно.

Возле здания собралась толпа. Кое у кого виднелись плакаты: «Барыга должен сидеть в тюрьме!», «Прочь наркотики из нашего города!», «Наказать братоубийцу!». Те, у кого не было плакатов, скандировали самодельные лозунги, вскидывая вверх руки в перчатках. Все обуты, одеты, обогреты. И еще чем-то недовольны. Типичные городские жители, которым невыносимо скучно сидеть на кухне и смотреть сериалы. Дай приказ — и бросятся на любого, лишь бы заклевать, удовлетворить свою жажду крови. Садясь в машину, Ксавьер фыркнул:

— Детский сад. Серджио, поехали. Телеканал «Новости и факты».

Крики становились все громче по мере того, как автомобиль приближался к толпе. Кто-то ударил кулаком в стекло, но не настолько сильно, чтобы разбить. Другой самонадеянный болван выскочил прямо перед капотом, размахивая плакатом: «Убийцам — смерть!».

— Разогнать их, господин Ксавьер? — Серджио надавил на клаксон, и несколько человек испуганно шарахнулись в сторону.

— Не надо, пусть побесятся, — Ксавьер достал телефон. — Ребекка, у меня мало времени. Подготовь информацию заранее.

Возле здания телеканала было пустынно, и на том спасибо. А вот внутри толпился

народ. По большей части сотрудники, но среди них то и дело проскальзывали бейджи других теле- и радиоконпаний. Быстрым шагом Ксавьер пересек вестибюль и зашел в служебный лифт. За ним попытался пролезть особенно наглый репортеришка, но Серджио вытеснил его из кабины.

Ребекка грохнула трубку на базу.

— Долго же ты ехал. Видел, что творится по телеканалам? Даже у меня полный бардак, и все из-за тебя, местная ты знаменитость.

— Давай без предисловий, Ребекка, у меня очень мало времени.

Она швырнула папку на стол.

— Твой друг, Амадео Солитарио, — она схватила запиликавший телефон и гаркнула в трубку. — Я занята!

— Что с ним? Что с Солитарио?

— Прочитай внимательно, но сначала выслушай. Мне поступила информация, что он манипулирует твоей линией, как считает нужным. И уже получил несколько миллионов, о которых тебе, конечно, ничего не известно. Скрывает реальные доходы, представляя в отчетах ложную информацию, нанимает людей, которые подчиняются только ему.

— Быть не может. Нет, — Ксавьер нервно усмехнулся. — Это настолько же вероятно, как и то, что у моих родителей бескорыстные намерения.

— Я сказала, — в голосе Ребекки зазвенела сталь, и она выразительно указала взглядом на папку, — прочитай внимательно документы, которые я тебе отдала. Солитарио тебя надувает. И это факт. Чтобы сохранить высокое положение, которое в последнее время и так пошатнулось, придется выбирать — дружба или бизнес. Хотя, — Ребекка покачала головой, — ответ очевиден.

Ксавьер медленно перелистывал страницы. Ребекка сказала правду — документы содержали ценнейшую информацию, согласно которой Амадео нельзя было держать рядом с собой. Следовало как можно скорее прекратить вести с ним всякие дела, иначе все могло закончиться катастрофой.

— Да. Думаю, ты права. Очевидней некуда, — Ксавьер захлопнул папку и направился к двери. — Что ж, Амадео, кажется, пришла пора с тобой распрощаться.

Амадео, кивнув Серджио, зашел в кабинет Ксавьера. Тот по обыкновению сидел за столом и листал какие-то бумаги. На вошедшего обратил не больше внимания, чем на вездесущую охрану.

— Ксавьер! — Амадео подошел и оперся на стол. — В «Азарино» остановилась Жаклин. И час назад у нас состоялся очень неприятный разговор. Она утверждает, что...

— Меня не волнует то, что она говорит, — Ксавьер не отрывался от изучения документов. — И тебе пора бы перестать обращать внимание на такую ерунду. Лучше ответь на вопрос. Еще неделю назад я заметил, что ты абсолютно не следишь за сроками. Считаешь, что я прощу халатность за нашу с тобой дружбу?

Амадео выпрямился, на лице мелькнуло удивление.

— Не считаешь, что сейчас не самое подходящее время, чтобы заниматься делами?

— Как раз то самое, — Ксавьер захлопнул папку и бросил на край стола к груде таких же, обычно аккуратно сложенных. — Какая-то глупая месь не должна мешать бизнесу. Спрашиваю еще раз: когда ты в последний раз занимался работой? От тебя и вверенной тебе линии сплошные убытки, я трачусь на ее содержание, на перевозку товара, а от тебя никакой прибыли. Что ты можешь сказать?

Амадео все еще ничего не понимал. Два дня назад он предоставил Ксавьеру полный отчет о своей деятельности в южном районе, и тот даже похвалил его за расторопность, особо отметив упорядоченность поставок. Что стряслось на этот раз?

— Не понимаю, о чем ты. С линией все в полном порядке, транспортировка товара осуществляется по графику, как положено, а то, что объем уменьшился — результат встречных...

— Амадео, — Ксавьер откинулся на спинку кресла и вперил в него стальной взгляд. — Я, конечно, понимаю, что ты завел со мной дружбу ради бизнеса, но, кажется, в последнее время ты забыл обо всем, кроме как тащить из меня деньги. Ты правда считаешь, что я буду терпеть это ради смазливового личика?

— Ч-что?! — от возмущения Амадео начал заикаться. — Дружба ради бизнеса? Боже, Ксавьер, кто тебе это наплел?

— Никто, — тот постукивал ручкой по столу. — У меня есть глаза, и я вижу, как отвратительно ты справляешься с порученными делами. Я устал от этого. Транспортировка осуществляется за мой счет, именно поэтому она проходит как положено. А твои люди не работают, и ты позволяешь себе почивать на лаврах. Считаешь, что заполучил контракт — и можно расслабиться? Думаешь, мне нужен такой компаньон? Кажется, пришло время обговорить заново условия сотрудничества.

— Да что на тебя нашло, Ксавьер? — Амадео в отчаянии схватился за голову. — Условия тебя полностью устраивали, так почему сейчас ты ведешь себя так, словно хочешь... — он запнулся, внезапно все осознав, — ...хочешь разорвать соглашение?

Тот согласно кивнул.

— Именно. Я не держу рядом с собой бесполезных людей, которые только вытягивают из меня деньги. Никакая дружба не может стоять на пути моего бизнеса. Скажу более доходчиво — я не желаю видеть никчемного красавчика, который два и два сложить не может. Не пора бы вернуться под крыло папочки, чтобы я наконец перестал объяснять людям, что рядом со мной нет никакой женщины в мужском костюме?

Амадео вздрогнул. По коже пробежал неприятный холодок, к горлу подкатил ком. Что за чушь несет Ксавьер? Кто наговорил ему такого?

— Ты... Что ты себе позволяешь? Как смеешь говорить такое? Ты всегда был доволен моей работой, что произошло? И я, черт побери, не женщина!

Ксавьер откровенно расхохотался.

— Правда? Что-то я не вижу ничего мужского, оно вообще у тебя есть? На что ты еще годен, кроме как позировать для обложки журналов? Твой брат был прав — ты безмозглый, смазливый, ни на что не годный отброс.

Как может Ксавьер, его лучший друг говорить такое? С каких пор он так изменил мнение об Амадео? Или... он его никогда и не менял? Мысли вихрем крутились в голове, и ни одну не удавалось поймать. Амадео тряхнул волосами и ударил ладонями по столу.

— Я не знаю, почему ты себя так ведешь, Ксавьер, но прекрати немедленно! Сейчас не та ситуация, чтобы устраивать сцены! Если тебе что-то не нравится, обсудим это после, сейчас возьми себя в руки! Жаклин утверждает, что ты забрал у нее бизнес! Я знаю, что она лжет, но почему ты ничего не делаешь, чтобы это опровергнуть?

— Я уже сказал, — в голосе мужчины звенела сталь. — Мне нет никакого дела до того, что творится за пределами моего бизнеса. И да, это уже не бизнес Жаклин, он мой. Ты не ослышался. Я действительно оставил ее ни с чем, завладев корпорацией. И собираюсь

проделать то же самое с «Азар», но ты стоишь у меня на пути. Каким образом я смог бы еще заполучить такой лакомый кусок, кроме как втереться в доверие наивному мальчику, который вот-вот сам принесет мне контрольный пакет акций на блюде? Лукас был прав, ты только одним способом можешь устроить выгодный контракт. Не желаешь предпринять последнюю попытку?

Если бы Ксавьер ударил его, Амадео бы удивился меньше. Он ошеломленно отступил, широко раскрыв глаза.

— Это... Это уже слишком, Ксавьер. Твоя шутка далеко зашла, и я не желаю больше это выслушивать.

— А что тебе не нравится? Я сказал тебе правду, обрисовал истинное положение дел, — продолжал измываться тот, поднимаясь с кресла. — Компания твоего отца в упадке, ничто ее не спасет, так почему бы не отдать ее мне? Твой последний шанс удержаться на плаву, ведь должен я получить от тебя хоть что-то, если ты не зарабатываешь мне денег? — он протянул руку и намотал на палец прядь волос Амадео. — Ничего личного, только бизнес...

Амадео размахнулся и ударил Ксавьера кулаком по лицу. Тот, казалось, даже не удивился, хотя из разбитой губы и носа закапала кровь. Дрожа, Амадео отступил к двери, прижавшись к ней спиной.

— Ты! Ты просто отвратителен! А я еще считал тебя своим другом! Н-не смей ко мне прикасаться! Никогда! — он, не глядя, нащупал ручку и выскочил в коридор.

Пришел в себя он лишь на улице. Сердце бешено колотилось, желудок сводило. Все тело сотрясала дрожь, в груди клокотала ярость, перемешиваясь со злостью и горечью. В голове гулял ветер, тормоша одну-единственную мысль: его предали.

Как он добрался до дома, Амадео плохо помнил. Уже наступил вечер, шел снег. Отовсюду сверкали гирлянды, радостные глаза и улыбки. А у него внутри было пусто, как у куклы.

Пробегавший мимо мальчишка толкнул его, и Амадео рефлексивно схватил его за куртку. Вторая рука метнулась к карману, проверяя там ли бумажник. Тот оказался на месте, но Амадео не понимал, зачем вообще это сделал.

— Вы чего, мистер? — удивленно захлопал глазами мальчик.

— Ничего, — пробормотал он. — Беги дальше.

Отработанный рефлекс, которому научил его Ксавьер, когда только-только взял над ним шефство. Бывший карманник как никто другой знал приемы уличных мальчишек, а по роду деятельности Амадео приходилось часто бывать в неблагополучных районах.

Сердце снова сжалось. Ксавьер предал его. Хватит думать о нем как о друге.

Охрана у входа склонила головы в знак приветствия, но Амадео даже не взглянул на них, поднимаясь на крыльцо. Толкнул дверь и ступил в полумрак прихожей. Все силы разом ушли, и он прислонился к стене, запустив пальцы в слипшиеся мокрые волосы.

Почему Ксавьер так поступил? Неужели с самого начала планировал прикарманить «Азар» и лишь втирался ему в доверие? Но тогда зачем было расписывать всю свою жизнь, уверяя при этом, что он никому так не верил, как Амадео? Люди, которые слишком много знают, опасны, уж это Ксавьер должен понимать!

Одни вопросы. И нет ответов. Только ясно как день — его предали. Вышвырнули, как надоевшую игрушку. Ксавьер с самого начала лишь использовал его в своих интересах, а когда понял, что не получит компанию, решил не терять времени даром на утешение сопливого мальчишки и просто разорвал контракт. Все эти разговоры про брата гроша

ломаного не стоили. Ксавьер и сам тот еще актер, ничем не лучше лже-Фредерика!

— Я же тебе верил, черт возьми! — прошептал Амадео, запустив пальцы в волосы. — Верил!

Что-то не складывалось. Разве Ксавьер поверил бы так легко в то, что Амадео мог его подставить или обмануть? Или родители и мнимый брат настолько свели его с ума, что он в каждом окружающем человеке видит врага? Но Жаклин сказала правду о том, что Ксавьер отобрал у нее бизнес. И он сам это подтвердил. Неужели и в отношении «Азар» он действительно вынашивал подобный план?

В это было сложно поверить. Однако слова самого Ксавьера не оставляли никаких сомнений.

— Молодой господин, — услышал он над собой надтреснутый голос.

Подняв голову, он увидел Розу. Она участливо склонилась над ним, протягивая полотенце.

— Вы вымокли, молодой господин. На улице ужасный снег, а вы даже не отряхнулись перед тем как войти.

— Да... Спасибо, — он взял полотенце и промокнул волосы. — Отец у себя?

— Ждет ужин. Отказывается садиться за стол, пока вы не придете, — она чуть улыбнулась, и резкие черты лица немного смягчились. — Сегодня Рождество, вы забыли?

Вот черт. И правда, со всеми этими событиями изголовья начисто вылетел семейный праздник.

— Нет... Не забыл. Я сейчас. Только... Переоденусь.

В комнате он бросил полотенце на кровать и ненадолго присел, закрыв лицо руками. Внутри было пусто, даже боль, и та прекратилась. Он вообще ничего не чувствовал. Но, по крайней мере, отсутствие эмоций дало возможность порассуждать.

Их ссора началась с претензий к работе Амадео. Какие у Ксавьера были причины нападать на него по этому поводу? Если с линией что-то не в порядке, он сначала выяснил бы все обстоятельства, а уже потом делал выводы. Амадео знал его от силы полгода, но уже понял, что принимать поспешных, ничем не обусловленных решений Ксавьер не любит. Даже в самом мелком деле выяснял все досконально, вплоть до количества бензина, требующегося для доставки товара от порта до склада. Так почему же он отступил от своих правил на этот раз? Или ему всего лишь нужна была причина, чтобы избавиться от ставшего бесполезным партнера?

И почему он не рассказал о том, как на самом деле начал свой бизнес?

Размышления прервал голос Розы. Она звала ужинать.

— Мальш, что с тобой? — Кристоф перегнулся через стол и взял Амадео за руку. — Ты сам не свой. Что произошло?

Ничего особенного, только контракта с Ксавьером больше не существует, и я в этом виноват, ответил про себя Амадео, однако вслух сказал другое, не желая волновать Кристофа.

— Ничего, отец, все в порядке. Ешьте, — он кивнул на тарелку, которую только что поставил перед отцом Лукас.

Тот подчинился, решив, что расспросит сына позднее. Брат же сел напротив, рядом с Викторией, сверля Амадео взглядом, но тот даже не заметил этого, уткнувшись в стол. Фыркнув, Лукас начал есть.

— Принц не в духе, видимо.

— Лукас, не нагнетай обстановку, — осадил Кристоф, положив вилку на край тарелки. — Амадео, после ужина зайди ко мне, расскажешь, что произошло.

— А как же еда? Ты совсем мало съел, — Лукас указал на почти полную порцию Кристофа.

— Хватит на сегодня. Я не голоден, — отец поднялся из-за стола. — Малыш, жду тебя в кабинете. Не задерживайся.

Когда он удалился, Роза напустилась на Амадео:

— Молодой господин! Что с вами такое? Из-за вас ваш отец остался голодным! А ну живо взяли его тарелку, и чтобы она была пустой, когда вы выйдете из кабинета!

— Да, — он моргнул, возвращаясь в реальный мир. — Да, конечно, я уговорю его поесть. Извините.

— Извините, — фыркнула она. — Видимо, и в самом деле произошло нечто серьезное, раз вы забыли о своих обязанностях! Чего стоите? Марш!

Лукас тоже поднялся из-за стола, поблагодарил Розу, но помедлил, прежде чем покинуть столовую. Он замер, задумавшись, затем шагнул к двери, столкнувшись с Амадео.

— Прости, — пробормотал он, отступая в сторону.

Тот машинально кивнул, вовремя успев убрать тарелку, чтобы не опрокинулась. И только выйдя в коридор, на мгновение удивленно остановился. За все пятнадцать лет Лукас ни разу не извинялся перед ним. Тем более за такую мелочь.

— Входи, малыш, — ответил Кристоф. — Вижу, Роза насильно всунула тебе в руки мой ужин. Эту женщину ничем не проймешь.

— Так и есть, но она права, я совсем забыл...

— Неважно, поставь на стол и подойди.

Амадео так и поступил. Теплые ладони стиснули его похолодевшие пальцы.

— Малыш, — сказал Кристоф. — Что с тобой происходит? Ты сам на себя не похож. Какие-то разногласия с компаньонами?

Амадео в очередной раз поразился способности Кристофа видеть его насквозь. Всю ложь, все притворство он моментально раскусывал, бесполезно было ему врать.

— Нет... — Амадео запнулся. — То есть... Да. Немного, но это легко поправимо, отец, — голос предательски дрогнул.

— Ксавьер Санторо? — Кристоф пристально всматривался в его лицо. Взгляд Амадео скользнул в сторону, и тот моментально все понял. — Значит, он снова что-то вычудил. Я говорил, что он любит устраивать проверки на стрессоустойчивость, и...

— Это была не проверка, отец, — фраза прозвучала слишком резко. — Извините. Он просто разорвал наш контракт, ничего не объяснив. Вот и все.

— Вот как? — удивился Кристоф. — Обычно это не в его правилах. Ксавьер Санторо не тот человек... — голос прервался.

— Отец? Отец, что с вами?! — Амадео в ужасе смотрел, как Кристоф, вцепившись в подлокотники кресла, начал хватать воздух ртом. — Лукас! Живо вызывай врача!

Амадео сидел на краю кровати и держал Кристофа за руку. Стефан приехал быстро, осмотрел пациента и теперь о чем-то тихо разговаривал с Лукасом в дальнем конце комнаты. Но Амадео было плевать, о чем они говорят. Мог ли он так сильно расстроить отца, что вызвал второй инсульт или что-то похуже? Зачем он вообще рассказал о расторжении сделки? Надо было промолчать, а потом решить этот вопрос самостоятельно.

— Простите, — прошептал Амадео, прижавшись щекой к руке Кристофа. — Простите

меня.

Тот тяжело дышал. Глаза были закрыты. В комнате горела лишь одна лампа, и в ее свете Кристоф казался гораздо старше своих пятидесяти трех лет. Стефан подошел и начал складывать в чемоданчик инструменты, поглядывая на главу семьи Солитарио с сожалением.

— Амадео, — позвал Лукас. — Можно с тобой поговорить?

Тот с трудом выпустил руку отца и вышел следом за Лукасом в коридор.

— Отец при смерти, — Лукас отошел к лестнице, опустив плечи и вперив взгляд в пол. — Стефан говорит, что... — он отвел взгляд и судорожно вдохнул, — что ему осталось недолго.

Амадео будто ударили в грудь, и он прислонился к стене, чтобы не упасть. Всего несколько минут назад отец был бодр, шутил насчет нелюбимого ужина... Когда же это успело произойти?

— Нам стоит быть с ним, Амадео, — Лукас подошел к нему. — Идем.

Без возражений тот последовал за братом. В голове все смешалось, мысли не желали вставать на свои места. Отец умирает? Нет, он не может, он же еще столько не сделал, почему именно сейчас?

Амадео сел на кровать. Он только сейчас заметил, что впервые руки Кристофа были холоднее, чем его. Слезы навернулись на глаза. Его отец, его самый близкий человек, который поддерживал во всем, сипло дышал. Жизнь уходила из него.

— Отец, — тихо позвал он.

— Малыш, — Кристоф с трудом повернулся к Амадео. Глаза наконец открылись, но затуманенный взгляд уже ничего не видел. — Что-то я совсем расклеился, — он сжал руку сына слабеющими пальцами. — Где Лукас?

— Я здесь, отец, — тот говорил сдавленным голосом — его душили слезы.

— Здесь? Хорошо. Лукас, я не успел многого сделать, но прошу тебя... Помоги Амадео. С компанией... с компанией трудно управиться одному... Я надеюсь, что вы наконец подружитесь...

— Да, — тот присел на краешек кровати и участливо взял Кристофа за другую руку, глаза блеснули. — Обещаю.

Щеки Амадео защекотали слезы. Он сильнее сжал руку отца и наклонился к нему, прижавшись щекой к холодеющей ладони. В этот момент он был готов простить Лукасу что угодно, лишь бы отец пожил еще немного. Побыл с ним. Не бросал его.

— Малыш... — Кристоф засипел, дыхание становилось все тише, пока не прекратилось совсем. Рука выскользнула из пальцев сына и безжизненно упала на кровать.

Амадео опустил голову, до крови прикусив губу. Из него будто вынули все внутренности и оставили лишь пустоту, которую ничем не заполнить. Вместе с Кристофом, казалось, умер он сам. Все кончено. Больше никогда он не увидит улыбки, больше никогда не почувствует тепла. И никогда не услышит ласкового обращения.

— Как ты посмел, — наступившую тишину нарушил шепот Лукаса. — Как ты мог так поступить с ним?

— Что? — Амадео поднял удивленный взгляд. На щеках слезы прочертили блестящие дорожки.

— Он доверял вам, — вступил в разговор врач. — И не только он. Все приближенные считали вас честным и благородным человеком, а вы так обошлись с собственным отцом.

— Я не понимаю, о чем вы...

Лукас сделал знак Стефану.

— Расскажите ему то, что сообщили мне.

— Все очень просто, — сказал тот. — Вашего отца отравили, предположительно, стрихнином. Это быстродействующий яд, который парализует дыхательную систему. Господину Солитарио стало плохо сразу после ужина. Я взял образец крови, скоро будет готов анализ, и...

Амадео вскочил, едва не опрокинув стул.

— Да как вы смеете...

— Замолчи, — оборвал его Лукас. — Все знали, что ты лично носишь ему еду, он соглашался есть только после твоих уговоров. И сегодня ты отправился кормить его в кабинет. Чего тебе стоило подмешать яд по пути?

— Я не делал этого, Лукас, какого черта?! — Амадео затрясло, он с трудом сдерживал гнев и страх.

— А я-то думал, он тебе дорог, — внешнему спокойствию Лукаса могла бы позавидовать непоколебимая скала, несмотря на то, что в глазах стояли слезы. — А ты так с ним поступил, Амадео. Отвратительно. Охрана! Препроводите этого убийцу в кабинет отца и запирайте до прибытия полиции.

Амадео потерял дар речи. Он даже не стал сопротивляться, когда охранник — его охранник грубо заломил ему руки за спину и тычками погнал прочь из спальни отца.

В кабинете он пробыл час, но мысли никак не желали упорядочиваться. В голове гудело, руки и ноги не слушались. Отца отравили. И убийцей представили его, Амадео! Но он не мог этого сделать! Ни за что! Он любил отца и не желал ему смерти!

Но кто? Кто осмелился? Врач мог дать яд под видом лекарства, но зачем? Уважаемый человек, который работал на семью Солитарио уже долгое время — и вдруг решает избавиться от Кристофа? Бессмыслица. Тем более отцу стало плохо задолго до приезда Стефана.

Амадео сполз с кресла на пол, сжимая виски ладонями. Все за один вечер — предательство Ксавьера, смерть отца и обвинение в убийстве совершенно лишили его сил.

Ребекка. Она может помочь разобраться. Больше никого не осталось, да и она может отказать, но стоит попытаться. Он сунул руку в карман за телефоном, и пальцы наткнулись на какой-то небольшой цилиндрический предмет.

Амадео в удивлении уставился на стеклянный пузырек из-под лекарства. Пустой пузырек.

В сознании только-только начала формироваться страшная мысль, как дверь кабинета распахнулась. Лукас остановился на пороге и вперил холодный взгляд в брата. Слезы уже высохли, и не осталось ничего, кроме спокойного ледяного торжества. Это изрядно удивило Амадео, однако сил размышлять у него уже не осталось.

— Лукас! — наконец не выдержал он, поднимаясь. — Что происходит, черт побери? Кто отравил отца?

— Ты, разве не ясно? — так же холодно ответил тот.

— Я не делал этого! Почему ты мне не веришь? Мы же братья!

— Ты перестал быть мне братом после этого, — отрезал Лукас, входя в кабинет и запирая за собой дверь. — Не мог дождаться, когда станешь главой компании, да? Именно поэтому и задумал такое. Как низко. Красавчик Амадео, от которого в восторге все, кто с

ним знаком, отравил отца в погоне за наследством. Интересно будет почитать завтра утренние газеты.

— Ч-что ты несешь? — голос Амадео задрожал. — Я никогда...

— Молчать! — Лукас отвесил ему оплеуху. — Я не желаю слушать жалкие оправдания отцеубийцы!

Амадео таращился на него, широко раскрыв глаза. На щеке алело пятно от пощечины брата. А того было не остановить.

— Всегда во всем идеальный младший сыночек Амадео! Кукольное личико, роскошные волосы, да ты прямо всеобщий любимец! Как же ты меня достал! Всегда стоишь на моем пути, будто больше некуда пойти. Надеюсь, ты не успеешь сгнить в тюрьме, куда в скором времени отправишься, потому что я буду молиться о том, чтобы тебя разорвали в клочки в первую же ночь!

Плечи Амадео непроизвольно вздрагивали от каждого оскорбления, которыми щедро поливал его брат. Словно ледяная игла пронзала сердце снова и снова, причиняя адскую боль. Значит, все это время Лукас попросту ненавидел его. Не недолюбливал, как частенько называли это Роза и другие обитатели дома, а именно ненавидел. Чистой, незамутненной ненавистью. Достаточной для того, чтобы пойти на...

И тут его осенило. Наконец-то голова снова начала соображать, и Амадео моментально увидел всю цепочку.

— Ты... так это ты все подстроил. Отравил отца и хочешь занять его место, отправив меня в тюрьму!

Тот замолк. В глазах на мгновение мелькнуло удивление, но затем губы искривились в усмешке.

— А где доказательства, мой дорогой брат?

— Я слышал, как ты просил кого-то доставить тебе яд. Да, речь шла именно о нем, теперь я в этом уверен. Сказал, что не пожалеешь денег, лишь бы его доставили тебе в скором времени! — Амадео запустил пальцы в волосы. — И подкинул мне пузырек из-под него, когда столкнулся со мной на выходе из столовой! Я понимаю, за что ты ненавидишь меня, но почему пострадал отец?!

— Тебе все равно никто не поверит, Амадео, — отрезал Лукас. — Просто смирись. Иначе я попросту убью тебя.

В кабинете стало так тихо, что Амадео, казалось, слышал стук сердца Лукаса, стоявшего напротив. Впрочем, какого сердца? У этого монстра его никогда не было!

— Нет, Лукас, — горло будто выстелили наждачкой, слова давались с трудом. — Тебе не удастся повесить на меня свое преступление.

Амадео бросился на него, но Лукас ожидал нападения. Он отскочил в сторону и сбил брата с ног.

— Сбежать отсюда не удастся. И доказать невиновность — тоже.

Он сгрел Амадео за волосы и с силой ударил затылком о пол. Из глаз посыпались искры, однако сознания тот не потерял, хоть на какое-то время и лишился способности сопротивляться.

— Шикарный Амадео, гордость семьи, — шипел Лукас, брызжа слюной ему в лицо. — Кроме внешности ничем не выделяешься, так почему бы тебе не стать шлюхой? Прекрасная перспектива для такого, как ты! Полюбуйся, насколько ты жалок. Собирался стать главой компании? Не смейся. Всего лишь грязная подстилка!

Туман в голове рассеивался, и Амадео попытался спихнуть с себя Лукаса. Но тот намотал его волосы на руку и с силой дернул вверх. От боли на глаза навернулись слезы, но Амадео не издал ни звука.

— Чего молчишь? Ты должен, черт побери, молить о пощаде! Так же, как у смертного одра отца! «Нет, Лукас, я ничего не сделал, Лукас, пожалуйста, Лукас!». Вот о чем ты должен вопить, хныкать, молить! Молить меня о милости!

— Ни за что, — сквозь стиснутые от боли зубы процедил Амадео. — Убей меня или отправь в тюрьму, но умолять тебя я не стану.

Казалось, что Лукас сейчас лопнет от переполнявшей его злости. Лицо покраснело, ноздри раздувались, как у быка на корриде.

Но внезапно буря прошла.

— Что ж, раз ты такой несговорчивый, у меня не остается иного выбора.

Не отпуская Амадео, он дотянулся до стола. Ладонь сомкнулась на сверкающих ножницах с перламутровыми ручками.

— Придется лишить тебя твоей гордости, непокорный отброс.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net